

**ЮЗЕФ  
ИГНАЦИЙ  
КРАШЕВСКИЙ**

САКСОНСКАЯ ТРИЛОГИЯ  
(СБОРНИК)

# Юзеф Игнаций Крашевский

## Саксонская трилогия (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=35256231](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35256231)*

*Саксонская трилогия (сборник): ООО «Остеон-Групп»; Ногинск; 2018*

*ISBN 978-5-85689-219-1*

### **Аннотация**

Польский писатель Юзеф Игнацы Крашевский (1812–1887) известен как крупный, талантливый исторический романист, предтеча и наставник польского реализма. Представляем читателю цикл его романов «Саксонская трилогия», объединившего три его лучших романа из польской истории. Романы переносят нас в Саксонию XVIII века. Героиня первого романа графиня Анна Козель (1680-1765), став фавориткой польского короля Августа II, задумывается о своей дальнейшей судьбе. Сама она считает, что чувства ее нельзя купить ни за горсть, ни за гору бриллиантов. Но сможет ли она устоять, глядя на блеск короны, и не рискнуть всем?.. Герой второго романа, Генрих фон Брюль, сын обедневшего дворянина из Тюрингии, неожиданно распрямляет спину, решив получить от жизни все и сполна. Ловкость, изобретательность и умение держать нос по ветру превращают этого некогда скромного придворного пажа в хитроумного советника короля польского и курфюрста саксонского Августа II Сильного, а

затем и Августа III. Но, как известно, чем выше взлетишь, тем большее падать... Завершает трилогию роман «Из Семилетней войны» (1756–1763). В центре произведения – судьба канцлера де Симониса, охотника за счастьем при королевских дворах Германской империи. Написанные живо, увлекательно, в лучших традициях жанра, романы трилогии передают быт, нравы и колорит «галантной Саксонии» XVIII века.

# Содержание

Иосиф Игнатий Крашевский	5
Графиня Козель. Том первый	12
Графиня Козель. Том второй	286
Конец ознакомительного фрагмента.	334

# Юзеф Игнаций Крашевский Саксонская трилогия

## Иосиф Игнатий Крашевский

Сегодня истекает 25 лет со дня смерти<sup>1</sup> плодовитейшего польского беллетриста И. И. Крашевского. Через три дня будет сотая годовщина со дня его рождения, – таким образом текущий год собрал конец и начало этого 75-летия трудовой, упорной жизни, сыгравшей крупную роль в истории польской литературы и общественности.

Сотни томов – романы, повести, стихи, критические статьи, исторические монографии – вот богатый вклад Крашевского в польскую литературу. Но главные его заслуги две: вытеснение из обывательского обихода французского романа и введение в художественное творчество героев из непривлекательной среды.

Еще в одном из первых своих романов Крашевский спрашивает: «Почему никто из авторов не пишет для низших

---

<sup>1</sup> Статья В. В. Воровского «Иосиф Игнатий Крашевский» к 25-летию со дня смерти (16/III 1887 –16/III 1912), напечатана в газете «Одесские Новости» от 6 марта 1912 г. за подписью П. Орловский.

классов людей?». И он сам начинает писать так, чтобы сделаться доступным этим низшим классам. Его ранние повести, например, «Большой свет маленького местечка» или «Дважды два – четыре» кишат мещанами, ремесленниками, безродной интеллигенцией. Шляхта, привилегированная часть общества, перестает быть монопольным объектом романиста, а потому и самый роман делается доступнее и ближе непривилегированным слоям. И это общение писателя с среднемещанским слоем остается прочным на всю его жизнь. Сколько ни колебался он в своих политических взглядах, сколько ни делал ошибок в своих шагах как общественном поприще, здесь, в литературе, у себя дома, он был последовательным проводником того гуманизма, который так свойственен эпохам «органического гниения», когда каждый человек оценивается по его трудоспособности и пользе, и всякие кастовые перегородки, основанные только на родовитости, на привилегиях рождения или родства, кажутся вредными и подлежащими уничтожению. И Крашевский всю жизнь, и чем дальше, тем энергичнее, боролся с непроизводительными, тунеядными классами польского общества. Разложение и вырождение аристократии, упадок шляхетства, противопоставление им трудового мещанства и крестьянства – вот вечно повторяющаяся тема его повестей. Естественно было, что по мере разложения старого общества – а при жизни Крашевского польское общество успело коренным образом переродиться – жизнь давала все более

яркий материал для обличительного творчества писателя.

На ряду с художественной деятельностью, Крашевский все время не переставал заниматься и деятельностью общественной, то как сотрудник политической газеты, то как редактор или издатель, то даже как «земец». В непрекращающейся борьбе двух течений: реакционно-шляхетского и демократически-прогрессивного, Крашевский старался занять «золотую середину». Это ему не всегда удавалось. Постоянно боясь «крайностей» демократов, он невольно попадал в лапы реакционеров. 1 f-к, он сближается к началу 40-х гг. с реакционером Г. Ржевусским, с католиком М. Грабовским, Головинским и др. и основывает журнал «Атеней». Но по своим основным взглядам Крашевский не мог прочно связаться с мертвецами старо-шляхетской Польши. Уже в 1844 г. он рвет с реакционной компанией и, хотя в 1849 г. встречается с Ржевусским в «Петербургском Еженедельнике», но уже в 1850 г. опять уходит из этой газеты.

Когда со вступлением на престол Александра II поднят был крестьянский вопрос, Крашевский в качестве волынского помещика представил Волынскому комитету свою докладную записку. Она очень характерна для умеренно-мещанского мировоззрения его. Он разделяет два вопроса: о личном освобождении крестьян и о наделении их землей. Первый вопрос он считает бесспорным, но советует производить освобождение осторожно, постепенно, не выпуская крестьянина из-под опеки «ради его собственного блага». По

второму вопросу он находит, что «земля есть собственность помещика, а крестьянки есть свободный работник на ней». Если бы не хватило работников на земле, шляхта погибла бы, а с ней и цивилизация, ибо она – единственная носительница цивилизации. Ему неясно еще, следует ли наделить крестьян только усадебной землей или же дать им в аренду также и часть пахоты, несомненно только, что то, что им отрежут, должно сделаться их бесспорной собственностью после нескольких или нескольких десятков лет опеки и надзора. При этом он рекомендует учредить для крестьян «принудительный прием» на работу. «Крестьянину немного надо, – говорил он, – но необходимо религиозное просвещение, христианское образование, проникновение духом любви, труда и самопожертвования. Это типичная точка зрения новомодного помещика, жаждущего от «великой реформы» получить и землю и дешевые рабочие руки. Но характерно, что волынским зубрам записка Крашевского показалась чересчур либеральной.

Накануне восстания 1863 г. Крашевский жил в Варшаве, где редактировал «Польскую Газету». В период манифестаций, предшествовавших восстанию, он опять попал в критическое положение человека «золотой середины». К счастью для него в январе 1863 г., т. е. за несколько дней до открытой борьбы, правительство Велепольского частным образом посоветовало ему уехать за границу. Он уехал в расчете на путешествие в несколько месяцев, но уже больше не вернул-

ся на родину.

Крашевский поселился в Дрездене. События в 1864 г. еще больше разочаровали его в жизнеспособности дворянства, и он все сильнее склонялся в своих симпатиях к средним классам. Вместе с тем чисто моральная тенденция захватила его полке и стала доминирующей в его повестях. На ряду с целым рядом новых романов, он занялся громадной работой – изображением в повестях всей истории Польши, от Пяста до XVIII века. Но эта работа имела меньше успеха. Принизание исторических личностей, которое вытекало из всего его миропонимания, и мрачные краски, которыми он рисует прошлое, не соответствовали настроению польского общества, только вынесшего поражение в борьбе и склонного к «нас возвышающему обману».

В 1879 г. Крашевский пережил то, что выпадает в удел редкому писателю – по крайней мере, при жизни. Польское общество праздновало его золотую свадьбу с литературой. Это торжество наглядно показало, насколько близок был Крашевский «массе» общества, именно «среднему классу», тому мещанству, которое народилось из развалин шляхетства и новообразований капитализма. Апофеоз певца «золотой середины» был инсценирован в Кракове, в историческом зале «суконных рядов». Но, увы, совершенно неожиданно «кончился пир бедою». Когда Крашевский, утомленный чествованиями, пробыл лечебный сезон во Франции и возвращался оттуда к себе в Дрезден, он был в Берлине арестован

и заключен в тюрьму Моабит. Против него было возбуждено следствие по обвинению в государственной измене. Это известие ошеломило польское общество.

Дело было в следующем: Крашевский, очень далеко стоящий от военного мира, попал в руки шантажиста, некоего Адлера, который доставлял через него военные корреспонденции во французские газеты. Когда Крашевскому объяснили, что это предприятие может быть истолковано превратно, было уже поздно. Тот же Адлер донес на него, и Крашевский был отдан под суд, который приговорил его к трем с половиной годам крепости.хлопоты влиятельных лиц, даже итальянского короля Гумберта, не могли смягчить участи 72-летнего старика. Только в 1886 г. удалось получить, под залог в 22 тыс. марок, 6-месячный «отпуск» Крашевскому для поправки здоровья. Но готовые уже разрешения протянули с мая до октября, а 19 марта 1887 г. Крашевский умер в Женеве. Гакатистская<sup>2</sup> политика Бисмарка не могла обойтись без этого удара ослиным копытом по больному, умирающему старику.

Крашевский не был гением, не был и выдающимся. пламенным талантом. Это был умный, способный, даровитый писатель-труженик, распахивавший, в меру сил своих, тяжелую новь польского романа. Своей работой он подготовил в

---

<sup>2</sup> От слова «гакатисты» – кличка членов реакционного национального немецкого союза Восточной Пруссии, возникшего в 1894 году под эгидой Бисмарка. Кличку придумали поляки по начальным буквам трех основателей союза: Ганзсмана, Канемана и Тидемана.

умах почву для течения, которое под именем «органического труда» развилось особенно сильно после 1864 г., – течения, вызванного явной победой капитализма в польском хозяйстве.

Конечно, для нашего времени и мировоззрение Крашевского и его творчество утратили большую долю своего значения и интереса. Но для своей эпохи он был большой величиной: попробуйте вынуть эту фигуру из истории польской общественности и литературы – и вы увидите, какая громадная дыра останется там.

*Вацлав Воровский*

*1912 г.*

# Графиня Козель. Том первый

## 1

Королевский замок в столице Саксонии словно вымер: в нем было тихо, мрачно и уныло. Ночь стояла осенняя, хотя обычно в конце августа листья едва начинают желтеть, холодные ветры дуют редко, дни бывают еще погожие, а ночи ясные и теплые. Но в тот вечер подуло вдруг с севера, и огромные тучи, черные, рваные, тянулись одна за другой, а редкие звездочки загорались и тут же гасли.

У Георгентор в воротах замка и во дворе шагала взад и вперед безмолвная стража. Освещенные всегда окна королевских хором, откуда струились в изобилии свет и музыка, были сейчас темны и затворены. А это было явлением необычным во времена царствования Августа, прозванного «Сильным», потому что сила его проявлялась во всем – он гнул железо, сгибал людей, одолевал тоску и напасти, его же ничто сокрушить не могло. На всю Германию, да что, на всю Европу славился блестящий королевский двор, перед которым меркли все остальные: не было равного ему по великолепию, изысканности и расточительности.

Однако в нынешнем году Август II потерпел поражение.

Швед лишил его польского престола, на который он был избран. Низвергнутый, можно сказать, с трона, изгнанный из королевства, Август вернулся в свое курфюрстское гнездо оплакивать потери, загубленные зря миллионы и черную неблагодарность поляков. Саксонцы недоумевали, как можно не боготворить такого великодушного и милого государя и не жертвовать ради него головой.

Август недоумевал больше всех. Слово «неблагодарный» сопровождало всякому упоминанию о поляках, и, в конце концов, в присутствии Августа стали избегать разговоров об этой стране, о шведском короле и обо всех последних неудачах. Август же Сильный дал себе слово когда-нибудь вернуть былое могущество.

Дрезден после возвращения короля предался развлечению, дабы утешить его, но нынче в замке стояла непонятная тишина. Почему? Никто не знал. Ведь король еще не отбыл ни в одну из своих резиденций, да и ярмарка в Лейпциге еще не открылась; к тому же ходили даже слухи в городе и при дворе, что Август назло шведу собирается устраивать балы, карусели, маскарады, чтобы доказать ему, что не слишком близко принимает к сердцу временное свое поражение.

Редкие прохожие, поравнявшись с замком, взглядывали на окна и удивлялись, почему так рано у короля воцарились тишина и тьма. Но если бы кто-нибудь из них, миновав большие ворота и первый двор, проник во второй, он бы убедился, что замок лишь кажется вымершим, внутри же в нем бур-

лит жизнь.

Стража не пускала туда никого.

На втором этаже окна, несмотря на ветер, были настежь растворены, за приспущенными занавесями сиял яркий искрящийся свет, отражавшийся во множестве зеркал, в зале время от времени взрывался гомерический смех; вылетая во двор, он пугал стражу и, ударившись о серые стены, замирал еле слышным эхом. Смеху вторил гул, он то ослабевал, то усиливался, потом переходил в бормотанье и вовсе затихал. Вдруг, как бы после чьих-то слов, срывались рукоплескания и снова гремел смех, царственный, раскатистый, ярый смех человека, не боявшегося услышать в ответ колкость и язвительную насмешку. При взрывах безудержного хохота стражник, расхаживавший под окнами с алебардой, останавливался, поднимал голову и, вздохнув, снова опускал ее долу.

Что-то жуткое было в этом ночном пиршестве под вой свирепого вихря в мертвом замке и затихшей столице.

Там веселился король.

Со времени его возвращения из Польши такие ночные пиршества в узком кругу наперсников (назовем их приятелями) стали явлением обычным. Август Сильный, побежденный чудаковатым, слывшим недоумком, Карлом XII, стыдился показываться на многолюдных сборищах, но без празднеств и забав он жить не мог и потому ограничил себя небольшим кругом приближенных. На стол ставили венгерское золотистое вино, за которым каждый год посылался на-

рочный в Венгрию, наполняли кубки и пили до самого рассвета, до той минуты, пока, заснув, не валились со стульев, пока разгулявшегося короля придворный не уводил под руку в опочивальню и не укладывал в постель.

В круг избранных жрецов мадьярского Бахуса допускались немногие: только верные и преданные, только фавориты, ибо король (так говорили) после нескольких кубков вина становился опасным для тех, кого не выносил. Сила у него была геркулесовая, гнев олимпийский, а власть неограниченная. Днем, стоило ему разгневаться на кого-нибудь, лицо его сразу вспыхивало красным заревом, глаза сверкали, губы дрожали, и он отворачивался, чтобы не видеть того, кто вызвал в нем гнев. Но вечером, после возлияний, не один приближенный был выброшен из окна и, упав на камни мощеного двора, уже не поднимался более. Так говорили люди. Вспышки гнева у короля были редкими, но страшными, как гром небесный.

В обыденной жизни трудно было найти человека более покладистого, приятного и обходительного. Люди замечали даже, что чем хуже он к человеку относился, тем ласковей была припасенная для него улыбка, а перед тем как сослать кого-нибудь из своих фаворитов в Кенингштейн, нередко на десятки лет, Август сжимал его в объятиях, как лучшего друга. Такая уж это была благородная натура – во что бы то ни стало хотелось ему смягчить уготованную людям тяжелую участь.

Но без развлечений Август обойтись никак не мог, что ж удивительного, если приводили к нему для потехи двух медведей и стравливали их, а то подпаивали двух завязых врагов, чтобы они друг с другом грызлись. Развлечения такого рода очень по душе были королю, и, когда Вицтумы, Фризенны или Гоймы, выпив, принимались яростно поносить друг друга, король надрывался от хохота. Что и говорить, невинная то была забава.

А стравить своих приближенных королю ничего не стоило, ведь он знал о них всю подноготную: кто кого любит, кто кого ненавидит, кто незаконно взял деньги из казны и сколько; даже в тайные замыслы придворных проникал король, а если и не знал о них, то догадывался. Тщетно было ломать голову над тем, кто выдавал ему это, кто нашептывал и доносил. В конце концов, люди переставали верить друг другу, брат боялся брата, муж таился от жены, отец опасался сына, а король Август Сильный потешался над всем этим сбродом. Он взирал с высоты своего величия на комедию жизни, не пренебрегая в ней олимпийской ролью Юпитера, Геркулеса и Аполлона, а по вечерам Бахуса.

В тот вечер королю было грустно и тоскливо, и, чтобы хоть немножко рассеяться, он решил напоить своих министров, фаворитов и придворных и заставить их исповедаться перед ним.

Посередине освещенного зала, одну стену которого занимал сверкавший хрусталем и золотом буфет с возвышав-

шимся на нем серебряным в золотых обручах бочонком, стоял длинный стол. За ним сидели верные товарищи королевских забав – граф Тапарель Ланьяско из Рима, Вакербарт из Вены, затем придворные – Вацдорф, прозванный «мужиком из Мансфельда», Фюрстенберг, Имгофф, Фризен, Вицтум, Гойм и, наконец, бесподобный шутник, с виду угрюмый и серьезный, но способный рассмешить даже мертвого – Фридрих Вильгельм барон Киан.

Король сидел в распахнутом на груди камзоле, опершись на локоть, погруженный в невеселые думы. Его красивое, обычно сияющее лицо омрачалось нахлынувшей грустью. Перед ним стояла опорожненная чаша. По пустым бутылкам можно было догадаться, что пиршество длится давно, но действие божественного напитка не отразилось на лице короля. Янтарная влага не расцветила его черных мыслей.

Придворные состязались в балагурстве, стараясь развлечь короля, но и это не помогало. Август сидел, задумавшись, и ничего, казалось, не слышал. Такое с ним редко случалось, он любил веселиться и жаждал развлечений. Обеспокоенные придворные исподтишка поглядывали на короля.

На противоположном конце стола сидел невзрачный угрюмый Киан; словно в подражание королю, он тоже оперся на руку, вытянул ноги и, возведя очи горе, вздыхал. Вид у него был до смешного грустный.

– Послушай, – зашептал Фюрстенберг, подтолкнув локтем Вакербарта (оба были уже навеселе), – взгляни на его вели-

чество. Плохи дела, сегодня что-то не удастся развеселить его, а ведь одиннадцатый час, пора бы ему уже быть в радужном настроении. Наша вина...

– Я тут ни при чем, я гость, – возразил Вакербарт, пожав плечами, – вы его лучше знаете, вам и карты в руки.

– Дело ясное, Любомирская ему наскучила, – отозвался Тапарель.

– Ну, говоря по правде, шведов тоже не так-то легко переварить, – прошептал чуть слышно Вакербарт. – Меня это не удивляет.

– Э! Шведов! Мы и думать про них забыли, кто-нибудь побьет их за нас, а мы будем плоды пожинать, – продолжал, постукивая по рюмке, Фюрстенберг, – не в шведах дело. Он Любомирской сыт по горло, пора ему другую подыскать.

– Разве это так трудно? – шепнул, пожав плечами, Вакербарт.

– Эх, надо было вам из Вены вторую Эстерле привезти, – засмеялся Ланьяско.

И придворные стали шептаться совсем тихо; король, пробудившись, казалось, ото сна, обводил всех глазами, но вот взгляд его остановился на развалившемся в трагикомической позе бароне Киане, и Август громко расхохотался. Весь зал подхватил его смех, хотя добрая половина присутствующих понятия не имела, по какому поводу государь изволил смеяться. Только Киан не шевельнулся, не дрогнул.

– Киан, – воскликнул король, – что с тобой? Неужто лю-

бровница изменила? Или ты остался без гроша, или враг тебе на пятки наступает? Ты похож на Прометея, которому коршун печень клюет.

Киан повернулся, словно кукла, и тяжело вздохнул. Половина из шести свечей в стоявшем рядом канделябре погасла от его вдоха, и дым разошелся по комнате.

– Киан, что с тобой? – спросил снова король.

– Ваше величество, – ответил барон, – со мной ничего не случилось. Я не голоден, не влюблен, не в долгах, не ревную, но я в совершенном отчаянии.

– В чем дело? Говори! – приказал король.

– О горестной судьбе досточтимого нашего монарха скорблю я, – с серьезным видом промолвил Киан, – да, да! Лик у тебя божественный и сила геркулесова, возвышенное сердце и несокрушимое мужество; ты рожден для счастья, для того, чтобы весь мир лежал у ног твоих, а между тем ты ничем не владеешь.

– Да, это верно, – произнес Август, нахмурив брови.

– Нас тут пятнадцать человек, а как развеселить тебя – не ведаем, любовницы изменяют тебе и стареют, вино прокисает, деньги у тебя воруют, а когда вечером ты рад бы отдохнуть в веселой компании, верноподданные сидят пред тобой с похоронными лицами. Разве удивительно, что я, преданный твой слуга, прихожу в отчаяние?

Август усмехнулся, схватил дрожащей рукой кубок и стукнул им о стол. Из-за буфета тотчас выскочили два кар-

ла, похожие как две капли воды друг на друга, и вытянулись перед королем.

– А ну-ка, Трамм, – приказал Август, – вели подать бутылъ с амброзией! Киана назначаю виночерпием. Вино, что мы пили, было разбавлено водой.

Амброзией называли королевское венгерское, которое для Августа сам Зичи из наиотборнейшего винограда приготавливал; это было всем винам вино, густое, как сироп, обманчиво сладкое и нежное, но способное свалить великана.

Трамм с товарищем исчезли, а минуту спустя появился черный мавр в восточном одеянии, с огромной бутылью на серебряном подносе. Все встали и поклоном приветствовали его; король наблюдал.

– Киан, хозяйничай, – приказал он.

Киан встал. Карлы несли на подносе кубки, но они не понравились Киану, он шепнул что-то карлам, те засеменили к буфету и тут же вернулись с другими кубками разного калибра. С важностью чиновника, сознающего ответственность возложенного на него поручения, Киан принялся расставлять кубки. Посередине возвышался королевский кубок – великолепный, изящный и весьма вместительный, его окружили кубки поменьше – министерские, а за ними сгрудилось множество совсем крохотных, с наперсток, будто игрушечных. Все с любопытством наблюдали за приготовлениями. Киан осторожно приподнял бутылъ, чтобы не взболтать вино, и стал сосредоточенно разливать его. Сначала он

наполнил маленькие кубки; казалось, они вмещали самую малость, но, когда Киан наполнил их, в бутылки порядком поубавилось. Настала очередь министерских, которые Киан также наполнил среди всеобщего молчания. Вина в бутылки все убывало, и когда дошла очередь до королевского кубка, Киан вылил в него последние капли и взглянул на Августа.

– Хорош виночерпий! – засмеялся король. – Я у тебя на последнем месте. Что это значит?

Все вокруг засмеялись.

– Не понимаю, чему вы удивляетесь, ваше величество! – сказал, поставив на стол порожнюю бутылку Киан, не утративший ни присутствия духа, ни юмора. – То, что я проделал сегодня с вином, твои министры каждый день проделывают с государственными доходами. Сначала чиновничья мелкота свой карман наполняет, потом те, что чином повыше, а когда доходит черед до королевской чаши – одна муть остается.

Король захлопал в ладоши, окинув насмешливым взглядом присутствующих.

– За твое здоровье, Киан! Притча твоя достойна Эзопа. Пусть подадут для меня другую бутылку.

Мавр уже нес на подносе амброзию. Придворные смеялись, потому что смеялся король, но как-то кисло, искаса поглядывая на Киана; а тот взял самый маленький кубок и провозгласил тост за здоровье саксонского Геркулеса.

Все, порядком уже подвыпив, опустились на колени, шум стоял невообразимый, кубки поднялись вверх. Король вы-

пил свой кубок, чокнувшись с бароком, и поставил его на стол.

– Поговорим о чем-нибудь другом, – сказал он.

Фюрстенберг встал.

– Ваше величество! – сказал он. – Пришло время говорить о том, что днем и ночью владеет нашими думами, о женщинах.

– Прекрасно, – поддержал его король, – пусть каждый из вас опишет свою возлюбленную. Фюрстенберг, начинай!

Король произнес эти слова с усмешкой, а лицо Фюрстенберга исказила странная гримаса.

– То, что мне первому выпала такая честь, – заявил молодой друг и наперсник короля, – доказывает, что от аргусова ока нашего всемилостивейшего монарха ничто не может укрыться. Он знает, что лгать ему я не стану, и выставляет меня на посмешище. Ваше величество, – Фюрстенберг умоляюще сложил руки, – прошу вас уволить меня от этого.

– Нет, нет, – слышалось со всех сторон, – портрет может быть безымянным, если особу назвать нельзя, но приказ государя свят и нерушим. Начинай, Фюрстенберг.

Все понимали, почему молодому человеку так не хотелось описывать свою возлюбленную. Положение у него сейчас было незавидное. Он разыгрывал из себя влюбленного во вдовушку, которой перевалило за сорок; к тому же лицо ее было скрыто под густым слоем румян и белил. Но вдова была богатая, а Фюрстенберг нуждался в деньгах. Все знали, что

жениться на ней он не собирается, но на придворных балах, маскарадах, пикниках она не отпускала его от себя. Фюрстенберг мешкал, его стали торопить, топтать ногами. Король приказал всем замолчать и, обращаясь к Фюрстенбергу, сказал:

– Никаких поблажек, изобрази нам писаную красотку, которой ты куришь фимиам.

Чтобы придать себе бодрости, молодой повеса залпом осушил свой кубок.

– Прекрасней моей возлюбленной нет на свете, – начал он, – кто не согласен со мной, тот не знает, что скрывается под маской, которую она надевает для глаз простых смертных. Моя возлюбленная – небожительница, ей одной не угрожает то, что для всех губительно. Красота ее созрела и такой останется навсегда. Всеразрушающее время сломает зубы об ее словно из мрамора высеченные формы.

Смех прервал его слова.

Рядом с Фюрстенбергом сидел Адольф Гойм. Это был хорошо сложенный мужчина с неприятным лицом. Его маленькие, сверлящие глазки смотрели как-то настороженно, всегда бледное, желтое лицо после амброзии немного порозовело. Гойм слыл донжуаном, но в последние годы он скрывал свои любовные похождения и потому многие полагали, что он остепенился. Ходили слухи, будто он женился, но жена его нигде не показывалась, во всяком случае, ее никто не видел, верно, он держал ее в деревне. Гойм был, видимо, слабее

других, к тому же он устал от ночных пиршеств в обществе короля и сейчас был в сильном подпитии: голова его непроизвольно подергивалась, он с усилием поднимал отяжелевшие руки, губы кривились в недоброй усмешке, веки смежались; одним словом, весь вид его ясно говорил, что он уже не в силах владеть собой. Узреть Гойма в таком благостном состоянии, когда рассудок не может уже сдержать язык, было самым желанным удовольствием для короля и его друзей.

– Очередь Гойма, – объявил король. – Гойм, – добавил он, – ты меня знаешь, – никаких отговорок. Всем нам известно, что ты большой знаток и любитель женских прелестей и без любви жить не можешь. Из этих стен ничего не выходит. Выкладывай все, как на духу.

– Хе, хе, – засмеялся Гойм, вертя головой и играя пустым кубком.

Киан налил ему незаметно вина. Министр машинально поднес кубок ко рту и осушил его с безотчетной алчностью, свойственной захмелевшим людям, которых мучит дьявольская жажда. Лицо его побагровело.

– Хе, хе, – забормотал он, – вы хотите знать, как выглядит моя любовница, но у меня ее нет, милейшие господа, да она и не нужна мне – у меня жена богиня.

Все дружно захохотали, только король напряженно и сосредоточенно слушал, не сводя с него глаз.

– Смейтесь, – продолжал Гойм, – но кто ее не видел, тот не видел Венеры, а я не сомневаюсь, что даже Венера рядом

с ней выглядела бы прачкой из предместья. Разве можно ее описать? В ее черных очах такая сила и обаяние, что ни один смертный не устоит. Резец в руке самого Праксителя замер бы при виде ее фигуры, а улыбку ее описать невозможно, но она божество суровое и грозное, и улыбка на ее устах расцветает не каждый день.

Присутствующие недоверчиво покачивали головой, Гойм хотел прервать свой рассказ, но король ударил кулаком о стол.

– Опиши ее получше, мне не воздыхания, твои нужны, а ее портрет.

– Кто может описать совершенство, – продолжал Гойм, подняв глаза к потолку. – Она обладает всеми достоинствами и лишена недостатков.

– Я готов поверить, что она красавица, – вставил Ланьяско, – если беспутный Гойм вот уже три года влюблен в нее и даже перестал охотиться в чужих лесах.

– Это уж чересчур. Он пьян, – возразил Фюрстенберг. – Неужто она красивей княгини Тешен?

Гойм пожал плечами, с беспокойством поглядывая на короля, но Август спокойно сказал:

– Правда прежде всего. Что ж, твоя жена и впрямь красивой Любомирской?

– Ваше величество, – вскрикнул, воодушевившись, Гойм, – княгиня красивая женщина, а моя жена богиня. Ни при дворе, ни в целом городе, ни в Саксонии, ни в Европе

второй такой не найти.

В зале раздался громкий, неистовый смех.

– Ну и забавен же Гойм под хмельком!

– Ну и потешный наш акцизный, когда пьяный!

– Что за бесценный человек!

Один король не смеялся. Гойм, будучи под сильным действием амброзии, не очень-то соображал, где и кому он все это говорит.

– Смейтесь, – вскричал он, – вы ведь знаете меня, недаром донжуаном прозвали, согласны, значит, что нет лучшего знатока женской красоты, чем я. Зачем мне лгать? Моя жена божество, а не женщина, одного ее взгляда достаточно, чтобы в самых холодных сердцах вспыхнул пожар, ее улыбка...

Тут Гойм невольно взглянул на короля. Выражение лица Августа, который жадно ловил каждое его слово, так испугало Гойма, что он почти отрезвел. Но взять свои слова обратно было уже поздно, и, побледнев, он умолк в оцепенении. Тщетно насмешками и подзадориванием пытались заставить его продолжать. Гойм от страха пришел в себя; сжав в руке кубок и опустив глаза, он как-то странно задумался. По знаку короля Киан налил ему амброзии, все чокнулись.

– Мы пили за здоровье нашего божественного Геркулеса, – воскликнул Фюрстенберг, – а теперь выпьем за здоровье пресветлейшего нашего Аполлона.

Одни пили, опустившись на колени, другие стоя, Гойм поднялся, шатаясь, но вынужден был опереться о стол. Вино

снова ударило ему в голову, все закружилось перед глазами. Он залпом осушил кубок.

За королевским стулом стоял Фюрстенберг – наперсник короля во всех его любовных похождениях, «Фюрстхен», как ласково называл его король.

– Фюрстхен, – тихо обратился к нему Аполлон, – а акцизный, пожалуй, не лжет. Он уже несколько лет прячет, держит взаперти свое сокровище, надо заставить его показать ее нам... Изыщи любые средства, не жалея денег, я должен во что бы то ни стало ее увидеть.

Фюрст усмехнулся, это было на руку ему, да и всем остальным. Властвующая ныне возлюбленная короля *en titre*<sup>3</sup> княгиня Тешен восстановила против себя всех друзей попавшего из-за нее в опалу государственного канцлера Бейхлинга, после падения которого она унаследовала его дворец на Пирнайской улице. Фюрстенберг в свое время усиленно помогал Любомирской в ее борьбе против других претенденток на сердце государя, однако сейчас это его не останавливало, ибо он всегда и во всем верой и правдой готов был служить Августу. Поблекшая, отцветающая красота Любомирской, ее манерность, высокомерный тон наскучили королю, он предпочитал любовниц с более решительным, смелым, живым характером. Фюрстенберг понял это из слов короля, по его взгляду. В мгновение ока он очутился возле Гойма и, фамильярно опершись на стул, наклонился к его уху.

---

<sup>3</sup> По титулу (*франц.*).

– Дорогой акцизный, – произнес он громко, – мне стыдно за тебя, ты бессовестно лжешь в присутствии его величества, ты насмехаешься над нами и над ним. Я охотно допускаю, что жена такого, как ты, ловеласа и волокиты не может быть чучелом, но сравнивать ее с Венерой, с богиней и даже с княгиней Тешен – издевательство, и больше ничего.

У Гойма опять зашумело в голове.

– Все, что я сказал, – возмущенно воскликнул он, – чистая правда! Tausend Donnerwetter! Potz und Blitz!<sup>4</sup>

Его непристойные выкрики заглушил громкий хохот, но на интимной пирушке король все прощал. Под хмельком даже простые смертные обнимали его и лобызали, не боясь, что этот Голиаф задушит их в объятиях.

– Бьюсь об заклад на тысячу дукатов, – заявил Фюрстенберг, – что жена твоя не может быть самой красивой из придворных дам.

Гойму подливали вина, и он с отчаяния все пил и пил.

– Принимаю пари. – Бледный, пьяный, он заскрежетал зубами.

– Судьей буду я! – крикнул, подняв руку, Август. – А суду оттягивать дело не след. Гойм тотчас вызовет жену в Дрезден и представит ее на первом же балу королеве.

– Гойм! Пиши! Королевский курьер отвезет письмо в Лаубегаст, – крикнул кто-то.

– Пиши письмо, пиши сейчас же! – подхватили со всех

---

<sup>4</sup> Тысяча чертей! Тьфу, пропасть! (нем.).

сторон.

В мгновение ока перед Гоймом оказалась бумага, Фюрстенберг силой сунул ему перо в руку, король торопил взглядом. Несчастный Гойм, у которого в минуты просветления мелькала мысль о распутстве короля и пробуждалась тревога за жену, ничего не сознавая, написал продиктованный ему приказ, чтобы жена тотчас приехала в Дрезден; бумагу молниеносно вырвали у него из рук, и вот кто-то неся уже по лестнице во двор – немедля послать королевского гонца в Лаубегаст.

– Фюрстенберг, – зашептал Август, – вижу по Гойму, что если он сегодня протрезвится, то свое распоряжение отменит, надо его напоить до бесчувствия, чтобы он ни ногой, ни рукой двинуть не мог.

– Да он уже так пьян, что я за его жизнь боюсь, – ответил князь.

– А я не боюсь, – спокойно возразил Август, – или Гойм уж так незаменим? Мы бы устроили ему пышные похороны с бесчисленным множеством пальмовых веток и венков.

Шутка короля так подействовала, что вся компания с кубками в руках окружила Гойма; его подзадоривали, придумывали тосты, подливали в амброзию из других незаметно появившихся на столе бутылок, и через полчаса... Гойм бледный как мертвец, со свесившейся головой, с неестественно разинутым ртом спал, примостившись на столе. Королевские гайдуки по данному им знаку отнесли его в постель. Ско-

рее из предосторожности, чем заботясь о его здоровье, Гойма не отправили на носилках домой на Пирнайскую улицу, а уложили в одном из королевских покоев и приставили к нему стражу – великана Коянуса, которому было велено, если Гойм проснется, не пускать его домой. Но Гойм ни разу не проснулся; тяжело стелая во сне, он пролежал без сознания до утра. А в зале, как только его вынесли, при закрытых дверях в тесном кругу началась дикая оргия, свидетелями которой были только зеркала.

Король пришел в прекраснейшее расположение духа, которое тут же передалось его придворным. Уже занимался день, когда два гайдука вынесли, наконец, из зала последнего из пировавших, Августа Сильного, и, как малое дитя, уложили его в постель.

Вы упрекнете меня в пристрастном изображении? Увы! Здесь верно все до мельчайших подробностей.

Фюрстенберг, почти трезвый, один остался в разгромленном зале. Он снял парик, чтобы немного остудить голову, и, глубоко задумавшись, сказал самому себе:

– Наступает новое царство. Любомирская слишком вмешивалась в политику. Она могла бы завладеть королем, а зачем ему умная любовница? Лишь бы любила и тешила его. Это ее назначение. Посмотрим, какова жена Гойма.

Лаубегаст расположен на самом берегу Эльбы, в нескольких часах езды от Дрездена. В этой небольшой деревушке уже тогда стояло несколько загородных домов, построенных, очевидно, наиболее знатными и богатыми людьми в округе. Дома эти прятались в старых липах и буках, в ветвях густых елей и сосен.

Загородный особняк Гойма, куда он порой скрывался, покинув дрезденское свое жилище, чтобы провести там вечер или часть дня, а в отсутствие короля даже целые недели, выглядел как все загородные дома того времени: высокая крыша и мансарды на французский манер, затейливые резные и лепные украшения на стенах. Выписанные из столицы мастера с особым тщанием отделали дом, сообразуясь с его скромными размерами. Хозяину, видно, хотелось, чтобы уголок этот радовал глаз. Небольшой двор был огорожен железной решеткой с каменными столбами, на них стояли красивые мраморные вазы, а на более высоких, у ворот, – купидоны с фонарями. Вход в дом с украшенной вазонами и статуями гранитной галереей утопал в цветах. С виду дом, выглядывавший из-за деревьев, казался роскошным, а на самом деле был как монастырь, как пустынь.

Здесь не заметно было ни оживленной суетни, ни многочисленной челяди. Лишь два старых камердинера да

несколько дворовых слуг появлялись время от времени возле дома. Под вечер часто выходила оттуда с книгой в руках женщина, которой все жители Лаубегаста любовались из-за изгородей и кустов с тревогой и восхищением. И впрямь удивительно было видеть в таком глухом углу существо, созданное, казалось, для столицы. Здесь никто не видывал ничего подобного, даже представить себе не мог такую красоту. Когда эта высокая молодая женщина с царственной осанкой, белоснежной мраморной кожей, с черными, ясными, живыми глазами шла по улице в ореоле своей молодости, красоты и гордости, сердца тех, кто смотрел на нее даже украдкой, невольно трепетали, – такая была в ней истинно царственная величавость, что хотелось пасть перед ней ниц.

А она, несмотря на свою величавость, была печальна, как сошедшая с могилы надгробная статуя. Она не улыбалась, не поднимала глаз. Смотрела вниз, на черную землю или на серые воды Эльбы, смотрела на цветы, но никогда не срывала их и не нюхала. Она казалась несчастной, а быть может, просто скучала. Было известно, что Анна Гойм уже несколько лет живет здесь взаперти, никого почти не видя, кроме сестры мужа, графини Вицтум, но и ту министр не слишком часто допускал к жене. Ему было известно, что сестра его имела счастье удостоиться кратковременной милости короля, и не прочь была бы пользоваться этой милостью и дольше, да не удалось. Оберегая жену от придворных соблазнов и интриг, Гойм даже родную сестру старался от нее отстранить.

Графиня Вицтум пренебрежительно пожимала плечами – ей было все равно.

Но Анна смертельно скучала. Единственным ее развлечением были благочестивые книги протестантских мечтателей и уединенные прогулки под надзором старого камердинера. Жизнь ее текла однообразно и тихо, как в пустыне, но зато и страсти здесь не бушевали. Гойм по натуре распутник, развращенный к тому же придворными нравами, в первое время очень нежно относился к жене, но вскоре она ему надоела, и он все реже вспоминал о ее существовании. Однако он любил ее как-то по своему, ревновал и прятал свое сокровище от человеческих глаз. Только когда короля и двора не было в Дрездене, Анне Гойм разрешалось развлечься немного в столице, где в это время царила смертельная скука.

Долгое уединение сделало Анну Гойм высокомерной, раздражительной, пробудило грустные мысли, обиду, презрение к свету и какой-то непонятный аскетизм. Жизнь свою она считала похороненной, погибшей, оставалось только ждать кончины в грустном одиночестве, а между тем она была как ангел прекрасна, ей не исполнилось еще двадцати четырех лет, а издали ей можно было дать не более восемнадцати.

Сестра Гойма из-за бурной своей жизни рано утратила свежесть и неповторимое обаяние молодости, и поэтому девичья неувядаемая красота невестки выводила ее из себя. Ее выводило из себя и многое другое: высокая добродетель Ан-

ны, ее отвращение к разврату, к интригам и лжи, царственное величие, с каким она взирала на суетную, ехидную, лицемерную золовку. Не будь они связаны родством, графиня Вицтум не прочь была бы видеть Анну униженной, поправшей свою добродетель. Анна Гойм тоже не любила сестру мужа, инстинктивно чувствовала к ней неприязнь. А мужа она теперь просто презирала. От золовки, нашептывавшей ей о тайных интрижках Гойма, Анна знала, что муж ей неверен. Ей ничего не стоило одним нежным взглядом повергнуть его к своим ногам, она была уверена в своей силе, но слишком ничтожным казался ей Гойм, чтобы этого добиваться. Встречала она его холодно, провожала равнодушно; Гойм возмущался, но, когда доходило до открытой ссоры с женой, чувствовал себя бессильным и спасения искал в бегстве.

Так тянулись грустные и долгие дни в Лаубегаете. Нередко приходила Анне мысль вернуться соломенной вдовой в Гольштинию, в Брокдорф, к родным. Но отца и матери она лишилась давно, а ее родственница, княгиня Брауншвейгская, урожденная Гольштейн-Пден, вряд ли приняла бы ее к себе. Слишком памятной и на шумевшей была выходка шестнадцатилетней тогда Анны, которую князь Людовик Рудольф, плененный ее красотой, хотел поцеловать и получил публично пощечину. Куда было деваться бедной красавице?

Несмотря на испорченность двора и близость Дрездена, от которого трудно было утаить эту звезду первой величины,

Анна, гуляя в течение нескольких лет по берегу Эльбы, где то и дело проносились дворцовые экипажи, всадники, военные и вся празднующаяся орава, окружавшая властителя, умела так искусно скрываться от глаз людских, что никто не заметил ее. Кроме одного...

Это был молодой поляк, который состоял, или, верней, околачивался при дворе короля Августа, попав туда случайно, но не по своей воле и не по своей воле влачил там весьма нудную жизнь.

Когда Август впервые приехал в Польшу, он, беседуя со шляхтичами, прибывшими на встречу с ним, стал, ко всеобщему изумлению, сгибать в руках серебряные кубки, гнуть талеры и ломать подковы. На обеде в Пекарах после состоявшегося перед чудотворной иконой торжественного обряда куявский епископ, видя, как государь бахвалится своей силой, решил про себя, что это не предвещает ничего хорошего для Речи Посполитой, и упомянул как бы вскользь об одном молодом человеке, который тоже способен на такие штуки. Это задело короля за живое, он вспыхнул, но сдержал себя, очевидно, потому, что это были первые дни его пребывания в Польше. Август только выразил желание повидать человека, который может состязаться с ним в силе, так как до сих пор в жизни своей такого не встречал. Куявский епископ обещал, когда они приедут в Краков, представить королю после коронации обедневшего шляхтича, происходящего, впрочем, из знатного, а когда-то даже могущественного

рода Закликов. Разговор этот был бы забыт среди множества других, более важных дел, епископ не возобновил бы его, уразумев, что некстати упомянул про Заклику, ежели бы государь сам о нем не напомнил и не потребовал немедленно привести к нему Раймунда Заклику.

Юноша этот недавно окончил с грехом пополам иезуитскую школу и теперь шатался без дела, не зная, что предпринять. Он был не прочь пойти служить в войско, но ему не на что было нанять вооруженных слуг, а иначе родовитому шляхтичу не подобало.

После долгих поисков Заклику удалось раскопать в какой-то канцелярии, где он волей-неволей вынужден был орудовать пером. Когда потребовалось представить молодого человека королю, то оказалось, что у него ни порядочной одежки, ни сабли, ни даже пояса нет. Делать нечего, епископу пришлось просить гофмейстера экипировать Заклику с ног до головы; затем, осмотрев юношу и убедившись, что краснеть за него не придется, епископ стал ждать подходящего случая. Король обычно силу свою показывал на пирах, когда был в настроении. И вот как-то он снова принялся расплющивать жбаны, потребовал подковы, которые придворные всегда держали под рукой. Епископ сидел молча, и король обратился к нему:

– Где же ваш силач, отец мой?

Заклику привели. Юноша был высокий, как дубок, стройный, румяный, ладный, скромный, как девушка, и вовсе не

казался геркулесом. Август взглянул на него и усмехнулся. Так как Заклика был шляхтичем, его допустили к государственной руке. Разговаривать с ним пришлось по латыни; ни по-немецки, ни по-французски он тогда ни слова не знал. К счастью, слова не понадобились. Перед королем стояли два одинаковых серебряных кубка. Август взял один своей мощной ладонью, сжал, смял, будто лист бумаги, и расплющил. На дне было вино, оно брызнуло вверх. Насмешливо улыбаясь, король пододвинул второй кубок Заклике и сказал:

– Попробуй, если согнешь, твой будет.

Заклика робко подошел к королевскому столу, потянулся за кубком, обхватил рукой твердый металл, поколебался с минуту... Но вот кровь юноши взыграла, и кубок расплющился. На лице короля изобразилось недоумение, а потом и недовольство, когда он взглянул на епископа. Тут все, кто опомнился, принялись уверять Августа, что кубок-де был тоньше, а может, и надломленный.

Король стал подковы ломать, как бублики; велели попробовать и Заклике. Раймунд гнул их легко, без всякого усилия. Август взял талер, сжал его обеими руками и тоже сломал. Дали и Заклике, пожалуй, еще потолще, испанский. Раймунд задумался на мгновение, но уже вошел в азарт, а это сил придавало, он и талер согнул.

Король сделался мрачнее тучи, а вслед за ним и весь двор помрачнел от столь нелепого исхода состязания. Август велел наградить Заклику, подарил ему оба кубка, а потом, по-

думав немного, сказал, чтобы его оставили при дворе. Юноше нашли какое-то местечко, а на следующий день гофмейстер шепнул Заклике на ухо, чтобы он не смел нигде показывать свою силу или бахвалиться ею, не то ему несдобровать.

Так вот застрял горемыка при дворе, положили ему несколько сот талеров содержания, дали роскошную придворную одежду, дела у него не было никакого, свободы много, только вот если король куда отправлялся, то юноша непременно должен был следовать за ним, Заклика был смиренный и покладистый, потому жилось ему неплохо. Король, правда, никогда словом с ним не обмолвился, но помнил о нем, спрашивал и наказывал, чтобы он ни в чем не нуждался. Времени свободного у Заклики было вдоволь, а так как он беспрестанно слышал немецкую и французскую речь, то и принялся оба языка усердно изучать и через два года уже бойко на них тараторил. Но от безделья и оттого, что не любил общаться с «немчурой» (так презрительно он их называл), *salva reverentia*<sup>5</sup> лишь к его величеству королю, Раймунд исходил вдоль и поперек все деревушки и леса вокруг Дрездена. Человек от природы любознательный, он взбирался на горы на другом берегу Эльбы, да такие обрывистые, что, глянешь с них, и... *abyssus vocat*.<sup>6</sup> Но с ним никогда ничего не случалось.

Во время одной из таких прогулок попал Раймунд Закли-

---

<sup>5</sup> Сохраняя уважение (*лат.*).

<sup>6</sup> Пропасть влечет (*лат.*).

ка в Лаубегаст и расположился, на свою беду, отдохнуть в тени под липой. Тут как раз вышла погулять графиня Анна Гойм. Увидев ее, юноша обомлел от восторга, дух у него захватило. Он протер глаза, думая, что видит все это во сне, что такого вообще на свете быть не может. Просидел бедняга, не сходя с места, допоздна и все глядел и глядел, и наглядеться не мог. Казалось ему, что так он насытится вволю, но чем дольше смотрел, тем больше хотелось ее видеть. В душу закралась тоска или безумие, он голову потерял и стал бегать в Лаубегаст как одержимый.

А так как никому он своей тайны не открыл, то никто и не подсказал ему, что от такой болезни есть одно только средство: не бросаться в огонь, а бежать от него. Юноша так влюбился, что с лица спал и совсем одурел.

Женщины, служившие у Анны Гойм, выследили его и, догадавшись, в чем дело, смеясь, рассказали хозяйке. Та тоже посмеялась вместе с ними и даже, стараясь быть незамеченной, пошла взглянуть на Раймунда. Ей, быть может, стало жаль юношу, она велела позвать его к себе, пожурила строго за то, что он здесь околачивается, и сказала, чтобы ноги его больше в Лаубегасте не было.

Разговор у них был с глазу на глаз, а одурь придала, видно, Закликке храбрости, он ответил, что смотреть ведь не грех, а больше ему ничего не надобно, и добавил, что, если в него даже камнями будут кидать, он все равно ходить сюда не перестанет, потому что тоска грызет его нестерпимо.

Анна Гойм затопала в гнев ноги, грозила, что пожалуется мужу, но Раймунд не испугался. Анна несколько недель потом не показывалась там, где он мог ее встретить. Гуляла вдоль Эльбы, пока однажды не заметила, что Заклика, чтоб увидеть ее, по шею в воду зашел, хотя вода была холодная. Анна страшно разгневалась и стала звать людей. Но Раймунд нырнул и исчез. Он едва не утонул тогда, его схватила судорога, да и мокрая одежда тянула ко дну, но все же спасся. С тех пор он как будто исчез с глаз, да не тут-то было. Просто нашел другую засаду и, глядя оттуда, вбирал в себя отраву этой красоты. Знала ли об этом ее сиятельство графиня, неизвестно, разговоров о Заклике больше не было. А так как при дворе о Раймунде мало беспокоились, и король был бы даже рад, если бы он где-нибудь ненароком шею себе свернул, то никто о нем и ведать не ведал. Он же делал, что хотел, и бродил, где хотел.

Один только раз призвали Заклику ко двору – король в приступе сильного гнева одним махом отсек голову здоровенной лошади. И захотелось Августу доказать, что этого даже силач Заклика сделать не сможет. Привели старую костлявую драгунскую лошадь, Заклике шепнули, что копьё дорого ему королевская милость, то пусть к лошади не прикасается или хотя бы удар ослабит. Но ему было все равно, а уж раз о силе речь зашла, да кровь у него, как говорится, закипела – разве его остановишь? В присутствии короля, важных сановников и множества зрителей Заклика выбрал клинок

поострее и, как бритвой, отхватил лошади голову. Говорили, что у него потом с неделю плечо болело, но ничего, прошло. Король не вымолвил ни слова, только плечами пожал, а конфуз залили вином. На Заклику никто и взглянуть не пожелал, а те из придворных, кто был с ним на дружеской ноге, посоветовали ему убраться поскорей отсюда подобру-поздорову, не то при малейшем удобном случае не миновать ему заточения в Кенигштейн.

Раймунд пожал плечами, ничуть не испугавшись. Но король на этом не успокоился. Он хотел испытать еще, сколько Заклика сможет вина выпить, но тот пил только чистую воду да изредка кружку пива или рюмочку вина – больше он не мог. Тщетно Август приказывал: пей да пей. Раймунду насильно влили в рот кубок венгерского, от которого он как свалился, так целую неделю в горячке пролежал, и чуть было не отправился на тот свет. Но пришел в себя, и даже как будто силы у него прибавилось.

И снова стал Заклика ходить в Лаубегаст, бездумно высматривая там Анну. Любовь словно переродила его, он стал гораздо серьезней, взялся за науку, даже внешне изменился к лучшему.

Графиня Гойм, ничего не таившая ни от мужа, ни от его сестры, о Заклике не обмолвилась ни словом, она, казалось, забыла о нем.

В Лаубегасте день кончался рано, с сумерками запирали ворота и двери на замки и засовы, как повсюду в то время;

собак спускали с цепей, слуги ложились спать с петухами, а хозяйка, если и засиживалась подольше в тоскливые вечера за книгой, то никто о том не ведал.

В ту ночь, когда в замке предавались разгулу, бушевал осенний ветер, а в Лаубегасте он с такой свирепостью выворачивал деревья и пригибал к земле липы, что о сне не могло быть и речи.

Прелестная Анна читала, лежа в постели, Библию, это было ее излюбленное чтение, особенно Апокалипсис и послания св. Павла. Потом она долго размышляла над ними и даже плакала.

Было далеко за полночь, и вторая свеча догорала в ее комнате, когда возле дома послышался топот, потом кто-то стал ломиться в железные ворота, и собаки так отчаянно залаяли; что даже бесстрашная хозяйка не на шутку встревожилась. Набеги на поместья, особенно близ столицы, стали редкостью в те времена, но все ж бывали. Беглые рекруты, случалось, скрывались, бродяжничая, в горах, – они-то и чинили беззакония, хотя потом им приходилось расплачиваться за это головой, ежели на них устраивали облавы.

Анна стала звонить, подняла всех на ноги. В ворота колотили все сильней, собаки лаяли все громче. Вооруженные люди вышли во двор и тут-то увидели, что стучит и кричит королевский гонец. У ворот стояла запряженная шестериком карета с лакеями и слугами. Собак посадили на цепи, ворота отворили, гонец передал письмо.

Когда Анне принесли среди ночи письмо, она сразу решила, что случилось что-то недоброе. Она побледнела, но, узнав руку мужа, хотя и нетвердую, успокоилась немного. Мелькнула мысль об опальном канцлере Бейхлинге, он был в величайшей милости у короля, и вдруг однажды ночью его отправили в Кенигштейн, лишив всего имущества. Сам Гойм неоднократно признавался Анне с глазу на глаз, что он королю не верит, и до тех пор не будет чувствовать себя в безопасности, пока не покинет Саксонию и не вывезет свое имущество за границу.

Ни для кого не было тайной, что чем король ласковей, тем больше надо его опасаться. Ему доставляло наслаждение сначала усыпить бдительность своей жертвы, а потом низвергнуть ее с высоты. И Анна забеспокоилась, не постигла ли ее мужа участь канцлера; введя акцизный сбор, Гойм настроил против себя всю страну, к тому же недоброжелатели всюду травили его.

Каково же было удивление Анны, когда она узнала почерк мужа, хотя и нетвердый, торопливый. Он повелевал ей тотчас прибыть к нему в присланной за ней карете. Нельзя же было не подчиниться мужу на виду у людей, да и любопытство ее разгорелось. Анна приказала слугам быстро готовиться в дорогу. Не прошло и часу, как она уже сидела в карете, и ворота мирного лаубегастского дома затворились за ней навсегда.

Странные мысли нахлынули на нее в пути. Анну охватил

страх и какая-то грусть, даже плакать захотелось. Она не знала, что грозит ей и грозит ли ей что-нибудь вообще, но на сердце было тревожно. О возвращении короля после долгого его отсутствия знали все. Вместе с королевским двором в Дрезден возвращались интриги, козни, борьба за благорасположение и влияние, борьба, для которой все средства были хороши. Дела там творились на первый взгляд пустячные и безобидные, а на самом деле трагические. В то время как жертвы со стоном низвергались в ямы и темные подземелья, победители под бальную музыку праздновали свое торжество. Не раз Анна смотрела издали на синюю гору Кенигштейн, на замок, полный тайн и жертв.

Ночь была темная, но дорогу освещали люди, ехавшие с факелами впереди; лошади мчались во весь опор. Не успели оглянуться, как карета остановилась на мостовой перед домом на Пирнайской улице. Слуги, не дождавшись министра, заснули крепким сном, и их с трудом удалось добудиться. В доме, где Гойм занимал второй этаж, у Анны не было своих комнат. Были там комнаты для приема посетителей и спальня министра, внушавшая Анне отвращение. И, наконец, канцелярия и помещения, заваленные бумагами. Кабинет министра прилегал к большому залу, богато обставленному, но понурому и унылому.

Не застав мужа дома, графиня удивилась еще больше, но слуги объяснили ей, что сегодня ночью у короля пиршество, а пиршества эти длятся всю ночь напролет, а то и дольше –

несколько дней и ночей. Ничего не поделаешь, надо было найти какой-нибудь укромный уголок в этом чужом, незнакомом доме мужа, чтобы прилечь и отдохнуть. Графиня выбрала кабинет рядом с канцелярией министра, в стороне от остальных комнат, велела приготовить себе там походную постель и, запершись со служанкой на засов, попыталась заснуть. Но сон не смыкал усталых век, она тревожно дремала, просыпалась и вскакивала при малейшем шорохе.

Уже совсем рассвело, когда, впад в недолгий глубокий сон, Анна очнулась, услышав, что двери в кабинете Гойма открылись, и кто-то вошел. Полагая, что это муж, она вскочила и стала с помощью служанки торопливо одеваться. Туалет был утренний, небрежный, но он придавал ей еще больше прелести. Усталость, лихорадочное волнение оттеняли царственный блеск ее дивной красоты. Анна с нетерпением отперла дверь в канцелярию министра и остановилась на пороге.

Перед ней стоял незнакомый человек, весь облик и лицо которого произвели на нее странное впечатление. Это был пожилой мужчина в черном длинном одеянии протестантского священника, с лоснящейся лысой головой, вокруг которой редкие седые встрепанные волосы образовали как бы нимб. Пожелтевшая кожа так обтягивала лоб, что на нем отчетливо проступали жилы. Глубоко запавшие серые глаза, горькая усмешка на губах, невозмутимое презрение к миру во взгляде и при всем том какая-то умиротворенность и со-

средоточенность придавали этому некрасивому в общем и незначительному лицу выражение столь удивительное, что от него нельзя было оторвать глаз.

Анна смотрела на него, но и он, пораженный, казалось, ее дивной красотой, стоял неподвижно, устремив на нее полный преклонения взор. Он стоял изумленный, и губы у него дрожали, потом поднял руку, словно благословляя и отгаливающая одновременно.

Два эти человека, совсем незнакомые, с минуту изучали друг друга, священник медленно отступал к двери. Анна искала глазами мужа. Она хотела было уже вернуться в комнату, но тут священнослужитель, взглянув на нее с состраданием, спросил:

– Кто ты?

### 3

– Скорее я должна спросить, кто вы такой и как попали в мой дом?

– В ваш дом? – повторил изумленный священник. – Как? Вы, значит, жена министра?

Анна надменно кивнула головой. Священнослужитель досмотрел на нее с неимоверной жалостью, он смотрел долго, и в глазах его под сморщенными веками блеснули слезинки: в горьком отчаянии сжал он руки.

Анна с любопытством наблюдала за ним. Неприметный,

поблекший, усталый, сломленный жизнью, он, казалось, оживал, преображался под наплывом каких-то чувств, становился значительным и величественным. Гордая женщина почувствовала себя рядом с ним робкой, покорной, как дитя. Вдруг старец пришел в себя, огляделся встревожено и подошел к Анне поближе.

– Зачем ты, кого всевышний создал во славу свою, яко кладезь добродетели, ты, излучающая сияние, ангелоподобная, не стяхнешь с ног своих оскверненным прикосновением блудного Вавилона и не убежишь, разодрав одежды свои белые, из этого обиталища порока и разврата? – промолвил он с внезапным состраданием. – Зачем ты здесь? Кто ввернул тебя в огонь? Кто этот негодный, швырнувший в гнусный мир чудесное дитя божье? Почему ты не убегаешь? Почему стоишь, безмятежная и, быть может, не подозревающая об опасности? Давно ли ты здесь?

Анна в первую минуту остолбенела, но голос старца так потряс ее, что она, возможно, впервые в жизни почувствовала себя покоренной и оробевшей. Ее возмущал его тон, но сердиться на него она не могла. Она хотела ему ответить, но он не дал ей.

– Знаешь ли ты, где находишься, – продолжал он, – знаешь ли ты, что земля, на которой ты стоишь, колеблется под твоими ногами? Что стены эти разверзнутся по первому приказанию и люди, ставшие помехой, исчезают бесследно; что жизнь человека здесь ни во что не ставят и готовы пожерт-

воватъ ею ради крупницы наслаждения?

– Что за страшные картины рисуете вы, отец мой, – вымолвила, наконец, Анна Гойм. – И почему хотите запугать меня?

– Ибо по невинному лицу твоему и по глазам, дитя мое, – отозвался священник, – я вижу, что ты простодушна и неопытна и не подозреваешь о том, что творится вокруг. Ты, верно, недавно здесь?

– Несколько часов, – ответила, улыбнувшись, Анна Гойм.

– И, конечно, не здесь, – старик горько усмехнулся, – провела ты детство и молодость свою?

– Детство я провела в Гольштинии. Вот уже несколько лет, как я замужем за Гоймом, но он держит меня в деревне, взаперти. И Дрезден я видела лишь издали.

– И ничего, верно, не слышала о нем, – добавил старик, содрогнувшись. – Все, что говоришь ты, я прочитал на челе твоем и в глазах твоих, – промолвил он грустно. – Бог позволяет мне иногда проникать в душу человеческую. Безмерная жалость овладела мной, как только я увидел тебя, прелестная графиня. Мне казалось, что я смотрю на белую лилию, расцветшую в глухом углу, которую стадо разъяренных животных хочет растоптать. Тебе бы цвести там, где ты выросла, и благоухать в пустыне во имя бога.

Старец задумался. Анна, взволнованная, подошла поближе. Видно было, что она растревожена до глубины души.

– Отец мой, – спросила она, – кто ты?

Старец, казалось, не слышал, так глубоко он задумался. Анна повторила свой вопрос.

– Кто я? – молвил он. – Кто я? Жалкое существо, грешное и презренное, которому никто не внемлет, над которым все глумятся. Я глас вопиющего в пустыне, я тот, кто предрекает разруху, гибель, дни покаяния и бедствий. Кто я? Послушное орудие в руках божьих, доносящее порой до людей могучий голос всевышнего, но люди не слушают моих пророчеств, а то и насмеваются надо мною. Я тот, черное одеяние которого забрасывают грязью уличные мальчишки, я нищий среди богачей, но честен и чист перед богом, оставаясь невозмутимым среди безумств, с молитвой на устах среди разврата.

Последние слова старец проговорил угасшим голосом и умолк, опустив голову.

– Странная примета, – отозвалась Анна, не отходя от старца, – после нескольких лет спокойной жизни в деревне, куда до меня едва долетал шум столицы, я внезапно приезжаю в город по вызову мужа, и вот на пороге вы – предостерегающий и указующий. Не перст ли это божий?

Анна содрогнулась, И по телу ее пробежала дрожь.

– Впрямь странно! – повторила она.

– Это промысел божий, – молвил старец, – беда тем, кто не внемлет милосердному божьему предостережению. Ты хочешь знать, кто я? Никто, бедный проповедник в храме божьем; говорят, что согрешил я на амвоне и теперь месть зем-

ных властителей преследует меня. Зовут меня Шрамм. Граф Гойм знал меня еще в детстве, я пришел просить его защиты, ибо все угрожают мне. Вот почему я здесь сегодня. Но что привело вас сюда? Кто разрешил вам приехать?

– Собственный муж, – ответила Анна.

– Скажи ему, пусть отправит тебя назад, – зашептал, тревожно оглядываясь, Шрамм. – Я видел прелестниц этого двора, их здесь толпе на улицах показывают, как кукол, ты их красивей стократ. Горе тебе, если ты останешься здесь, опутают тебя сетями интриг, обовьют ядовитой паутиной, усыпят и опоят, вскружат голову сладкими напевами, убаюкают сердце медоточивыми речами, заставят глаза привыкнуть к бесстыдству, приучат к пороку, и настанет день, когда ты, оглушенная, изнеможенная, низвергнешься в бездну.

Анна Гойм нахмурила брови.

– Нет, – воскликнула она, – не так уж я слаба, как вы думаете, и не так уж несведуща в придворных интригах, да и удовольствий не слишком-то жажду. Нет, свет не прельщает меня, я выше этого.

– Но ты лишь очами души своей его видела, лишь чутьем угадала, – возразил Шрамм, – не доверяй себе, беги из этого ада. Изваяния королей превратились здесь в уголь, вымазаны сажей, уходи отсюда, мне жаль тебя и чистую, невинную душу твою.

Шрамм замахал руками, словно хотел скорей прогнать ее отсюда, но Анна стояла все такая же невозмутимая, и на ее

устах блуждала насмешливая и вместе с тем жалостная улыбка.

– Куда мне бежать? – отозвалась она. – Судьба моя связана с судьбой этого человека, разорвать узы не в моей власти. Я верю в предопределение – что суждено, того не миновать, но им не удастся усыпить меня, опьянить и подчинить. Нет, не они, а я буду властвовать над ними.

Шрамм взглянул с беспокойством на Анну: она стояла гордая, сильная, величественная, с насмешливой улыбкой на губах.

Тут отворилась дверь, и граф Адольф Магнус Гойм, сконфуженный, еле передвигая ноги, появился, шатаясь, на пороге. Если вчера за столом среди блестящего общества вид у графа был неприглядный, то сейчас, при дневном свете, после изнурительной ночи, он выглядел еще ужасней. Гойм был высокого роста, широкоплечий, сильный и нескладный. Выражение его лица – заурядного, без тени благородства, то и дело судорожно менялось. Серые глаза то гасли под веками, то вдруг вспыхивали, рот кривился в улыбке, лоб то морщился, то прояснялся, казалось, будто кто-то сидит в нем и властно дергает веревочки, меняя весь его облик. При виде жены Гоймом овладели самые противоречивые чувства. Он улыбнулся ей, но тут же чуть не взорвался гневом, нахмурился, но поборол себя и, поколебавшись немного, вошел в кабинет. Заметив Шрамма, Гойм сердито насупил брови и позеленел от злости.

– Ах ты, безумец, фанатик, комедиант несчастный, – закричал он, даже не поздоровавшись с женой, – опять накуролесил, опять пришел ко мне, чтобы я тебя из ямы вытащил? Не так ли? Я все знаю; уберешься отсюда, от прихода подальше, в деревню, в пустыню...к простачкам...в горы.

Гойм сделал жест рукой.

– И не жди, что я за тебя заступлюсь, – продолжал он, распаяясь, – еще бога благодари, если два драгуна выпроводят тебя в дыру какую-нибудь, могло быть и похуже. Ты что думаешь? – горячился министр, подойдя к Шрамму так близко, будто хотел схватить его за шиворот, – ты что думаешь, будто здесь, при дворе, все дозволено? Да разве можно это твое слово божье в неподслащенном виде преподнести тем, кто к сладким речам привык? Вдохновенного апостола из себя разыгрывать, обращающего язычников на путь истинный? Сотни раз твердил тебе, Шрамм, я помочь тебе не в силах, ты сам себя губишь.

Шрамм, ничуть не смутившись, спокойно стоял, глядя министру прямо в глаза.

– Но я слугитель бога, – промолвил он, – я дал обет нести правду божью в мир, и если нужно сделаться мучеником во имя ее, то да будет так.

– Мучеником! – рассмеялся Гойм. – Много чести! Тебе дадут пинка и, оплевав, выгонят из города.

– И уйду, – ответил Шрамм, – но, пока я здесь, уст моих никому не закрыть.

– Ну и будешь проповедовать глухим, – язвительно добавил, пожимая плечами, министр. – Впрочем, довольно; делай что хочешь, помочь тебе я не могу, да и не хочу, мне бы сейчас впору себя отстоять. Я тебя предупреждал, Шрамм, надо уметь молчать, уметь подольститься, иначе тебя затопчут в грязь. Такое уж время настало, ничего не поделаешь: Содом и Гоморра. Прощай, у меня нет больше времени.

Шрамм молча поклонился, взглянул с сожалением на жену Гойма, с немым изумлением на него самого и направился к двери.

– Ладно, жаль мне тебя, – проворчал Гойм, – ступай, я сделаю что могу, но смотри, заройся в Библию и держи язык за зубами, в последний раз тебе это советую.

Шрамм, уже не слушая его, вышел. Супруги остались одни. Гойм так и не поздоровался с женой, они давно уже были не в ладах. Не зная, очевидно, с чего начать, он стоял растерянный, злой и теребил концы своего парика.

– Граф, зачем вы так внезапно велели мне приехать сюда? – надменно, с укором спросила Анна.

– Зачем? – вскричал, подняв глаза к ней, Гойм и забегал взад и вперед по кабинету как безумный. – Зачем? Потому что я сошел с ума, потому что эти негодяи напоили меня, и я не знал, что делаю, потому что я идиот, несчастный и сумасшедший, да! Сумасшедший! – повторил он.

– Значит, я могу ехать обратно? – спросила Анна.

– Из ада назад не возвращаются, – захохотал Гойм, – а ты,

сударыня, по моей милости в ад попала: ведь здесь суший ад!

Он разорвал на груди душивший его жилет и грохнулся на стул.

– И впрямь рехнуться можно, но с королем воевать не станешь.

– Король? Причем тут король?

– Король! Фюрстенберг! Все! Все! Даже Вицтум и, кто знает, может, даже сестра моя родная, все сговорились против меня. Проведали, что ты, сударыня, красавица, а я дурень, и велели мне показать жену.

– Кто же им рассказал обо мне? – спросила, все еще сохраняя спокойствие, Анна.

Не в силах признаться, что сам он во всем виноват и теперь его ждет расплата, министр заскрежетал, зубами, затопал ногами и вскочил со стула. Но вдруг раздражение его как рукой сняло, он побледнел, стал холодным, язвительным.

– Довольно, – заговорил он, понижая голос, – обсудим все хладнокровно. Чему быть, того не миновать. Я вызвал вас потому, что меня заставили это сделать, король так захотел, а Юпитер, как известно, поражает тех, кто дерзнет его ослушаться. Удовольствия для короля – превыше всего, королевскими стопами попирает он чужие сокровища и бросает их в навозную кучу, и тут, как от смерти, нет спасенья. – Гойм понизил голос и умолк, словно ожидая возражений. – Я побился об заклад с графом Фюрстенбергом, что ты, жена моя, красивей всех здешних красавиц, которые пользуются влия-

нием при дворе. Ну не дурень ли я? Скажи мне это в глаза, разрешаю. Пресветлейший государь сам вызвался быть нашим судьей. Я выиграю тысячу дукатов.

Анна сдвинула брови, отпрянула от Гойма, с величайшим презрением глядя на него.

– Какое вы ничтожество, граф, – вскрикнула она в гневе. – Как? Вы держали меня, словно невольницу, взаперти, отказывая даже в воздухе и свете, а теперь выводите, как комедиантку, на сцену, чтобы я выиграла вам пари блеском глаз и улыбками. Какая беспримерная подлость!

– Не щади меня, не скупись на выражения, говори, что хочешь, – промолвил с горестью Гойм, – я стою этого, заслужил. Самой тяжкой кары мало, чтобы наказать меня. Я обладал чудеснейшим в мире созданием, оно цвело и улыбалось только для меня, я был горд и счастлив, но дьявол попутал меня, потопил мой разум в вине.

Гойм заломил руки. Анна молча смотрела на него.

– Я еду домой, – заявила она, – здесь я не останусь, мне было бы стыдно самой себя. Лошадей, карету!

Она бросилась к дверям. Гойм стоял, горько усмехаясь.

– Лошадей! Карету! – повторил он. – Ты не понимаешь, верно, где находишься, в каком окружении. Ты – невольница и не можешь ни шагу ступить отсюда, вероятно, даже у дверей дома стоит сейчас стража. Вздумаешь бежать, драгуны схватят тебя и вернут силой; никто не осмелится отвезти тебя обратно, никто не дерзнет прийти тебе на помощь. Ты

и понятия не имеешь, куда попала.

Графиня заломила в отчаянии руки, Гойм смотрел на нее с каким-то смешанным чувством; ревность была в его взгляде и жалость, боль, издевка и беспокойство.

– Выслушайте меня, – сказал он, слегка коснувшись ее руки, – быть может, все еще не так страшно. Будем хладнокровны и рассудительны. Гибнут те, кто хочет погибнуть. Вы же, если захотите, можете казаться не столь красивой, можете сделаться неприятной, суровой, отталкивающей, можете, чтобы спасти себя и меня, даже стать отвратительной.

Гойм понизил голос.

– А знаешь ли ты, сударыня, нашего всемилостивейшего повелителя короля Августа? – спросил он со странной усмешкой. – Это самый благородный, самый щедрый государь, он сорит золотом, которое я, акцизный, выжимаю из заплесневелого хлеба бедняков. Нет ему равного по великодушию и по тому, как неутомимо жаждет он дорогих и диковинных развлечений. Ему ничего не стоит сломать подкову и сломать женщину, а потом швырнуть их оземь; ничего не стоит сегодня заключить в Кенигштейн канцлеров, которых только вчера он обнимал. Добрый и милостивый государь, он улыбается тебе до последней минуты, чтобы усладить твою участь перед эшафотом. Он человек сердобольный, но не дай бог ему воспротивиться.

Гойм говорил все тише, тревожно поводя вокруг глазами.

– Знаешь ли ты нашего государя? – О, это очень любопыт-

но, – продолжал министр шепотом, – он любит женщин все новых и новых, как тот дракон в сказке, пожиравший девушек, которых перепуганные жители доставляли ему в пещеру. Кто перечтет его жертвы? Ты, может быть, слышала их имена, но, кроме тех, что всем известны, втрое больше давно забытых. У короля странные вкусы и наклонности, день-другой он влюблен в шелка и атлас, но, когда они приедаются ему, он не прочь поохотиться и за лохмотьями. Люди знают трех побочных королей, я могу насчитать их двадцать. Кенигсмарк еще красива, Шпигель вовсе не стара, а княгиня Тешен пока в милости, но все они надоели ему. Он ищет, кем бы еще поживиться! Хороший государь! Милосердный государь, – продолжал Гойм, смеясь, – ведь надо же ему поразвлечься, для того он и на свет родился, чтобы все было к его услугам; красив, как Аполлон, силен, как Геркулес, сладострастен, как Сатир, и грозен, как Юпитер.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – возмутилась Анна. – Неужели ты считаешь, что я так низко пала, что по первому кивку государя могу сойти со стези добродетели? Плохо же ты меня знаешь! Это оскорбление!

Гойм посмотрел на нее с состраданием.

– Я знаю мою Анну, – возразил он с усмешкой, – но я знаю двор, знаю монарха и знаю силу его соблазна. Если бы ты любила меня, я был бы спокойней.

– Я дала клятву в верности, этого достаточно, – гордо произнесла женщина, – ты не завоевал моего сердца, но у тебя

есть мое слово, а слово крепче, чем сердце, ибо сердцу своему я не хозяйка, а слову – королева. Такие, как я, не нарушают клятвы.

– Нарушают, соблазнившись блеском короны, – сказал Гойм, – княгиня Тешен знатная и гордая дама.

Анна презрительно повела плечами.

– Я могу быть женой, но никогда не буду любовницей, – воскликнула она. – Позором я себя не покрою.

– Позор жжет лишь мгновение, – сказал Гойм, – а потом рана затягивается и не болит, только клеймо остается навеки.

– Ты мне противен, – прервала его в раздражении Анна. – Сам сюда вызвал, а теперь пугаешь.

Волнение мешало ей говорить. Гойм со смиренным видом подошел к ней.

– Прости меня, – сказал он, – я потерял голову, не знаю, что делаю и что говорю, может, домыслы мои и опасения нелепы. Завтра во дворце бал. Король приказал, чтобы ты непременно была там, тебя представят королеве. Мне кажется, – продолжал он тихо, опустив глаза, – ты при желании все можешь, даже не быть красивой. Я охотно проиграю пари. Тебе не трудно притвориться жалкой, неуклюжей. Для короля очень много значит изящество, остроумие, живость, что тебе стоит показать себя несообразительной, неловкой, косноязычной, рассеянной, тупой? Черты лица – это еще не все. В Дрездене много красивых кухарок. Август тонкий ценитель, требовательный. Ты понимаешь меня, сударыня?

Анна отвернулась от него с глубоким презрением.

– Ах, вот как, вы приказываете мне разыграть комедию, чтобы спасти вашу честь, которую вы поставили на карту за тысячу дукатов! – воскликнула Анна, иронически улыбаясь. – Но я терпеть не могу криводушия. Вашей чести ничего не угрожает. Анна Констанция Брокдорф не из тех женщин, что могут польститься на королевское благоволение и дать себя унижить за горсть бриллиантов. Вам нечего бояться, можете быть спокойны. Мне жаль вас! На этом балу меня не будет.

Гойм стоял оцепенелый, бледный.

– Вы должны быть на балу, – выдавил он, – это не пустые страхи, дело идет о моей жизни и карьере, о всей моей будущности. Король приказал...

– А я не хочу! – возразила Анна.

– Ослушаться короля?

– А почему бы и нет, он властен над всем, чем угодно, но не над домом и семьей, здесь бог – господин. Что сделает мне король?

– О, тебе ничего, – сказал с волнением министр, – он слишком любезен с красивыми женщинами, но я отправлюсь в Кенигштейн, наше состояние конфискуют, растащат фавориты. Разорение, смерть!

Гойм закрыл руками лицо.

– Вы не знаете короля, – зашептал он еле слышно, – он улыбается и сияет, как Аполлон, но беспощаден, как Зевс.

И никогда не простит того, кто посмел усомниться в его всемогуществе. Или ты будешь на этом балу, или я погиб.

– Вы полагаете, граф Гойм, – возразила Анна, – что угрожающая вам гибель так уж тревожит меня?

Она пожалала плечами и снова отошла к окну.

Гойм, бледный, последовал за ней.

– Ради бога, заклинаю вас, не противьтесь воле короля!

Тут громко постучали, на пороге появился слуга. Министр нахмурил брови, приняв строгий вид.

– Графиня Рейс и графиня Вицтум!

Гойм, разгневанный, поспешил к двери. Он хотел отказать им через слугу, но тут же за его спиной увидел красивое, жизнерадостное, аристократическое лицо графини, а за ней сверлящие глаза сестры. Увы, визит этих двух дам означал, что в городе известно о вчерашнем происшествии и о приезде Анны, и что совершенная им, Гоймом, ошибка, которой он не мог себе простить, уже сделала его всеобщим посмешищем. В ином случае графине Рейс не пришло бы в голову посетить холостяцкий дом министра.

Гойм в сильном замешательстве знаком отослал слугу, и величественная фигура графини в черном платье, отделанном кружевами, предстала перед ним на пороге. Графиня Рейс, белолицая, свежая, румяная, с несколько пышными, но весьма привлекательными формами, с очаровательной улыбкой на розовых губах, никак не могла внушать страха, но бледный Гойм, увидев ее, побледнел еще больше: он расте-

рылся, словно в предчувствии беды.

Сестра его, графиня Вицтум, сразу заметила замешательство брата, но виду не подала. На лицах обеих женщин как ни в чем не бывало засияли приветливые улыбки.

– Гойм, я должна бы рассердиться на тебя, – начала приятным, мелодичным голосом графиня Рейс, – возможно ли это? Жена твоя приезжает в столицу, а я узнаю об этом случайно от Гюльхен.

– Как! – воскликнул министр, с трудом скрывая досаду, – И Гюльхен уже знает об этом?

– Еще бы, – сказала, входя в комнату, Рейс, – и она, и весь город знает, все только о том и говорят, что ты, наконец, поумнел, и твоя бедная жена не будет больше увядать взаперти.

Графиня подошла к Анне, разглядывая ее, как барышник породистую лошадь на рынке.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая графиня? – спросила гостя, протягивая обе руки. – Я так рада, что могу приветствовать тебя там, где тебе быть надлежит. Я первая пришла к тебе, но поверь, не пустое любопытство привело меня, а желание быть полезной. Завтра тебе надо быть на балу у королевы, прелестная наша отшельница, а ты только что приехала, не знаешь Дрездена, уж разреши нам позаботиться о тебе. Бедная наша испугнутая пташка!

Во время этой речи та, кого графиня назвала испугнутой пташкой, стояла, гордо выпрямившись и ничуть не волнуясь, с сознанием своей силы, будто властвовала здесь давно.

– Благодарю вас, графиня, – ответила Анна спокойно, – да, муж сказал мне, что я должна быть на балу. Но разве это так необходимо? Разве я не имею права сказать себя больной, хотя бы от потрясения, что на мою долю выпало такое необыкновенное счастье.

– Я бы не советовала прибегать к такой отговорке, – возразила графиня Рейс. – Никто, взглянув на вас, не поверит вашей болезни, вы выглядите, как Юнона, пышущая здоровьем и силой, никто не поверит, что вы оробели, ибо вы не из пугливых.

Гойм, подав графине руку, повел ее в мрачный аудиенц-зал. Золовка, пользуясь тем, что брат прошел немного впереди, взяла Анну под руку и зашептала ей на ухо:

– Милая Анна, не беспокойся и не упрекай себя. Ты вырвешься, наконец, из неволи, увидишь двор, короля, блеск, великолепие, равного которому нет во всей Европе. Я всегда за тебя страдала и теперь рада, что могу первая приветствовать тебя. Не сомневаюсь, тебя ждет самая счастливая участь.

– Я так привыкла к уединению и покою, – тихо произнесла Анна, – что мне ничего другого не надо.

– Мой брат, – добавила Вицтум, – лопнет от ревности!  
И она захохотала.

Три дамы в сопровождении обескураженного министра стояли посередине зала, когда слуга вызвал Гойма. Дверь кабинета затворилась за ним. Графиня Рейс села первая и,

склонившись к прелестной хозяйке, зашептала:

– Дорогая моя, я счастлива поздравить вас с началом новой жизни. Поверьте, я могу вам пригодиться. Гойм, сам того не желая, проложил вам широкую дорогу. Вы же прелестны, как ангел!

Анна, помолчав, сказала холодно:

– Вы ошибаетесь, если думаете, что я честолюбива, дорогая графиня. Я слишком долго жила в уединении и праздности, много думала о себе и о свете. И теперь хочу одного: поскорей вернуться к моей тихой жизни и к Библии.

Графиня Рейс засмеялась.

– Скоро все изменится, – промолвила она, подлащиваясь к хозяйке, – а сейчас надо подумать о вашем завтрашнем туалете. Дорогая Вицтум, давайте устроим генеральный совет, надо решить, как одеть Анну, а то она может пренебречь этим. А тебе ведь надо поддержать честь дома твоего брата.

– Анна затмит всех придворных красавиц, как бы она ни оделась, – возразила графиня Вицтум. – Тешен не под силу состязаться с ней, она уже поблекла. Мне кажется, чем скромнее будет туалет Анны, тем больше он будет ей к лицу, пусть другие прибегают к румянам, белилам и мушкам. Анне подойдет обычный девичий наряд.

Разговор о нарядах стал оживленным, женщины перебивали друг друга, горячились, спорили. Анна вначале молчала, лишь с удивлением и даже с некоторой опаской слушала обеих приятельниц, проявлявших, как ей казалось, слишком

большую заботу о ней. Но вскоре и она, как всякая женщина, поддалась магнетическому действию подобных разговоров, вставила несколько слов, и болтовня, прерываемая смехом, стала еще жарче и веселей.

Графиня Рейс внимательно прислушивалась к каждому слову Анны Гойм, поглядывала на нее украдкой с каким-то непонятным беспокойством и забрасывала вопросами, надеясь, по-видимому, услышать в ответах какой-то скрытый смысл. У Анны прошло утреннее напряжение, и она стала, как свойственно ее возрасту, острить, смеяться и сыпать словечками, искрящимися, как бриллианты. Откровенно, с подкупающей прямоотой говорила она о себе, о своих ощущениях и предчувствиях. Графиня Рейс подбадривала ее. Удивительная живость ума Анны, сохранившего в покое и тишине свою девственную прелесть, приводила графиню Рейс в такое восхищение, что она несколько раз порывалась кинуться Анне на шею.

– Наша прелестная Анна! Несравненная, очаровательная! – восклицала графиня. – Завтра вечером весь двор будет у ваших ног. Гойм может заранее приготовить для себя пистолеты. Тешен заболеет и по своему обыкновению упадет в обморок, ведь это ее излюбленный прием.

Графиня Вицтум засмеялась. Графиня Рейс рассказала, между прочим, Анне, как княгиня Любомирская завоевала сердце короля. Увидев, что король упал с лошади, она потеряла сознание. Август от сильного ушиба тоже лишился

чувств. Пробуждение было сладостным. Когда Тешен открыла глаза, король стоял перед ней на коленях.

– Увы, – добавила Рейс, – упади она сейчас в обморок, король скорее испугается, чем восхитится. Первый пыл угас. На Лейпцигской ярмарке его величество волочился направо за французскими актерками. Хуже того, он, говорят, безумно влюбился в княгиню Ангальт-Дессау, но встречен был с суровой холодностью. Король говорил недавно Фюрстенбергу, что сердце его свободно и что он готов принести его в дар какой-нибудь красавице.

– Надеюсь, – сказала несколько задетая Анна, – что вы не заподозрите меня, дорогая графиня, в том, что я уподоблюсь французским актрисам, раз даже княгини не всегда отказываются от подобной чести. Королевское сердце не такой уж завидный дар, а мое сердце стоит большего, чем объедки после княгини Тешен.

Лицо графини Рейс покрылось густым румянцем.

– Тише, тише, какой вы ребенок, – сказала она, оглядываясь, – никто ничего такого не говорит. Просто болтаем о том, о сем, но вы должны быть ко всему готовы. Мы с графиней Вицтум пришлем вам наших купцов и портных, а если вы не захватили своих бриллиантов или у вас их мало, Мейер даст вам под залог, какие вы только захотите, ни у кого при дворе таких не будет, и сохранит это в строгом секрете. Он человек услужливый и учтивый.

Обе гостьи поднялись и стали обнимать Анну, та молча

проводила их до дверей. Гойм больше не появлялся, кабинет был полон акцизных.

Внизу у подъезда стояла карета графини Рейс, обе дамы сели в нее. Некоторое время они ехали молча, погрузившись в раздумье. Вицтум первая прервала молчание.

– Что ты обо всем этом думаешь? – прошептала она.

– Дело решенное, – тоже шепотом ответила ей Рейс. – Гойм может с сегодняшнего дня считать себя вдовцом. Анна горда. Она долго будет противиться своему счастью, но короля ничто так не подзадоривает, как упорство, которое надо сломить. Анна прекрасна, как ангел, смела, остроумна, своенравна. Качества эти не только притягивают, но и привязывают. Дорогая моя, надо сдружиться с ней сейчас же, пока она еще не взяла в руки бразды правления, потом будет поздно. Давай помогать друг другу, согласна? Через нее мы будем влиять на короля, на министров, на все. Тешен погибла, что меня бесконечно радует: с этой скучной сентиментальной княгиней я никогда не могла бы сойтись. Впрочем, с нее довольно того, что у нее есть: сын признан, княжество пожаловано, богатство огромное, да и царствовала она слишком долго. Тешен сходит со сцены, король скучает, и именно теперь, когда он так несчастен, надо его развлечь и утешить. Фюрстенбергу с нашей помощью удастся, в конце концов, свергнуть Тешен. Довольно с нас этой чужеземки. Но интригу нужно вести умно, тонко, не спеша, Анну штурмом не возьмешь, слишком она гордая.

– Бедный Гойм, – засмеялась Вицтум, – если у него хватит ума...

– Он только выгадает на этом, старый развратник уже давно не любит Анну, – прервала ее графиня Рейс, – хоть ты и сестра его, я могу говорить с тобой откровенно. Впрочем, он сам себе яму вырыл.

– Я виню больше Фюрстенберга.

Рейс окинула графиню Вицтум мимолетным взглядом, и в глазах ее промелькнуло что-то похожее на едкую насмешку; она пожала плечами.

– О, есть люди, судьба которых предрешена заранее, – заметила она с иронией и вдруг чисто по-женски громко рассмеялась. – А знаешь, – сказала она, – на Анне должно быть оранжевое платье и кораллы. Волосы у нее вьющиеся, кожа девственно белая, это будет ей очень к лицу. Ты заметила, сколько огня в ее глазах?

– И, увы, сколько гордости! – добавила Вицтум.

– Ничего! Пусть только увидит короля; ручаюсь, если он захочет ей понравиться, – заметила графиня Рейс, – она потеряет и голову и гордость.

## 4

На Пирнайской улице, в те времена одной из красивейших улиц маленького, обнесенного стенами, тесного Дрездена, стоял дворец Бейхлинга, бывшего канцлера, ныне го-

сударственного преступника, содержащегося в Кенигштейне. Княгиня Любомирская, в девичестве Бокун, дочь литовского стольника, разведенная с мужем фаворитка короля, ставшая княгиней Тешен после рождения сына – знаменитого впоследствии кавалера де Сакс, получила в награду, – очевидно за то, что способствовала низвержению Бейхлинга, чье огромное наследство расхитили придворные, – его дворец, где и устроила свою роскошную резиденцию. Отдыхала она обычно в дарованных ей поместьях Хойерсверда или в своих имениях в Лужицах, развлекаясь разведением садов во Фридрихштадте, а остальное время жила во дворце на Пирнайской улице. Годы пылкой любви и рыцарского поклонения, когда красавец король не мог дня прожить без дорогой Урсулы, когда прелестная княгиня выезжала верхом на свидание к своему коронованному возлюбленному в светло-зеленой амазонке в сиянии своих двадцати лет – те счастливые годы, прожитые в Варшаве, проведенные в путешествиях по Германии, на пышных дрезденских и лейпцигских балах, ушли, казалось, безвозвратно.

Это стало ясно после маскарада в Лейпциге, когда жестокосердная прусская королева Софья Каролина, желая обуздать волокитство Августа, восплаившего страстью к состоявшей в ее свите княгине Ангальт-Дессау, заставила предстать пред глазами ветреного донжуана сразу всех трех его отставных фавориток: Аврору Кенигсмарк, графиню Эстерле и Гаугвиц, чтобы короля, а вместе с ним и княгиню Те-

шен-Любомирскую поставить в неловкое положение и устыдить. С тех пор, вопреки пылким заверениям Августа в неизменной привязанности, княгиня Тешен, словно над ней нависло грозное *memento mori*,<sup>7</sup> не могла отделаться от мысли, что она будет, как и все другие, обманута непостоянным, пресыщенным Августинком (Августинок – так фамильярно называли его королевскую милость, связывая с ним популярную песенку *Mein Liber Augustin*<sup>8</sup>). Король, несмотря на бесчисленные тайные интрижки, сохранял еще видимость горячей привязанности к княгине Тешен. Урсула имела власть над ним. Ее белые ручки ловко держали его на золотом поводке, но в душе она чувствовала, что каждую минуту может потерять его навсегда.

Зеркало говорило, что черты ее лица не утратили былого обаяния, осталась еще и свежесть, о сохранении которой Тешен неустанно заботилась, но красота ее и блеск потеряли уже прелесть новизны для короля, который легко пресыщался и непрерывно искал новых развлечений. Он любил беседовать с прекрасной княгиней, ему нравилось ее умение лавировать при дворе, проводя свою политику под личной женского легкомыслия, ее лукавое лицемерие, страсть к запутанным интригам, из которых она умела извлечь выгоду. Август еще бывал у княгини по несколько часов в день, но спроси ее сейчас королева, когда она намерена покинуть

---

<sup>7</sup> Помни о смерти (*лат.*).

<sup>8</sup> Мой милый Августин (*нем.*).

Дрезден, она не решилась бы, как прежде, дерзко ответить, что с королем она приехала, с ним и уедет. Грусть застила-ла ее прекрасные, полные слез, голубые глаза, светившиеся притворной кротостью, ибо на самом деле характер у княгини был твердый и решительный. С каждым днем тревога все сильнее овладевала Урсулой, – вдруг ей прикажут покинуть Дрезден, расстаться навеки с королем.

Внешне ничто не изменилось, княгине Тешен ни в чем не было отказа, ее чтили еще как повелительницу двора, но в глазах придворных она видела свое близкое крушение, ловила язвительные ухмылки и косые злобные взгляды.

Было время, когда Урсула любила короля, любила горячо и надеялась, что ради нее он остепенится, и она, возможно, станет когда-нибудь королевой. Иллюзии эти развеялись, как дым. Удел всех фавориток станет и ее уделом. Разочарованная, охладевшая, она, чтобы понравиться королю, еще обретала прежнюю веселость и кокетство, но потом, запершись дома, плакала украдкой, вынашивая заранее мысль об отмщении. Чаще писала она теперь письма примасу Польши Радзеевскому. Король знал, как невыгодно ему восстанавливать против себя племянницу первого сановника Речи Посполитой, и всячески старался уверить княгиню в неизменности своих чувств. Между тем за княгиней усиленно следили. Король, не заслужив еще мести, уже боялся ее.

Любовь Августа уступила место почтительной вежливости, от нее веяло холодом. Княгиня Тешен при дворе была

второй после королевы, но в сердце Августа ей было отведено такое же место, как королеве, – Август стал равнодушен к ней. Мечты о Колоандеровой<sup>9</sup> любви пронеслись, как весенние тучи, осталась только оскорбленная гордость.

Когда дочь литовского стольника покидала родную землю, она мечтала о троне; мечты развеялись прахом, остался стыд от того, что расчет ее оказался ложным, и позорное положение женщины без мужа, без дома, получившей в уплату за миг безумия богатые дары, титулы, землю и золото. Миг торжества был кратким, позор – бесконечным. Разве могла она вернуться в Польшу? Бедная женщина каждую минуту ждала, что она будет покинута и свергнута с высокого, но уже шаткого пьедестала. Когда ей приводили по нескольку раз на дню ее мальчика, признанного сына короля, она, сжав его в объятиях, лила тайком горькие слезы. Княгиня Тешен чувствовала себя несчастной еще до того, как ее постигло несчастье. У ее ребенка была обеспеченная будущность, у нее – никакой.

Во дворце на Пирнайской улице ежедневно собирались еще по старой привычке толпы придворных красавиц, любезных кавалеров. Этим последним король не только не возбранял, но даже облегчал доступ во дворец. Кто знает, может, он был бы и рад, если б кто-нибудь из них завоевал сердце, уже начинавшее тяготить его своей утомительной при-

---

<sup>9</sup> Колоандер – герой популярной в то время, переведенной с итальянского авантюрно-любовной повести. Колоандер, свято хранящий верность Леониде.

вязанностью. Августа Сильного, не пролившего в жизни ни единой слезинки, раздражала плаксивость княгини, встречавшей его со слезами на глазах, ему хотелось рассеяться, а он слышал бесконечные упреки.

С виду княгиня была еще в милости, и у нее были, неизвестно насколько искренние, друзья и соглядатаи; поэтому она знала о каждом шаге короля, о каждой его улыбке, слове, она ревниво следила за ним. О ночной попойке, когда у Гойма вырвали признание, что у него красивая жена, заставили побиться об заклад, а потом послали за прекрасной Анной, княгиня Тешен получила самый точный и подробный отчет. Встревоженная, Урсула лихорадочно ходила взад и вперед по комнате, раздумывая, ехать ли ей или не ехать на бал к королеве, принять вызов или не поднимать дерзко брошенной перчатки.

Не было еще одиннадцати часов, когда княгине доложили, что жена Гойма прибыла. Впрочем, никто ее не знал, не видел, и описать не мог. Все сходились на том, что она, по всей вероятности, красива, знали, что она родилась в тысяча шестьсот восьмидесятом году – была ровесницей Любомирской, но какого рода ее красота и насколько она опасна, этого никто не знал. По столице ходили самые разнообразные слухи. Безжалостный Киан сказал:

– Не все ли равно, какая она, лишь бы на предыдущую не была похожа.

Княгиня думала так же: не в красоте дело, а в новизне

ощущений.

В тот день утренний прием у княгини был скромнее, чем обычно, все бегали по городу, разнося новости или охотясь за ними. Говорили, что король и на сей раз, как всегда, когда хотел, чтобы празднество было пышным и блестящим, сам тщательно просмотрел программу и с нетерпением ждал, чем кончится спор Гойма с Фюрстенбергом. Говорили также, что Гюльхен и графиня Рейс плетут с большим рвением интриги, стараясь завлечь Анну Гойм в свои сети и заручиться ее расположением. Графиня Вицтум заявила во всеуслышание, что ее невестка затмит всех красотой.

Урсула посылала в город, выслушивала новости от верных ей людей, впадала в отчаяние, плакала. Уже три раза король пытался порвать с ней, но ей удавалось удержать его. Похоже было, что теперь настала решительная минута... Тешен ломала руки, и вдруг странная мысль пришла ей в голову, она посмотрела на часы. Дом Гойма был неподалеку, она шепнула что-то служанке, накинула густую черную вуаль на покрасневшее от слез лицо, неслышно сбежала по лестнице и бросилась к носилкам. Служанка шепнула словечко на ухо носильщикам, и они направились к дому Гойма, но не по улице, а задрами, через сады, по узкой и пустынной тропинке, скрытой в листве зеленых еще деревьев.

Незримый садовник отворил калитку сада Гойма перед соскочившей с носилок княгиней, и она, оглядевшись, побежала прямо наверх к особняку. В прихожей ее ждал молодой

человек, он указал ей куда идти. По темному коридору, закрывшись так, что ее никто не мог бы узнать, Любомирская добежала до указанных дверей и постучалась.

Ей открыли не сразу. Служанка, приотворившая дверь, чтобы взглянуть, кто пришел, не собиралась впускать ее, но Тешен, сунув ей в руку несколько дукатов, отстранила ее и, осмотревшись, побежала дальше.

Анна Гойм ходила в одиночестве по комнате, приготовленной для нее, когда незнакомая женщина с низко опущенной вуалью остановилась на пороге. Пораженная неожиданным визитом, Анна нахмурилась и отпрянула, еле сдерживая гнев.

Любомирская откинула черную вуаль и с любопытством уставилась на Анну, не произнося ни слова, запыхавшаяся, взволнованная. Губы у нее были сжаты и дрожали, бледность покрыла лицо. Она робко огляделась, ища опоры, и упала без чувств на стоявший рядом диванчик.

Анна бросилась к ней, кликнула служанку. Они подняли вдвоем потерявшую сознание женщину. Обморок длился несколько мгновений. Тешен вскочила как безумная, вперила взор в свою соперницу, сделала знак, чтобы служанка вышла. Они остались одни.

Эта сцена сильно растревожила и без того уже взволнованную Анну. После долгого покоя в деревне начиналась какая-то кутерьма, не дававшая времени даже опомниться.

Любомирская протянула Анне бледную холодную дрожа-

щую руку.

– Прости меня, – сказала она ослабевшим голосом, – я хотела тебя увидеть, предостеречь. Меня привело сюда чувство долга и голос совести.

Анна молча, с любопытством разглядывала ее.

– Посмотри на меня, – продолжала Тешен, – ты сегодня начинаешь жизнь, которая для меня кончилась. Я была, как и ты, невинна, счастлива, спокойна, уважаема, я жила в согласии с совестью и богом. У меня был муж, княжеский титул и самое ценное: незапятнанное имя. Пришел коронованный властитель и одной улыбкой лишил меня всего. Скипетр и корону он положил к моим ногам, отдал мне сердце. Я пошла за ним. А теперь что есть у меня? Чужое имя, разбитое сердце, утраченное счастье, позор на челе, буря в душе, печальная будущность и тревога за участь ребенка. У меня нет никого на свете. Родные отвернутся от меня, те, кто пресмыкался у ног моих, завтра не захотят меня знать. Он? Он оттолкнет, как чужую.

Анна слушала и краснела.

– Сударыня, – сказала она взволнованно, – почему вы считаете, что мне грозит опасность? Я вас не понимаю. Кто вы такая?

– Вчера я была королевой, а сегодня сама не знаю кто, – ответила Тешен.

– Но я не желаю никакой короны, корона давит виски, – вскричала Анна. – Почему я должна выслушивать угрозы?

– Предостережения, – прервала ее Любомирская, – прости меня, но корона пристанет тебе, люди заранее ее тебе пророчат, а я хочу, чтобы ты знала: под золотым венцом короны другой венец – терновый.

– Вы ошибаетесь, – спокойно промолвила Анна. – В таком случае корона не прельщает меня. Или она будет на мне до гробовой доски, или гордость никогда не позволит мне прикоснуться к ней. Успокойтесь.

Тешен упала на диван, опустила голову и зарыдала. Ее слезы тронули Анну, она подошла к княгине, с любопытством и участием глядя на нее.

– Все, что происходит здесь со мной с самого утра, непостижимо, – тихо сказала Анна, – я бы хотела как можно скорее отсюда вырваться. Кто вы?

– Тешен, – еле слышно ответила княгиня, поднимая глаза, – ты, верно, слышала обо мне, так догадайся же, зачем тебя привезли сюда... Соскучившемуся государю нужна новая женщина.

– Подлецы! – с возмущением воскликнула Анна. – Распоряжаются нами, как невольницами, а мы...

– Мы их жертвы.

– Нет! Я не буду, не хочу быть жертвой, – прервала ее Анна, – успокойтесь сударыня, я слишком горда, лучше нужду терпеть, чем унижение.

Княгиня Тешен посмотрела на нее долгим взглядом и вздохнула.

– Не ты, так другая, мой час пробил, но заклинаю тебя, если у тебя хватит сил, отомсти за нас всех, оттолкни его, облей презрением. Ведь это вопиет о мщении к богу.

Тешен опустила вуаль на лицо и молча протянула Анне руку.

– Ты предупреждена, защищайся...

Она быстрым шагом направилась к двери, а Анна застыла на месте, не в состоянии вымолвить ни слова.

На лестнице Тешен ждал тот, кто привел ее сюда. Подбежав к носилкам, она опустила было занавеску, но вдруг увидела молодого офицера, с тревогой глядевшего на нее. Его красивое, благородное лицо, мужественное и энергичное, побледнело, исказилось негодованием и болью. Он, казалось, не верил своим глазам... Несмотря на присутствие двух носильщиков, собравшихся уже поднять с земли носилки, он не выдержал и подбежал к ним.

– Княгиня! – вскричал он в волнении. – Что я вижу? Как, вы тайком отправляетесь на свидание? Скажите всю правду, заклинаю вас, и я тотчас вскочу на коня, чтобы более сюда не возвратиться. Я с ума схожу от любви к вам, а вы... – Он закрыл руками лицо.

– Вы действительно сошли с ума! – с запальчивостью прервала его княгиня. – И не только сошли с ума, но и ослепли – или вы не видите, что я выхожу из дома Гойма? Надеюсь, вы не подозреваете, что я влюбилась в него? – Княгиня схватила офицера за руку. – Идите рядом, следуйте за мной, я не

отпущу вас, пока не объясню все. О, если и вы в такую минуту покинете меня, обвинив в чем-то, это будет уже слишком! Этого я не перенесу!

Прекрасные, застланные слезами глаза княгини, обращенные к молодому человеку, руку которого она держала в своей руке, говорили так много, что тревога сбежала с его лица, и оно просияло. Он последовал послушно за носилками до самого дворца, на лестнице подал руку княгине, и они вместе вошли в дом. Усталая и разбитая Урсула, держась за голову, опустилась на диванчик, указав своему спутнику место подле себя.

– Князь, я вне себя от гнева и возмущения, я была у той, которую подлые враги мои привезли сюда, чтобы развлечь короля, а меня изгнать, лишить влияния. Вы слышали о жене Гойма?

– Нет, не слышал, – ответил молодой князь (это был Людвиг Вюртембергский), – знаю лишь, что над бедным Гоймом подшутили – напоили его, чтобы заставить показать жену.

– Они умело разжигают любопытство короля и плетут интригу, – продолжала княгиня со все возрастающим возбуждением. – Я видела ее, она очень красива, опасна, через два дня она может стать королевой.

– Тем лучше, тем лучше, – воскликнул, вскочив с места, князь Людвиг. – Вы будете свободны.

Тешен бросила на него выразительный взгляд, молодой

человек вспыхнул, наступило молчание. Она протянула ему руку, он схватил ее и стал с жаром целовать. Тут из соседней комнаты, хлопая в ладоши и язвительно смеясь, вошла маленькая женщина, немного похожая на княгиню, хотя далеко не такая привлекательная. Возраст ее определить было трудно: ей могло быть и немного более двадцати, и все тридцать. Видно, молодостью и свежестью она никогда не отличалась, но и не старилась. Лицо ее было из тех, что кажутся старыми в юности, а в старости молодыми. Ее серые глазки, злые, пронзительные, так и шныряли повсюду, с губ не сходила ехидная ухмылка, все в ней говорило, что она несносная интриганка и неутомимая сплетница. Ее пестрый туалет был тщательно обдуман, чтобы подчеркнуть то, что у нее было красиво: стройную, перетянутую в талии, фигурку, маленькую ножку и гибкий стан. Она резво завертелась на каблучках и захлопала в ладоши, когда смущенный князь Вюртемберг оторвал губы от руки Тешен.

– Bravi! Bravissimi!<sup>10</sup> Я вам не помешаю, – громко воскликнула баронесса Глазенапп, – nous sommes en famille,<sup>11</sup> не смущайтесь. Сестрица вовремя обеспечила себе ретирад военным прикрытием, ведь... ведь... кажется, приближается минута, когда ей придется ретироваться и покинуть двор! Хороший военачальник всегда обеспечивает себе путь к отступлению.

---

<sup>10</sup> Bravo! Bravissimo! (итал.).

<sup>11</sup> Мы среди своих (франц.).

Эта маленькая, бойкая женщина, которую все терпеть не могли при дворе, сеявшая сплетни, чтобы всех перессорить, была дочерью литовского стольника, родной сестрой Любомирской и женой (в то время) барона Глазенаппа, впрочем, брак этот был скорее фикцией, так как она была в связи со знаменитым Шуленбургом. При дворе Августа II обычно интересовались не тем, кто муж, а кто возлюбленный.

– А мы с тобой давно не виделись, дорогая сестрица, – затараторила она, – в трудную минуту я всегда рядом. Тешен, ты слышала, наверно, – продолжала она, злорадно посмеиваясь, – привезли жену Гойма. Я ее видела однажды в Дрездене, еще до приезда короля, и тогда еще предсказала, что она, как Елена Троянская, принесет кому-нибудь несчастье. Она прекрасна, как ангел, брюнетка, что для таких, как ты, блондинок, очень опасно; находчива, остроумна, злая... гордая и держится, как королева! Вашему царству пришел конец! – Она громко засмеялась. – Но тебе страшно везет на княжеские титулы, – не умолкала баронесса, не давая никому вставить слово. – Мне вот с трудом удалось поймать захудалого поморского барона, а у тебя был Любомирский, теперь ты Тешен и готовишь себе про запас Вюртембергского.

Молодой человек стоял красный и злой. Тешен опустила глаза, но тихонько сквозь зубы прошептала:

– Могу заполучить и четвертого, если захочу.

– Я даже могу шепнуть тебе на ушко его имя, – прервала ее баронесса. Вскочив, она подбежала к сестре и, приложив

трубочкой руки к губам, сказала ей на ухо:

– Князь Александр Соболевский, не правда ли? Но тот не женится, а Людвичек готов, постарайся удержать его.

Княгиня Тешен с негодованием отвернулась от сестры, а та вертелась по комнате, бегая от зеркала к зеркалу и исподтишка наблюдая за Тешен и князем.

– Если у тебя хватит ума, – сказала баронесса, – ты можешь еще выйти победительницей. Жена Гойма – женщина недалекая, она оттолкнет от себя короля. Ее красота, быть может, прельстит его, но своим высокомерием она отпугнет его. После нее ты опять покажешься ему милой и доброй. Ничего не попишешь! Королям надо прощать их прихоти. У них забот больше, чем у простых смертных и привилегий должно быть больше. Досадно только, – болтала она, не умолкая, – что ты уже у всех на языке; графиня Рейс и уважаемая Гюльхен уже поклоняются новому божеству, Фюрстенберг и даже Вицтум, зять Гойма, не прочь приставить ему золотые рога. Бедный Гойм! Если жена бросит его, я, право, кабы не некоторые обстоятельства, вышла бы за него, чтобы облегчить ему утрату. Но этот старый развратник вряд ли кого-либо захочет.

Тут князь Людвиг прервал нескончаемую болтовню баронессы и попрощался с Урсулой. Та ответила ему пожатием руки, не ускользнувшем от зорких глаз баронессы, которая кивнула князю издали.

Оставшись одни, сестры немного помолчали.

– Не надо все воспринимать так трагически, – заговорила баронесса, пожимая плечами, – это можно было предвидеть давно. Королю наскучила блондинка. У тебя есть титул, Хойерсверд, миллионы, бриллианты, дворец Бейхлинга, сын твой обеспечен, ты еще красива и достаточно молода, и князь Людвиг готов на тебе жениться. Признаюсь, я бы еще поменялась с тобой, отдав в придачу Шуленбурга.

– Я любила его, – прервала сестру Тешен, обливаясь слезами.

– О! Все в прошлом! – возразила ей баронесса Глазенапп. – Вы любили друг друга, по крайней мере, с полгода, и за это время он тебе изменил тайком раз десять, а ты ему сколько? Ты ведь ему изменяла, ручаюсь!

– Сестра! – воскликнула с возмущением Тешен.

– Ну хорошо, ни разу! А как же ты умудрилась, так беззаветно любя короля, держать про запас Вюртемберга? Ведь вот теперь, когда он тебе понадобился, – он к твоим услугам, пожалуйста! Признаюсь, хотя меня считают злой и лицемерной, я бы так не сумела. И Шуленбурга я завела после того лишь, как чуть ли не до драки рассорилась с Глазенаппом. Мне и впрямь не везет, все меня терпеть не могут, впрочем, я всем плачу тем же, даже с лихвой.

Она резко рассмеялась.

– Послушай, Урсула, – сказала она, немного погодя, – короли имеют обыкновение при расставании требовать обратно подаренные бриллианты. Будь благоразумна, спрячь свои

драгоценности в безопасном месте.

Она посмотрела на сестру; та, казалось, не слушала ее.

– Ты будешь сегодня на балу? – спросила баронесса.

Слово «бал» вывело Тешен из оцепенения.

– На балу... да! – ответила она в раздумье. – Надо пойти на бал! Я буду вся в черном, в трауре, без всяких украшений, в простом платье, это всех ошеломит; только скажи, Тереня, траур будет мне к лицу?

Глазенапп рассмеялась.

– Безусловно, траур всем к лицу, но только если ты думаешь этим умилить Августа и растрогать придворных, то ошибаешься. Это их скорее рассмешит. Они трагедий не любят. Увидят тебя в трауре, скажут, что тебе пора в могилу, и с легким сердцем похоронят.

– Будь что будет! Пойду в трауре, – повторила Тешен, – встану перед ним, как призрак.

– А так как жена Гойма будет румяной, веселой, свежей, ты и исчезнешь, как призрак, никем не замеченная. Поверь мне. Прошлого не вернуть.

Баронесса посмотрела на часы.

– О! Как, поздно! Итак, до бала! Я тоже приду туда, но как зритель, чтобы рукоплескать актерам. Будь здорова!

## 5

Дамы входили в сопровождении мужей или родственни-

ков. По необыкновенной роскоши нарядов никак нельзя было предположить, что связанная с Саксонией Польша разорена войной, что казна вконец опустела. На короле был наряд, весь усыпанный бриллиантами, с огромными алмазными пуговицами, эфес шпаги тоже был усеян алмазами, даже пряжки на башмаках сверкали алмазной росой. Величавый, сияющий, помолодевший, Август выглядел скорее торжествующим победителем, чем побежденным, который вынужден бороться за корону с жестоким врагом.

Туалеты дам тоже сверкали обилием драгоценностей, хотя большинство из них были так красивы, что в украшениях не нуждались. Наконец появилась королева в весьма скромном наряде. Август учтиво поспешил ей навстречу, зазвучали фанфары. Главных действующих лиц еще не было. Государь уже хмурил чело и бросал на Фюрстенберга взгляды, не предвещавшие ничего хорошего, когда у входных дверей, несмотря на присутствие королевских особ, послышался вдруг приглушенный шум. Люди расступились, все взгляды обратились к дверям. Фюрстенберг зашептал:

– Идут!

И вот в дверях показалась пожелтелое, мрачное лицо графа Гойма, он вел под руку жену. Никогда, пожалуй, при этом дворе, привыкшем видеть красавиц, не появлялось столь ослепительной женщины.

Графиня Гойм шла среди знатных дам с царственным величием, не ведая страха, спокойная, горделивая и такая об-

ворожительная, что из уст присутствующих вырвался дружный возглас удивления. Король не сводил с нее глаз, но взгляды их не встретились. Полагалось представить Анну королеве, и она направилась к ней в сопровождении мужа, ничуть, казалось не пораженная ни блеском двора, ни Аполлоновой внешностью короля, стоявшего в эффектной позе, чтобы произвести на даму самое выгодное впечатление. Лицо его подергивалось от нетерпения.

Гойм вел жену с видом преступника, приговоренного к казни. Враги и акцизные чиновники упивались страданием, которое явно отражалось на его лице, искаженном болезненной гримасой. Королева милостиво взглянула на Анну и приветливо улыбнулась ей, но улыбка была печальной. Королева, казалось, скорбела об участи, ожидавшей эту красавицу, даже вздох вырвался у нее из груди. Как только первые формальности были закончены, музыка заиграла полонез, и король с королевой открыли бал.

Княгини Тешен еще не было. Остальные дамы были в полном сборе, даже госпожа Гюльхен, эта Эгерия<sup>12</sup> Августа, пренебрегла болезнью, чтобы удовлетворить свое любопытство. Не успел окончиться первый танец, как шум у дверей возвестил еще о чем-то необычайном, зрители расступились, король обернулся, – на пороге стояла, как бы колеблясь, войти ли, княгиня Тешен. Она была в глубоком трауре. Увидев ее,

---

<sup>12</sup> Эгерия – согласно древнеримской легенде, нимфа, – любовница и советчица римского царя Нумы Помпилия.

раздраженный Август пошел ей навстречу.

– Княгиня, – спросил он насмешливо, – почему вы в таком неподобающем костюме на балу? Вы потеряли сегодня кого-нибудь из близких?

– Вас, ваше величество, – ответила тихо Урсула, – и не сегодня.

Взгляды любопытных, обращенные было на княгиню, снова устремились на Анну. Дамы вынуждены были единодушно признать, что графиня Гойм затмила всех блеском своей царственной красоты. Ее черные очи метали, правда, молнии и грозно сверкали, но рядом с ними все другие глаза меркли, как звезды перед солнцем.

Август, казалось, упивался видом этой пленительной женщины. Когда графиня Вицтум отозвала Анну в сторону, король подошел к Гойму и, дружески похлопав его по плечу, подозвал жестом Фюрстенберга.

– Дорогой граф, – сказал он, – ты выиграл тысячу дука-тов, Фюрстенберг завтра уплатит их тебе. Поздравляю с выигрышем и с такой женой. Она, несомненно, самая красивая из дам нашего двора. Vox populi,<sup>13</sup> конечно, поддержит мое решение. Ты счастливейший из смертных, Гойм!

Но, глядя на Гойма, смиренно, с поникшей головой принимавшего поздравление, трудно было предположить, что он – счастливейший из смертных. У него был скорее вид человека униженного, подавленного, несущего наказание за

---

<sup>13</sup> Глас народа (*лат.*).

свою вину, человека, который хотел бы зарычать от боли, да не смеет. Фюрстенберг смиренно поклонился, глядя с усмешкой на короля.

– Я вижу, ваше величество, – тихо шепнул он, – что ваши королевские прихоти оплачивать придется мне.

– Не сетуй, Фюрстенберг, заплати Гойму тысячу, а из казны возьми десять за то, что доставил мне удовольствие увидеть такое чудо, – ответил король, протягивая ему руку для поцелуя.

Тешен сидела в одиночестве, все покинули ее. Август заметил это и направился к княгине, то ли по привычке ублажать всех, кого ждала опала, то ли из еще сохранившегося чувства к ней.

Велико было удивление тех, кто не знаком был с порядками двора, когда они увидели Августа, направляющегося к Тешен. Но графиня Рейс и госпожа Гюльхен, опытным взглядом следившие за королем, сразу оценили ситуацию.

– Тешен низвергнута! – тихо шепнула графиня своей соседке. – Король подошел к ней.

Старые придворные, видевшие, как король накануне заочения обнимал Бейхлинга, тоже понимали, что значит такая благосклонность. Август выказывал княгине Тешен подчеркнутое внимание и уважение.

– А знаете, – сказал король, разглядывая ее в черном платье и вуали, – несмотря на ваш наряд, вы сегодня так обольстительно хороши, что невольно вспоминается варшав-

ский турнир и наша первая встреча, когда вы от беспокойства обо мне лишились чувств.

– Но графиня Гойм! Что по сравнению с ней я, турниры, воспоминания, обмороки, – заметила княгиня с иронией.

– Пускай она прекрасна и даже распрекрасна, но есть вещи прекрасней красоты, я говорю о нежном сердце. Дорогая княгиня, не разыгрывайте комедии, поезжайте домой, наденьте голубое платье, оно вам так к лицу, и ждите меня к ужину.

Бледное лицо княгини вспыхнуло ярким румянцем.

– Мой король! Мой господин! – вскричала она, забываюсь. – Вы по-прежнему мой Август, да?

– Прошу тебя... верь мне, зачем мне обманывать? – убеждал ее король.

Август на этот раз и в самом деле не лгал, красота Анны Гойм произвела на него сильное впечатление, но в то же время вызвала какое-то беспокойство. Энергичная натура этой женщины проявлялась в каждом ее движении, взгляде, жесте. Август понимал, что быть с этой женщиной, значит, сложить часть своего могущества к ногам Омфалы.<sup>14</sup> Лицо Анны говорило: я должна властвовать; лицо Урсулы – я люблю тебя, государь, и умираю от тоски. Анна Гойм показалась ему слишком серьезной и грустной, а высоких слов с него и так хватало. Он поспешил утешить княгиню, ибо не хотел

---

<sup>14</sup> Омфала – в греческой мифологии лидийская царица, которой служил Гаракл.

расстаться с ней и попасть в руки женщины, не выказывавшей ни малейшего желания покорить его.

Анна Гойм была одета с большим вкусом и изяществом, на ней, правда, не было драгоценностей, но прическа, покрой платья, подбор цветов тонко оттеняли ее диковинную красоту. На портретах того времени у нее прелестный овал лица, небольшой носик, маленький рот, большие черные глаза, чрезвычайно выразительные нежные черты лица и густые черные волосы. Руки, грудь, вся фигура были под стать ее лицу, на котором бледность чередовались с ярким румянцем.

Выставленная на обозрение сотен глаз, Анна Гойм не растерялась. Вначале молчаливая и сосредоточенная, она быстро освоилась в обществе блестящих придворных. Княжеский двор, где она провела молодость, не мог сравниться роскошью с дрезденским, но обычаи и порядки были те же.

Княгиня Тешен торопилась выполнить приказание Августа; с торжествующим видом, бросив томный взгляд на короля, она вышла из зала. Не прошло и нескольких минут, как Август стоял уже возле стула графини Гойм. Он молча разглядывал ее. Анна, увидев короля, встала, он попросил ее сесть. Она повиновалась ему, но почтительность ее была сдержанной. При дворе Августа было заведено не мешать королю своим присутствием, если он желает поговорить с кем-нибудь наедине. Так было и на сей раз; все оставили короля, даже Гойм вынужден был отойти, его увел Вицтум, у которого именно сейчас оказалось к министру неотложное дело.

– Графиня, вы в первый раз при моем дворе, – любезно заговорил король, наклонившись к ней, – ваше появление – настоящий праздник. Я радуюсь новой звезде на моем небосклоне.

Анна гордо подняла голову.

– Ваше величество! В ночном мраке любой огонек кажется нередко звездой, но он быстро гаснет. Я ценю вашу благосклонность, но приписываю ваши слова любезности.

– Я лишь повторяю то, что говорят все, – возразил Август.

– Государь, – продолжала с улыбкой Анна, – первое впечатление часто бывает обманчиво. Новое увлекает, но действительно прекрасно только то, что после многих лет кажется все таким же, как в первый день.

Король понял, что его прелестная собеседница намекает на внимание, которое он оказал княгине Тешен, и замолчал:

– Вы слишком скромны, – промолвил Август немного погодя.

– О! Нет, ваше величество, – с живостью прервала его Анна. – Я не придаю особого значения красоте.

– Но красота лица свидетельствует и о красоте души, – заметил Август.

Анна опустила глаза. Король не отходил от нее.

– После долгого одиночества, которому подверг вас несносный Гойм, спрятав в глуши свое сокровище, двор наш, должно быть, поражает вас.

– Нисколько, – возразила Анна, – я провела молодость при

дворе, очень похожем на этот, хотя и не столь пышном. Ведь все дворы, ваше величество, по сути дела – одно и то же.

– Что же именно? – спросил Август.

– Отлично разыгранная комедия, – ответила Анна.

– А какую роль играю я в этой комедии?

Анна с иронической усмешкой взглянула на него.

– Быть может, директора труппы, которого все обманывают и обирают.

Август, несколько удивленный, ответил ей с полуусмешкой:

– Вы считаете, что все здесь одно притворство?

– А разве может быть иначе? – вздохнула Анна. – Правда до королей не доходит.

– Возможно, – промолвил Август, – и потому они ищут часто сердце и уста, которые дали бы им, жаждущим, хоть каплю этого нектара.

– И находят, – добавила Анна, – но уста эти иной раз умеют искусней других сочить яд.

– Вот теперь я вижу, – сказал король с учтивостью, – что жизнь большого двора вам не по душе. Меня это огорчает, я надеялся, что вы нас не покинете и сиянием ваших глаз осветите хоть немного небо наших мрачных дней.

– Ваше величество, – ответила с живостью Анна, – я была бы здесь диссонансом; петь, как другие, я не умею, да и голос у меня всегда один и тот же, а здесь это не годится.

Чтобы переменить разговор, Август стал весело подшу-

чивать над присутствовавшими. Анна убедилась, что Август несравненно лучше знал характер, наклонности и тайны жизни своих приближенных, чем она предполагала.

– Как видите, графиня, – заключил Август, – не так уж много тайн сокрыто от меня; придворная комедия, может, потому только забавляет меня, что этим людям кажется, будто они обманывают и дурачат меня, вертят мною, как хотят.

– Так боги смотрят на землю, – сказала Анна.

Последние слова, кажется, понравились королю. Произнося их, Анна впервые встретилась с ним взглядом, во взгляде Августа было недвусмысленное поклонение и восхищение. В глазах Анны не было ничего, кроме холодного любопытства и настороженности. На этом разговор окончился, и Август удалился медленным шагом. Все следили за ним издали, Фюрстенберг первый попался ему на пути.

– Ваше величество, осмелюсь спросить: она самая красивая и...

– Самая остроумная, – закончил король. – Надо сказать Гойму, чтобы он и не думал увозить жену из Дрездена. Необычайно мила, диковата немного, но это со временем пройдет.

Гойм наблюдал издали. Он пытался отгадать мысли Анны, которую тотчас окружили графиня Рейс, госпожа Гюльхен и графиня Вицтум.

Король, увидев подобострастие дам, пожал плечами.

– Они уже поклоняются восходящей звезде, – шепнул он

Фюрстенбергу, – опасаясь, как бы эти интриганки не ошиблись в расчетах.

Фюрстенберг посмотрел на Августа с недоумением.

– И ты ошибаешься, и они ошибаются, – спокойно произнес Август, наклонившись к уху князя. – Графиня Гойм прелестна, как сошедшая с пьедестала греческая статуя, я изучил ее с ног до головы, но слишком энергична и смела и уж очень властолюбива. Провести с ней несколько веселых дней я не прочь. Ничего другого не хочу. Красота ее привлекает меня, характер пугает.

Фюрстенберг опешил от удивления, а король направился дальше.

За все это время никто не обратил внимания на бледного молодого человека, который, стоя в дверях, возвышался над толпой. Глаза его с беспокойством следили за каждым шагом Анны, а когда король подходил к ней, вспыхивали зловещим огнем и грозно сверкали из-под ресниц. Анна несколько раз обводила глазами залу, но не заметила этого несчастного в окружавшей ее толпе. Только после того как король удалился, погруженная в думы, Анна свободней вздохнула, стала присматриваться к людям вокруг и увидела случайно Заклику.

Она узнала его. Взгляд ее задержался на бледном лице Раймунда, и сама она побледнела, растерявшись. Чтобы убедиться, что она не ошибается, она взглянула еще раз и увидела глаза, устремленные на нее. Сомнения не было, ее мол-

чаливый дыхатель из Лаубегаста был здесь. Лицо его, казалось, выражало сострадание, печаль и беспокойство.

Незнакомец не переставал тревожить Анну, она искала его глазами, мечтая втайне больше не увидеть его, но неподвижная голова, словно высеченная из камня, высилась над толпой все с тем же выражением сострадания и тревоги. Почему неприметное лицо какого-то бродяги занимало ее больше, чем красивое лицо короля, чем льстившие ей придворные, — на это она не сумела бы дать ответа. Анна чувствовала, что какими-то таинственными нитями судьба ее отныне неразрывно связана с этим человеком из другого мира. Был ли то палач, ждущий приговора, или жертва, ожидающая казни, Анна не знала, но какой-то внутренний голос, неотвязный, мучительный, говорил ей, что незнакомец этот будет вовлечен в орбиту ее судьбы. Как угроза, как призрак, преследовало ее это лицо, на котором то сверкали, то гасли глаза, пугая ее все больше и больше. Всякий раз, когда Анна видела устремленный на нее взгляд, по ее телу пробегала дрожь.

Графиня смеялась над собой, а душа ее отзывалась стоном. Она была под впечатлением этих мыслей, когда Гойм желтый, с кислым лицом, предложил ей руку, чтобы ехать домой. Судьбе было угодно, чтобы они направились к тем дверям, где стоял, возвышаясь над толпой, назойливый призрак. Люди расступились перед ними. Перейдя порог, Анна с беспокойством увидела совсем рядом прильнувшего к стене

незнакомца из Лаубегаста. Она едва не задела юношу, взглянув на него украдкой, а тот, встретившись с ней взглядом, опустил как бы ненароком на колено, схватил край ее платья и поднес к губам. Когда она обернулась, его уже не было.

К ней подошла графиня Рейс и стала так настойчиво приглашать к себе на ужин, что министр не мог отказать.

С бала они вместе с Фюрстенбергом поехали прямо к графине, где обычно собирался узкий круг наизнатнейших людей. Царила в нем знаменитая Эгерия Гюльхен, зрелых лет дама, к которой король часто обращался за советами; здесь бывали те, кто жаждал власти или хотел сохранить ее. Король Август посмеивался над этой кликой, но она скрытно повелевала им и двором.

Графиня Рейс, урожденная Фризен, была одной из влиятельнейших особ при дворе Августа II. В ее доме обсуждалось обычно, кто из фаворитов государя будет низложен, а кто возвышен; здесь предсказывали, кому из красавиц отдаст предпочтение король, и точно угадывали, когда легкомысленный Август обратит свои взоры в другую сторону.

Гойму было хорошо известно, что графиня Рейс, предчувствуя появление новой фаворитки, всегда старается заблаговременно снискать ее расположение и доверие. Его крайне встревожило явное подбострастие графини, указывающее на то, что в Анне видит она преемницу княгини Тешен, но выказать свое негодование и то, что игру эту он понимает, Гойм не мог, да и не хотел. Графиня Рейс благодаря Гюльхен

и собственным связям пользовалась большим влиянием при дворе, восстановить ее против себя – значило нажать опасного врага. Гойм, притворившись, будто ничего не видит и ни о чем не догадывается, отправился к графине на ужин.

В гостиной былолюдно и оживленно, но рядом, в кабинете, куда время от времени заглядывали хозяйка дома, ее ближайшая приятельница, Фюрстенберг и другие верные люди, говорили вполголоса о делах. В гостиной болтали о нарядах, делились сплетнями, которые ни для кого не были тайной. Все сходились на том, что нежность, выказываемая Августом княгине Тешен, предвещает скорый разрыв. Но королю по многим причинам приходилось считаться с княгиней. Известны были ее связи с Собескими, родство с Радзеевским и влияние, которым она пользовалась в Польше, – Август не мог сейчас этим пренебречь.

В кабинете графиня Рейс расспрашивала своего друга Фюрстенберга о разговоре с королем и о впечатлении, произведенном Анной Гойм.

– Я хорошо знаю, как наш повелитель относится к женщинам, – начал Фюрстенберг, – Анна Гойм держалась надменно и строго и этим немного отпугнула его, но к красоте ее он не остался равнодушен, а чувство у короля рано или поздно одержит верх над рассудком. Чем больше он боится ее, тем жарче будет желать, а уж он, если чего захочет, так добьется непременно. Анна Гойм, мне кажется, не расположена играть роль легко доступной любовницы, она женщина

сильная, и король, без сомнения, подчинится ей.

– Ты полагаешь, что ее царствование наступит?

– Я хорошо знаю короля и думаю, что она победит. Сейчас король не прочь бы удовлетворить свою прихоть, не вступая в прочную связь, и от графини зависит, как поведи дело.

– А каков, по-твоему, князь, ее характер?

– Можно лишь догадываться, – сказал Фюрстенберг, – думаю, что ни муж, ни родные, ни даже она сама не знают, какой она станет, когда обстоятельства вознесут ее. Сейчас она женщина гордая, благородная, с энергичным характером, живым умом и незаурядными способностями.

– Но можно ли будет направлять ее?

Князь задумался.

– Я, во всяком случае, предпочитаю иметь дело с умными людьми, чем с такими, что сами не ведают, что творят. Поступки человека умного можно предвидеть, а глупцов, которые мчатся, не разбирая дороги, не так-то легко раскусить.

Они постояли молча. Графиня дала Фюрстенбергу знак, чтобы он оставил ее, потом прошла в раздумье по кабинету и тоже вернулась в гостиную. Там она вскоре очутилась возле Анны, увела ее в кабинет и усадила рядом с собой.

– Дорогая графиня! – начала она серьезно, положив руку Анне на колени. – Если у тебя хватит терпения и снисходительности к старой приятельнице, послушай меня и разреши говорить со всей откровенностью. Здесь нас никто не слышит, мы здесь одни, я хочу дать тебе совет, быть может,

он пригодится. Ты достаточно хорошо знаешь двор, и наше время, и самое себя, чтобы понять, что тебя не зря вызвали в Дрезден. Королю надоела Тешен, но характер у него таков, что он не может жить без любви, мир прощает ему эту его слабость, будем же и мы снисходительны к столь великому и доброму государю, – тут уж ничего не поделаешь. Нам, его приближенным, остается одно: даже из слабостей его извлечь как можно больше добра и пользы для подданных. Ты, без сомнения, можешь занять очень высокое положение при короле, но здесь важно не медлить и действовать с умом.

– Дорогая графиня, – возразила Анна, – я не честолюбива, к богатству не стремлюсь, у меня есть муж, и я хочу остаться честной женщиной.

– Возразить против этого трудно, – сказала, улыбнувшись, графиня Рейс, – но позволь все же заметить, – я не понимаю, во имя чего ты обрекаешь себя на мученичество? Гойм – человек неприятный; он развратник, неверный муж, любить его невозможно, рано или поздно сердце твое заговорит.

– Я заглушу голос сердца.

– Возможно. Но тоска и скука одолеют тебя, с отчаяния ты бросишься в объятия первого встречного и не найдешь счастья. Я знаю свет, это участь многих. Король же обаятелен и мил, жизнь с ним может быть раем.

– Но король легкомысленный и неверный, а мимолетных связей я не признаю, они мне отвратительны!

– Уверяю тебя, дорогая Анна, – возразила графиня Рейс, –

от женщины зависит, станет ли такая связь прочной. Никакими узами закона короля не свяжешь, их расторгнет совесть или первый встречный священник. Только разум твой, такт и обаяние могут быть залогом верности короля. Мужа или любовника надо уметь привязать к себе.

Анна Гойм пожала плечами.

– Жалка та любовь, которую нужно держать в узде, – воскликнула она, – я такой любви не хочу. Откровенность за откровенность, дорогая графиня, – продолжала Анна, понизив голос. – Меня ничто не может тронуть, только сердце. Да, я хотела бы остаться верной Гойму, но не ручаюсь за себя. Мое сердце можно завоевать только любовью; если я полюблю, то открыто брошу Гойма и уйду к любимому, однако тот, кто полюбит меня, должен стать моим мужем.

– Ведь это король! Король!

– Хотя бы и король! – воскликнула Анна.

– Но ты же знаешь, что король женат, хотя они с королевой и не живут вместе.

– Ему пришлось бы расторгнуть брак с королевой и присягнуть мне в верности, – сказала Анна. – Ролью Эстерле, Кенигсмарк, Тешен я не удовлетворюсь.

Анна встала и величественным шагом прошлась по комнате, больше говорить было не о чем.

– Поступай, как тебе будет угодно, – закончила Рейс, – я обязана была предупредить тебя и дать дельный совет; что ж, останемся добрыми друзьями и не будем больше говорить

об этом, но знай: положение, которым ты пренебрегаешь и о котором говоришь с таким равнодушием, не столь унижительно, как ты думаешь. Короли будут поклоняться тебе, ты сможешь управлять страной и предотвращать зло, сможешь спасти людей и дарить им счастье. Это чего-нибудь да стоит.

– Честь мне дороже всего, – заявила Анна, – не будем больше говорить об этом.

Графиня молча пожала ей руку, и они, не произнеся ни слова, вернулись в гостиную. Дамы, сидевшие там, пристально вглядывались в них, пытаясь отгадать что-нибудь по их лицам. На лице Анны играл румянец, а графиня Рейс была бледна, но обе приветливо улыбались, словно гроза миновала, оставив после себя ясную, без единого облачка погоду.

Под окнами замелькал свет факелов, освещавших по вечерам путь королевским экипажам, Фюрстенберг выглянул в окно: это и в самом деле был скучающий Август, он ехал к Тешен и в тусклом свете казался таким печальным, словно был приговорен к тяжелому наказанию. Увидев в окне, или, вернее, догадавшись, что там Фюрстенберг, Август безнадежно махнул ему рукой, и экипажи исчезли за поворотом.

## 6

У Адольфа Магнуса Гойма, занимавшего в то время место, соответствующее нынешнему посту министра финан-

сов, не было друзей ни при дворе, ни вообще в стране. Ненавидели его главным образом за то, что он ввел вслед за другими обременительными налогами акцизный сбор. Саксонцы противились как могли и умели, их неповиновение вызывало у короля, которому постоянно не хватало денег на непредвиденные расходы, плохо скрываемый гнев. Ему посоветовали лишить непокорное дворянство остатков его привилегий и окружить себя чужестранцами, не имевшими никаких связей ни с дворянством, ни со страной.

Август принял этот совет, среди его министров и фаворитов было много иностранцев. Итальянцы, французы, немцы из соседних государств играли при дворе первенствующую роль. Гойм – человек бесстрастный, невозмутимый, на редкость изобретательный в изыскании доходов для короля, тратившего миллионы на Польшу, на содержание войска, празднества и фавориток, был благодаря своей удивительной способности выколачивать деньги в большом фаворе. Но Гойм не обольщался этим, пример Бейхлинга и многих других заставлял его всегда быть начеку, он ждал часа, когда сможет, нагрузив как следует карманы, унести подобру-поздорову из Саксонии свою голову, а вместе с ней и состояние. Гойма никто близко не знал, но известно было, что человек он вспыльчивый, изворотливый, корыстолюбивый, распутный, неспособный на искреннюю привязанность. Лучше всех его знала, по-видимому, графиня Вицтум, его сестра, она умело, без всякого нажима руководила и управляла им

и заставляла делать то, что считала нужным.

Кроме Бейхлинга, упрятого в Кенигштейн, у Гойма не было друзей, разве что временные союзники. Гофмаршал Пфлюг и многие придворные терпеть его не могли; с Фюрстенбергом у него тоже были плохие отношения. Когда, после заключения пари, Гойму приказано было вызвать жену и представить ее ко двору, никто не пожалел его, никто не посочувствовал, над ним только подтрунивали и издевались.

На другой день после бала Гойм отправился с докладом к королю. Акцизному сбору противились в провинциях. Особенно шумно выражали свое возмущение в Лужицах. Король протестов не терпел. Выслушав рапорт министра, Август Сильный, нахмутив брови, приказал ему:

– Отправляйся сегодня же, сейчас... Строптивых вели разогнать, выведай, кто зачинщик, и моим именем водвори порядок. Поезжай сейчас же, без промедления.

Гойм возразил было королю, что его личное присутствие в Лужицах не обязательно и даже бесполезно, что он пошлет кого-нибудь другого, а сам останется в Дрездене, где его ждут дела поважнее.

– Нет ничего более важного, как сломить упорство этих спесивцев, пусть не рассчитывают на уступки с моей стороны. Поезжай сейчас же, возьми с собой драгун, и чтоб никаких сеймиков не смели там устраивать. Скажи им, чтобы не вздумали брать пример с польской шляхты, я этого у своих подданных не потерплю, мы и в Польше скоро собьем спесь

со шляхты.

Гойм попытался объяснить что-то, но король, не слушая его, повторял:

– Поезжай сейчас же, немедленно. – Он посмотрел на часы. – Через два часа ты должен быть на пути к Будишину. Такова моя воля.

Говорить с королем можно было только на пьяных пирушках. Кто не боялся быть задушенным в королевских объятиях, тот обнимался и целовался с ним под одобрительные возгласы присутствующих, а король хохотал при этом. Но когда Август был трезв, его воля, его слово были законом.

Приказ отправляться в Лужицы на другой день после бала показался Гойму весьма подозрительным. Зная короля, двор и его нравы, он не сомневался, что его отсылают с умыслом, чтобы он не мешал интригам и королю легче было сблизиться с его женой. Но что он мог сделать? Ничего. Поручить присмотр за Анной сестре означало бы дать пьянице ключ от винного погреба, друга у него не было, он был беззащитен. Гойм чувствовал, что все в сговоре против него. Придя домой, министр бросил бумаги на стол и принялся в ярости рвать на себе парик, дергать рукава, потом распахнул с шумом дверь и побежал как безумный в апартаменты жены.

Анна была одна. Гойм с любопытством окинул взглядом комнату. Бледное лицо его исказилось от злости. Анна не обращала на него внимания, она привыкла к подобным сценам.

– Можете радоваться, – вскричал Гойм, – я был так глуп,

что вызвал вас сюда, и теперь со мной делают все что хотят. Я мешаю их интригам, король отсылает меня прочь, через час я должен ехать. Вы остаетесь одна.

– Ну и что ж, – ответила пренебрежительно Анна, – неужто вы думаете, что я нуждаюсь в вашей опеке, чтобы сберечь свою честь?

– Мне, однако ж, казалось, что я могу быть полезным, хотя бы чтоб умерить их наглость и бесстыдство, – крикнул Гойм, стукнув кулаком по столу. – Я им мешаю, вот они и хотят от меня избавиться. Вижу руку дорогого Фюрстенберга, он вручил мне сегодня, издевательски посмеиваясь, тысячу дукатов, а я-то знаю, что от короля он получил десять тысяч за блестящую мысль привезти вас сюда, моя милая.

– Гойм, – крикнула, вскакивая, Анна. Глаза ее сверкали. – Довольно оскорблений, идите, уезжайте, делайте что хотите, но меня оставьте, пожалуйста, в покое. Я сама сумею отстоять себя. Довольно, говорю вам, довольно!

Гойм замолчал, лицо его помрачнело, часы напомнили, что время отъезда близится.

– Мне незачем предостерегать вас, – сказал он напоследок, – вам и так известно, что может ожидать вас здесь, скажу только, что бесчестия я не потерплю. Вольно зятю моему Вицтуму и другим потворствовать подобным вещам, мне благодушие несвойственно.

– О, никогда не паду я столь низко, – прервала его Анна. – Изменять вам я не намерена, это бы унизило меня, но если

вы жизнь мою сделаете несносной, я порву с вами открыто и навсегда.

Гойм ничего не ответил. Он постоял в нерешительности на пороге, теребя свой парик, хотел что-то сказать, но тут в дверь постучались, пришел королевский посланец – пора было ехать.

Из замка следили за Гоймом, пока он не переехал мост, а чтоб не вздумал тайком вернуться, послали вослед соглядатая. План был такой: графиня Рейс пригласит Анну к себе, король появится там неожиданно, да к тому же инкогнито. Тайная эта миссия возложена была на графиню Вицтум. Но Анна наотрез отказалась ехать. Тщетно уверяла ее графиня, что об этом никто знать не будет. Анна, догадавшись, что ей устраивают встречу с королем, тут же высказала это сестре мужа.

– Ты слишком догадлива и осмотрительна, – рассмеялась графиня Вицтум, – обмануть тебя трудно; что ж, возможно, король, сгорающий от желания познакомиться с тобой поближе и знающий о каждом твоём шаге, появится у графини Рейс. Ну, а если он, чтобы удовлетворить свое любопытство, приедет к тебе прямо сюда? Что тогда? Перед королем дверь не закроешь, все двери раскрыты перед ним. Разве пристойней будет и лучше, если он проведет несколько часов наедине с тобой? Что скажут люди?

Анна побледнела.

– Король не может быть таким... – она не сразу подобрала

слова, – таким назойливым, король не посрамит моего доброго имени. Этого быть не может! Это было бы...

– А я говорю тебе, что все может быть, король скучает, он любопытен и не признает ни упорства, ни отказа. Женщины своей податливостью превратили его в деспота. Король придет сюда, если тебя не будет у графини Рейс.

– Откуда ты знаешь? – спросила Анна. – Откуда?

– Я ничего не знаю, но я знаю моего государя, – странно как-то усмехаясь, прошептала невестка, – и помню один вечер в моей жизни.

Она вздохнула.

Анна хрустнула пальцами.

– Вот как! Здесь, как от разбойников на большой дороге, надо всегда иметь при себе оружие. Что ж, придется раздобыть кинжал и пистолет, ни железа, ни пороха я не боюсь.

Графиня Вицтум старалась успокоить возмущенную Анну и обратить все страхи в шутку.

– Знай же, – сказала она, – что Август ни разу в жизни насилием над женщиной себя не запятнал. Это не в его характере. Он так обходителен, любезен, так хорош собой и обаятелен, что ему не приходилось прибегать к подобным средствам.

После долгих уговоров сестра Гойма добилась согласия Анны поехать вечером к графине Рейс. Гордясь своей победой, она отправилась домой, а потом к приятельнице, чтоб сообщить ей радостную весть. Фюрстенберг помчался с этой

вестью во дворец.

Король предупредил, что поедет ненадолго к княгине Тешен, а на обратном пути отошлет экипаж с людьми во дворец, а сам на носилках, о которых должен позаботиться Фюрстенберг, прикажет отнести себя *incognito* к графине Рейс.

Прежде чем продолжать эту до мельчайших подробностей правдивую историю, мы должны дать читателю верный портрет нашей героини графини Анны Гойм.

Анна была круглой сиротой, одна-одинешенька на свете, замуж вышла по принуждению, во всяком случае, не по своему выбору. Жизнь с мужем вскоре стала невыносимой, страдания были ее уделом в первую пору молодости. Всякая другая на ее месте обрадовалась бы представившейся возможности обрести свободу, блестящее положение, быть может, и непрочное, но обеспечивающее впоследствии богатую и независимую жизнь или даже новый брак, который заставит забыть минутное заблуждение, но Анна была воспитана в строгих правилах, ее возмущало легкомыслие женщин, уступавших мимолетному увлечению государя. Анна не прочь была разойтись с мужем – ибо питала к нему лишь отвращение и ненависть, – но только в том случае, если они с Августом полюбят друг друга и союз их скреплен будет браком.

Вздумай Анна поделиться с кем-нибудь своими мыслями, ее подняли бы на смех. Навечно связать узами такого непостоянного человека, как Август, казалось всем чистым безумием. Анна же, памятуя об отношениях короля с королевой,

считала это вполне возможным.

Август был красив, галантен, не удивительно, что после Гойма он произвел впечатление на Анну, блеск короны и величие делали его еще неотразимей, и Анна почувствовала к нему симпатию, сердце ее забилось. Она поверила в счастливый, но обязательно скрепленный клятвой брак с ним.

Оплетенная после бала сетью интриг, целью которых было сблизить ее с Августом, Анна думала, размышляла, взвешивала и, наконец, решила: «Лишь как жена могу я принадлежать ему». Упорство ее было продиктовано скорее рассудком, чем сердцем. Она набивала себе цену, твердо решив – пусть лучше рухнут ее планы, чем она станет игрушкой в руках интриганов.

Анна чувствовала свою силу, зеркало говорило о пленительной красоте ее молодости, по глазам короля она видела, какое произвела на него впечатление. И Анна решили добиться своего.

– Я ни за что так низко не паду! – говорила она сама себе. – Лучше остаться несчастной женой Гойма, чем сделаться возлюбленной Августа: или я буду его женой, или все будет по-прежнему.

В глубине души она уже примирилась с судьбой, речь шла только об условиях. Но никто вокруг не догадывался, что Анна уже готова порвать с мужем, все считали, что это дело будущего.

Молодая женщина предалась мечтам, а мечты в одиноче-

стве опасные советчики. К стыду своему, Анна вынуждена была признать, что даже столь короткое пребывание при дворе оказало на нее пагубное влияние. Высокомерие и жажда власти пробуждались в ней и опутывали мало-помалу ее душу.

Когда наступил вечер, и пришла пора отправляться на ужин к графине Рейс, Анна с особой тщательностью обдумала свой туалет, оделась просто, но с большим вкусом и изяществом. Тогдашняя мода позволяла обнажить до плеч чудесной красоты руки, прелестный изгиб шеи, будто из мрамора высеченную грудь. Кожа ее не нуждалась ни в белилах, ни в румянах, она была свежа, как весна, щеки ее то вспыхивали пурпуром, то ослепляли белизной. Иссиня-черные, красиво уложенные косы еще больше оттеняли великолепный цвет лица, прозрачного и нежного, как атлас. Но все это было ничто по сравнению с глазами, полными огня и чарующей прелести. Эти обольстительные глаза могли довести человека до безумия. В них была какая-то необъяснимая, загадочная прелесть, тревожащая, как губительный взгляд сказочного василиска.

Посмотревшись в зеркало, Анна удовлетворенно улыбнулась. Она была вся в черном, только отделка из пунцовых лент оживляла ее причудливый и необычный наряд. Золовка, заехавшая за ней, еще с порога вскрикнула от восхищения: Анна так прекрасна, так прекрасна, что она не удивится, если корона будет брошена к ее ногам.

– Ты намерена предстать перед королем в таком обворожительном наряде? И при этом еще смеешь утверждать, что предпочитаешь прозябать с моим братом в глуши?

– Что ж тут такого, – холодно ответила Анна, – какая женщина захочет казаться хуже, чем она есть?

– Однако ты большая искусница и в советах, как одеться, не нуждаешься. Ну, что ж, едем!

Гул восхищения приветствовал появление Анны у графини Рейс. Красота ее, ошеломившая всех на балу, сейчас была еще более ослепительной. Дамы, мнившие себя красавицами, почувствовали себя рядом с ней старыми и поблекшими. Ей было двадцать четыре года, но выглядела она на восемнадцать. Это была античная Диана с ее девичьей гордостью и суровостью лесного божества, избегавшего людских глаз.

Графиня Рейс была в восторге, – все как нельзя лучше отвечало ее планам. Анну тотчас окружили, чувствуя уже как королеву и стараясь снискать ее благосклонность. Фюрстенберг, опередивший короля на несколько минут, остолбенел, увидев Анну Гойм.

– Я знаю короля, – сказал он, – эта женщина сделает с ним все что захочет, если и дальше будет упорствовать.

Анной руководил врожденный инстинкт, в советах она не нуждалась.

Немного погодя дверь кабинета бесшумно растворилась и вошел король. Еще с порога он искал глазами ту, ради которой пришел, а, увидев, покраснел, побледнел, растерялся

и, позабыв о хозяйке дома, бросился к Анне, чтоб поздороваться с ней. На челе его не осталось и следа озабоченности, вызванной поражениями, неблагодарностью поляков, миллионными потерями, изменами и разочарованиями.

Анна ответила на приветствие издали чопорно и холодно, но наряд ее говорил сам за себя. Она хотела понравиться, это было ясно и вселяло надежду. Несмотря на впечатление, произведенное Анной, король, чтоб не нарушить ритуал учтивости по отношению к прекрасному полу, подсел к графине Рейс, которую не любил, и сказал ей несколько любезных слов, не спуская, однако, взгляда с Анны. Потом пошептался в сторонке с госпожой Гюльхен, улыбнулся графине Вицтум, учтиво приветствовал остальных, одарив всех без исключения милостивым взглядом. Во время этой церемонии у графини Вицтум было достаточно времени, чтобы взять невестку под руку и увести в кабинет под предлогом какого-то спешного и важного разговора. Это был стратегический маневр, чтобы обеспечить королю приятный *tete-a-tete*.<sup>15</sup> Как только король показался на пороге и завел с Анной разговор, графиня Вицтум незаметно отошла и вскоре ретировалась совсем. Дверь осталась, правда, растворенной, и приподнятая портьера позволяла находившимся в гостиной лицезреть особу государя, но никто не мог слышать, о чем они с Анной говорили. Август был сильно возбужден и, казалось, позабыл уже свои вчерашние опасения.

---

<sup>15</sup> С глазу на глаз (*франц.*).

– Вы сегодня еще прекрасней и совсем не такая, как вчера. Да вы просто волшебница! – воскликнул король, не в состоянии сдержаться.

Анна Гойм поклонилась.

– Ваше величество, вы славитесь своей любезностью и вниманием к прекрасному полу, поэтому самым лестным вашим словам трудно поверить, – сказала Анна.

– Вы требуете от меня клятвы? Я готов поклясться всеми богами Олимпа. В жизни не видел женщины красивей, и поражен жестокостью судьбы, отдавшей такого ангела в руки моему несносному акцизному.

Анна невольно рассмеялась, и впервые из-под розовых губ показался ряд белых, как жемчуг, зубов. Улыбка эта сделала ее еще обольстительнее. Две крохотные ямочки, словно выцелованные, показались на розовых щеках и исчезли. Лицо, едва покрывшись кармином, стало постепенно бледнеть, а потом засияло, как бы освещенное внутренним огнем.

Король взглянул на ее руки, – он безумно любил целовать красивые руки, – и едва удержался, чтобы не прильнуть к ним губами. Это было чудо красоты. У короля начинала кружиться голова.

– Если бы я был тираном, – воскликнул он, – то не разрешил бы Гойму вернуться сюда, я ревную вас к этому Вулкану.

– Вулкан тоже ревнив, – возразила Анна.

– А разве Венера может любить его?

Она молчала, король долго ждал ответа.

– Кроме любви, есть еще и другие узы, связывающие, быть может, сильнее, чем любовь, – узы долга и клятвы.

Король улыбнулся.

– Клятвы в любви?

– Нет, государь, в супружеской верности.

– Но есть браки святотатственные, – сказал Август, – и к ним я отношу такие, когда красота сочетается с чудовищным уродством. Боги в таких случаях прощают нарушение клятвы.

– Но гордость не позволяет преступить ее.

– Вы очень строги, сударыня.

– Даже больше, чем вы думаете, ваше величество.

– Вы пугаете меня, графиня!

– Вас, ваше величество? – улыбнулась она. – Но как это может вас касаться, что вам до моей строгости?

– Касается даже больше, чем вам кажется, – ответил в тон ей Август.

– Не понимаю, – прошептала Анна.

– Как? Неужели вы не видите, что покорили меня вчера с первого взгляда?

– Успех мой, – ответила Анна, – недолговечен, он до первой зари. Вы, ваше величество, и в этом подобны богам. Легко влюбляетесь и легко забываете...

– Нет, – с жаром воскликнул Август, – верьте мне, сударыня, это клевета. Разве я виноват, что не встретил ни разу

в жизни женщину, чье сердце, ум, красота сумели бы привязать меня к себе навеки. Не я изменяю, а мне изменяют. С каждым днем с моих богинь спадает завеса, очарование тускнеет, чудо становится обыденным, ангел теряет крылья, а любовь сменяют кокетство и холод. Разве я в этом виноват? Поверьте мне, – продолжал Август, все более увлекаясь, – я ищу ту, кому мог бы принадлежать всю жизнь, кому мог бы остаться верным навеки, найди я такое сердце, такую женщину, я не расстался бы с ней никогда.

– Трудно поверить, – прошептала Анна, – еще трудней представить себе совершенство, которое было бы достойно любви вашего королевского величества.

– Верьте мне, сударыня, – прервал ее Август, – такое совершенство сейчас у меня перед глазами.

– Наступит белый день, и я, увы, покажусь вам другой, да и благосклонность ваша не может вскружить мою бедную голову, я считаю себя недостойной ее.

– Вы восхитительны! – воскликнул Август, беря ее за руку.

Анна хотела вырвать руку, но этикет не позволял этого: король так долго ласкал и целовал ее белую ручку, что, в конце концов, сохраняя должную почтительность к его королевскому величеству, Анна, сгорая от стыда, как бы кто в гостиную не заметил этой вольности, осторожно выдернула ее.

Август встал взволнованный.

– Я не в силах отойти от вас, – сказал он, – придется, видно, на помощь моей любви, которая, как я вижу, оставила вас равнодушной, призвать свою королевскую власть. Не вздумайте уезжать из города, я арестую вас. Что касается Гойма, то лишь ваше вмешательство может смягчить его участь. Сейчас мне хотелось бы... – Он не кончил. Анна и не думала вступаться за Гойма.

Беседа продолжалась бы еще долго – так Август был увлечен ею, если бы графиня Рейс, поторопившаяся почему-то с ужином, не вошла пригласить короля к столу. Тот подал руку Анне. Это был, собственно, не ужин, а легкая трапеза, состоявшая на итальянский манер из сластей, фруктов и вина. Король первую рюмку поднял за здоровье жены министра. Фюрстенберг усиленно наблюдал за ним.

– Тешен погибла, – прошептал он на ухо графине Вицтум.

– Мой брат тоже, – шепнула ему в ответ эта достойная дама, – если только хватит у моей невестки ума...

– Боюсь, ума у нее даже с избытком, – сказал Фюрстенберг, – взгляните, как она холодна, как владеет собой. Королю, несмотря на все старания, не удалось, по-моему, даже слегка вскружить ей голову, а сам он уже без ума от нее.

Во время трапезы разрешалось вставать, не дожидаясь конца ее, и все понемногу разбрелись кто куда. Август же пытался разговорами задержать Анну. Она была веселой, непринужденной, и Фюрстенберг и король видели, что она вполне владеет собой, что блистательный успех не опья-

нил ее. Первый раз в жизни Август встретил женщину, не уступившую сразу его домоганиям, и не стремившуюся, казалось, извлечь из них выгоду. Это задело его самолюбие. Хладнокровие и ледяное спокойствие Анны начинали злить короля, но в то же время разжигали страсть. Вначале король предполагал завязать с Анной короткую интрижку, которая не вытеснила бы из его сердца княгини Тешен, сейчас он понял, что эта красивая женщина доставит ему гораздо больше хлопот, чем он предполагал.

Анна смеялась, шутила, была очень весела; она, как видно, всячески старалась поймать короля в свои сети, но сама делалась все холодней, смелей и неприступней. Если королю всегда удавалось быстро и успешно подвигаться к цели, то сейчас, и он сознавал это, цель отдалялась от него.

В конце беседы, когда король, не скрывая страсти, настойчиво стал молить прекрасную даму отвести ему уголок в ее сердце, Анна, совсем уже освоившись, ответила ему прямо, без уверток:

– Ваше величество, прошу прощения, но вы вынуждаете меня к неприятному признанию. Я одна из тех несчастных женщин, для которых гордость превыше всего. Если вы думаете, что, опьяненная вашим очарованием, силу которого признаю, я пренебрегу своим достоинством, поддамся минутному заблуждению и забуду о том, что ждет меня впереди, вы ошибаетесь, ваше величество. Анна Гойм не будет ничьей возлюбленной, даже короля. Сердце свое я отдам без-

раздельно, навеки, или вовсе не отдам.

Анна встала из-за стола и быстро направилась в гостиную.

Король с Фюрстенбергом постарались тут же незаметно ускользнуть, но графиня Рейс выбежала за ними на лестницу. Лицо Августа не выражало ни радости, ни надежды, он был мрачен и печален. Графиня догадалась, что разговор с Анной не привел ни к чему, и сделала вид, будто сочувствует Августу. На самом же деле она на Анну ничуть не гневалась; чем больше усилий придется приложить королю, чтобы добиться успеха, тем прочней будет их союз. Кратковременная любовная интрижка, которая не вытеснила бы из сердца короля княгиню Тешен, ее не устраивала; она надеялась с помощью Анны усилить свое влияние при дворе.

– Дорогая графиня, – шепнул король, уходя, – постарайтесь смягчить эту статую. Она прекрасна, как Венера, не отрицаю, но и сердце у нее из мрамора.

Графиня Рейс не успела ответить, король уже спускался по лестнице.

– Она восхитительна, – сказал Август своему наперснику Фюрстенбергу, – но в то же время и отталкивает, – холодна, как лед.

– Ваше величество, нужно время... У женщин бывает разный характер и разный темперамент, не всякая сдается сразу.

– Сдается! Она прямо заявила, что не признает любви без брачных уз.

– Но ведь всякая любовь начинается с клятвы верности до гроба...

– С ней это не так-то просто, – добавил Август, – Тешен была куда сговорчивей...

– Ваше величество, какое может быть сравнение...

– Да! Это так... Тешен с ней равнять нельзя. Пошлите Гойму приказ, чтобы он не смел возвращаться.

– Что же он там будет делать? – засмеялся князь.

– Пусть делает что хочет, пусть ссорится с дворянами, пусть соблазняет их жен, – прервал его король, – но главное – пусть соберет как можно больше денег, я чувствую, моя новая любовь дорого обойдется мне. Такой бриллиант должен быть оправлен в золото...

– Как, ваше величество, уже любовь?

– Безумная! Фюрстберг, делай что хочешь, Анна должна быть моей.

– А Урсула?

– Женись на ней.

– Благодарю.

– Жени на ней кого хочешь... Сделай все, что тебе вздумается. С этим покончено.

– Уже? – спросил князь с плохо скрываемой радостью.

– Порываю... порву... Гойма озолочу... тебя... ее...

– Но откуда мы возьмем столько золота?

– Об этом пусть думает Гойм, – ответил король, – напиши ему, пусть сам займется акцизным сбором, пусть следит,

придумывает, ездит, берет, только бы не возвращался...

— До тех пор, пока ему уже незачем будет возвращаться, — прошептал князь.

Король вздохнул, они вошли в замок, и Август тут же направился в свою опочивальню, грустный, погруженный в раздумье. Последняя кампания не так огорчила его, как сегодняшняя неудача.

## 7

Так началось еще одно, самое долгое женское царствование при дворе Августа II.

Весь двор, весь город с лихорадочным любопытством следили, как развиваются события. Однако развязка, предвидеть которую было нетрудно, все затягивалась. Гойма через курьеров по-прежнему задерживали в провинции, не разрешая вернуться домой.

Графиня Рейс, графиня Вицтум и Фюрстенберг под благовидными предложениями устраивали королю свидания с престольной Анной, всячески способствуя их сближению; Анна с каждым днем становилась все смелее и благосклоннее, но Август с вечера у графини Рейс не подвинулся ни на шаг к цели, Анна Гойм стояла на своем, не шла ни на какие уступки, и ее выдержка, хладнокровие, умение владеть собой начинали уже всех беспокоить. Опасались, как бы король не передумал, не отступился от нее, как бы кто не воспользо-

вался проволочкой, чтобы уговорить Августа остановить выбор на ком-нибудь другом. Графиня Гойм, сколько бы ее ни спрашивали, отвечала все с тем же невозмутимым спокойствием, что она может стать лишь женой короля, но не возлюбленной. Она требовала если не женитьбы, ибо на пути стояла королева Кристина Эбергардина, то торжественной клятвы сочетаться с ней браком, если король овдовеет. Условие было странное, необычное. В другие времена, при другом дворе люди не столь легкомысленные отнеслись бы к нему, как к дикой блажи, но Август, когда Фюрстенберг доложил ему об этом условии, не вымолвил ни слова.

– Признаюсь, – сказал он немного погодя, – это затянувшееся ухаживание мне порядком надоело, надо покончить с ним раз и навсегда.

– Порвать? – спросил князь.

– Посмотрим, – коротко ответил Август.

Больше ничего даже самый близкий его наперсник не мог у него выведать.

В тот же день Август приказал принести из казны сто тысяч талеров золотом. Мешок был тяжеленный, его с трудом притащили двое сильных крепких мужчин. Когда мешок опустили на пол, король ухватил его за оба конца и поднял без всякого усилия. Это была проба. При этом король был так мрачен, что даже Фюрстенберг не решился спросить у него, для чего ему понадобились такие сокровища. Накануне Август виделся с Анной в Бажантарни, куда приятельни-

цы повезли ее на прогулку. Он долго гулял с ней, беседовал, был чрезвычайно нежен, но Анна оставалась все такой же холодной, и уехал он оттуда, как уверяла графиня Вицтум, в небывалом, хотя и затаенном гневе.

Всем было ясно, что развязка близится. Король молчал. И почти ежедневно ездил к княгине Тешен. Она обливалась слезами, выслушивая донесения об Анне Гойм, и осушала глаза, увидев Августа. В такой неопределенности протекло несколько недель. Придворным они показались бесконечными, непонятно было, кому кланяться и воздавать почести, кому нести сплетни. Гойму вдруг не только разрешили, но повелели вернуться, ибо отсутствие его сказалось на казне, – в умении наполнять ее он не знал себе равных.

Вечером того дня, когда ждали возвращения министра, король со ста тысячами талеров в карете велел везти себя во дворец Гойма.

Надвигались сумерки, день стоял осенний, пасмурный. Графиня Гойм была дома одна, она ходила, задумавшись, по небольшой, незатейливо обставленной гостиной. У себя в доме Анна принимала только женщин, и потому очень удивилась, заслышав на лестнице мужские голоса. Каково же было ее изумление, когда дверь без всякого доклада растворилась, и в гостиную вошел король. Дверь сразу закрылась за ним. Испуганная его появлением, не предвещавшим ничего хорошего, Анна невольно отступила. На столике лежал заряженный пистолет – неразлучный спутник ее с первых

дней пребывания в Дрездене, хотя все, кто видел его, смеялись над этим. Когда король вошел, Анна схватила пистолет и спрятала его под накидку. Она проделала это ловко и быстро, но от глаз короля ничего не укрылось.

– Никакая защита вам не понадобится, – сказал он, – тем более такая...

Анна, не в состоянии вымолвить ни слова, в упор смотрела на Августа.

– Выслушайте меня, сударыня, – сказал король, бросив на пол мешок с золотом с такой силой, что он лопнул, и дукаты со звоном разлетелись по паркету, – я могу осыпать вас золотом, званиями, титулами...

Тут он взял в руки две принесенные с собой подковы, разломал их и бросил на кучу золота.

– Но я могу, – добавил он, – тех, кто сопротивляется мне, сломать вот так, как я ломаю железо. Вам предоставляется выбор: золото или железо, любовь или война.

Анна стояла, безразлично глядя на кучу золота и куски железа.

– Ваше величество, – промолвила она, – я не боюсь смерти и не мечтаю о золоте. Вы можете сокрушить меня, как эти подковы, но воли моей вы не сломите. И золото ее не растопит. Почему вы не принесли мне единственное, чем можно меня покорить? Ваше сердце?

– Оно давно принадлежит вам! – воскликнул Август.

– Я этого не вижу и не чувствую, – продолжала все так же

спокойно Анна, – любящее сердце не способно обесчестить ту, кого оно полюбило! Не скрою, король, я люблю вас и не в силах противиться этому чувству, но никогда не запятнаю его.

Король подбежал к ней и опустился на колени; Анна отступила в другой конец гостиной.

– Выслушайте меня, король.

– Приказывай.

– Анна Гойм не будет вашей, пока не почувствует себя достойной вашей любви...

– Итак, условия? Говори! Каковы твои условия?

– Письменное обещание жениться на мне.

Август, услышав это, умолк, опустил голову, нахмурил брови.

– Анна, – сказал он, – это опасное для тебя условие.

– Я не отступлюсь, жизнь отдам, но не отступлюсь. Этого требует моя честь. Я должна, хотя бы в мыслях и мечтах, быть вашей женой, или, прежде чем вы дотронетесь до меня, я лишу себя жизни.

Король отпрянул на шаг.

– Хорошо, – сказал он, – будь по-твоему.

Анна радостно вскрикнула.

– Все остальное пустяки, – промолвила она голосом, звенящим от счастья, – теперь надо развестись с Гоймом.

– Завтра же прикажу подписать развод в консистории, – поспешил успокоить ее король. – Чего еще ты хочешь?

– Больше ничего, – тихо сказала Анна, преклонив колени, – мне больше ничего не надо.

– А мне надо, – подхватил Август, заключая ее в объятия, но она тут же выскользнула из его рук.

– Ваше величество, – воскликнула Анна. – Я верю вашему королевскому слову, но не позволю дотронуться до себя, пока не порваны узы, которыми я связана: развод должен быть оглашен, обещание ваше скреплено подписью. Я – жена Гойма, я дала клятву быть ему верной и сдержу ее.

Август молча поцеловал ей руку.

– Как вам будет угодно. Я ваш раб, вы моя владычица! Сегодня приезжает Гойм, объяснитесь с ним. Завтра я прикажу приготовить для вас дворец; сто тысяч талеров в год и оба мои королевства у ваших ног, а с ними и я.

Анна, увидев короля коленапреклоненным, коснулась губами его лба и отошла.

– До завтра!

– Мне уйти? – спросил Август.

– До завтра. – Анна протянула ему руку.

Король покорно встал, молча поцеловал Анну и направился, вздыхая, к дверям. Груда золота осталась на паркете.

В ту же ночь граф Гойм вернулся домой и сразу же бросился к жене, но двери ее комнаты оказались запертыми; графиня спит, сказали ему, она не совсем здорова и не велела никого впускать.

Во время своей вынужденной отлучки граф все больше

нервничал и беспокоился о жене. У него, конечно, были свои соглядатаи, доносившие ему о каждом шаге Анны, разумеется, доступном их глазу, и в их сообщениях о визитах и прогулках, в которых почти всегда принимала участие и его сестра графиня Вицтум, ничего порочащего жену не было. И все же Гойм чувствовал, что интриги плетутся, разрастаются, угрожая его супружеству. Но что предпримешь, кому пожалуешься? Главным действующим лицом был король, а короля Гойм боялся пуще всего, ибо отлично знал его. Мнимая доброта и мягкость короля не вводили Гойма в заблуждение. Ни на минуту не забывал он об участии своего благодетеля Бейхлинга. Единственной гарантией казался ему характер жены, ее гордость и забота о добром имени.

В Дрезден Гойм прибыл поздно вечером, в королевском замке еще пировали, но Гойма не тянуло туда. Он поехал домой и, найдя комнату жены запертой, отправился к себе отдохнуть после дороги.

Наутро Гойма обступили акцизные чиновники, потом король прислал за ним, и ему пришлось уехать, так и не повидавшись с женой.

Август встретил министра чрезвычайно ласково и приветливо, что было самым дурным признаком. Король даже упрекнул Гойма в долгом отсутствии, будто не он сам приложил к этому руку. Гойм с удивлением взглянул королю в глаза. Но ничего в них не увидел.

– У тебя недруги при дворе, – сказал вполголоса Август,

похлопывая, министра по плечу, – вот они и стараются отдалить тебя от меня; но я могущественнее их и друг тебе, так что ты не беспокойся, я не дам тебя в обиду.

Гойм поблагодарил короля за милость. Август заговорил об акцизе и упомянул о нехватке денег в казне.

– Гойм, дорогой, ты должен любым способом добыть их, мне дозарезу нужны деньги, и очень много.

Было около полудня, когда Гойм после аудиенции, заставившей его о многом призадуматься, вернулся домой. Не успела закрыться за ним дверь кабинета, как другая дверь из зала растворилась, и Анна, вся в черном, блистая красотой, спокойная и серьезная, вошла, заперев за собой дверь на ключ. Гойм тут же подбежал к ней, но она холодно его отстранила.

– Я ждала вас, граф, – заговорила она спокойно и непринужденно, – хочу поблагодарить за все хорошее, что вы для меня сделали, и заверить, что никогда этого не забуду, и еще считаю своим долгом поставить вас в известность, что брак наш, не будучи основанным на взаимной симпатии, ни мне, ни вам счастья не сулит и потому должен быть расторгнут; несколько проведенных вместе тяжких лет не позволяют надеяться на лучшее будущее. Нам надо расстаться, граф. Вам известно, что я человек прямой и люблю действовать открыто. Его величество государь оказал мне честь объясниться в своем ко мне расположении, он достоин того, чтобы не быть отвергнутым. Я люблю короля, и решила повиноваться его

воле. Но обманывать вас я не намерена и потому пришла просить о разводе, он спасет честь вашего имени. Иного выхода нет. Ежели вы добровольно согласитесь на развод, можете не сомневаться в моем хорошем к вам отношении, я постараюсь быть вам полезной; ежели вы вздумаете препятствовать и упорствовать, я своего решения не изменю, но вы тем самым заставите меня забыть о моей признательности и помнить лишь, что вы становитесь помехой моему счастью.

Гойм, с первых же слов официальной и обдуманной речи жены догадавшись обо всем, отпрянул, как громом пораженный. При всех своих опасениях он не предполагал, что дело зашло так далеко. Его бледное лицо сделалось иссиня-багровым от прихлынувшей к нему крови. Возмущенный словами Анны, а еще более хладнокровием, с каким она их произносила, Гойм пытался несколько раз прервать жену и дать волю своему гневу, но она своим властным взглядом приковала его к месту, заставила молчать. Говоря, Анна перебирала шнурки платья, кружево на рукаве, мяла в руках платочек. Наконец она кончила, но Гойм, в котором все клокотало от гнева, не мог выдать из себя ни слова.

– Так вот какова ваша благодарность, милостивая государыня, за то, что я вытащил вас из глухого захолустья! – закричал он, в неистовой ярости подняв кулак. – Змею отогрел на груди своей! Вы бросаете мужа и порядочный дом, чтобы отдаться на милость легкомысленнейшего из людей!

Анна не дала ему продолжать.

– Довольно, граф, мне известно, что вы можете мне сказать, но я знаю, что делаю, и прошу вас, предоставьте мне самой заботу о моей судьбе. Ничто не поколеблет моего решения. Ответьте лишь, согласны ли вы на развод? Останемся мы друзьями или врагами? Да или нет?

Гойм снискал славу неисправимого развратника при дворе, где распущенность звалась галантностью; отношения его с женой были донельзя плохи, любовь к ней остыла давно, но когда он осознал, что теряет ее, сожаление, ревность, гнев довели его чуть ли не до умопомрачения. Как всегда, будучи в гневе, Гойм стал раздирать на себе одежду, теревить парик, метаться по кабинету, опрокидывая стулья, и биться головой о стены. Он ломал пальцы, подбегал к окну, бессмысленно поглядев на улицу, снова с яростью обрушивался на графиню, с невозмутимо презрительной усмешкой ждавшую его ответа, и тут же внезапно обрывал свою речь. Опрокинув стол, он стал бросать себе под ноги кипы бумаг, топтать их. У него был вид обезумевшего человека, который не знает что творит. И все это, очевидно, было рассчитано на то, чтобы напугать Анну, но его яростный гнев не произвел на нее никакого впечатления. Иронически поглядывая на мужа, она молча отступала к двери и ждала. Так и не дождавшись ответа, она спокойно сказала:

– Я вижу, вам трудно сразу решить, что вы предпочитаете, мир или войну. Даю вам время на размышление... Но должна предупредить вас: вражда со мной и с королем мо-

жет оказаться для вас небезопасной – от вас зависит, будете ли вы в милости или в опале.

И Анна вышла, не дожидаясь ответа.

Гойм продолжал в безнадежном отчаянии метаться по комнате, и это продолжалось бы еще долго, но тут вошел Вицтум, и Гойм немного пришел в себя.

– Что с тобой, Гойм? – воскликнул Вицтум. – Что случилось?

– Что случилось? Вам лучше знать, ведь это вы, возлюбленные друзья мои, приготовили мне столь приятный сюрприз. Анна бросает меня, потому что она понадобилась королю. Зачем же тогда она стала моей женой? Зачем подарила несколько лет счастья, чтобы потом изменить, осрамить перед людьми, выставить на посмешище...

Вицтум ждал, пока вспышка гнева утихнет.

– Послушай, Гойм, – сказал он, – я прекрасно понимаю, что тебе, быть может, жаль расстаться с прелестной Анной, но ведь сердце ее никогда тебе не принадлежало, а сам ты так распутничал, что трудно поверить, будто ты боготворил ее. Все дело в самолюбии. Жена бросает тебя, а не ты ее. Честь тут ни при чем. Будем благоразумны, я пришел с поручением от короля.

Гойм нахмурился, отпрянул и замолк.

– Что приказывает мне его величество король? – насмешливо буркнул он.

– Он требует твоего согласия на развод с женой и обеща-

ет свою милость и признательность, – продолжал Вицтум, – в противном случае, – мне жаль тебя, дорогой Гойм, но я должен предупредить, – последствия могут быть самые плачевные. Выбирай, с королем бороться невозможно. Малейшая неприятность, причиненная графине, будет считаться оскорблением его величества.

– Зачем королю понадобилось мое разрешение? – взорвался Гойм. – Ведь в его власти сделать все, что он захочет. Консистер подчинен ему, а не мне. Я ничего не значу. Отнимают самое дорогое, что у меня есть, и еще ждут моей благодарности.

Вицтум усмехнулся:

– То, что король просит твоего согласия, свидетельство его благосклонности. Это должно понимать как желание оставить тебя на твоем посту.

– Потому что я ему нужен, – промолвил Гойм.

Вицтум присел на диван.

– Дорогой граф, решай, когда я уйду, будет поздно.

Гойм опять принялся бегать по комнате, опрокидывая все, что попадалось на пути, потом истерически захохотал и рухнул на стул.

– Гойм, король ждет ответа, – напомнил Вицтум.

– Ответ и так ясен, – сказал Гойм. – Не издевательство ли, сперва сорвать с человека одежду, а потом, грозя ему палкой, спрашивать, можно ли взять ее себе? Так вот, дорогой зять, передай его величеству, что я премного благодарен ему

за то, что он освободил меня от такой обузы, как моя жена, что я согласен на все; что я рад, счастлив и целую его королевские персты. Ведь это немалая честь – принести в дар королю плод, который ты сам уже надкусил... ха, ха!

– Может, выпьешь холодной воды? – прошептал Вицтум, берясь за шляпу.

Он сочувственно пожал Гойму руку.

– Поверь, – добавил Вицтум вполголоса, – ты благодаря жене еще в лучшем положении, чем другие в таких случаях. Я скажу королю, что ты согласен. Успокойся и перестань гонять.

Вицтуму вспомнился, видно, случай из собственной жизни: жену его, сестру Гойма, король в свое время тоже удостоил, ненадолго, правда, своей благосклонности.

Август ждал ответа Гойма у себя в замке, но, потеряв терпение, приказал отнести себя в дом Гойма, где сразу же прошел в апартаменты Анны. Вицтум собрался было уже ехать в замок, когда ему сказали, что король ждет его здесь. По виду и улыбке своего фаворита король понял, что Гойм упорствовать не будет. Прелестная Анна, волнуясь, подбежала к послу.

– Вы оказались счастливее меня, граф?

– Счастливей вас никто быть не может, – ответил, кланяясь, Вицтум, – но я был терпеливее, дал Гойму излить свое негодование, а потом он на все согласился.

Черные глаза Анны засияли радостью, она чуть не кину-

лась Вицтуму на шею.

– Вы принесли мне свободу и счастье, граф, не знаю, как отблагодарить вас.

На столике стояла золотая табакерка, Анна схватила ее и протянула Вицтуму. Но подошедший к ним король увидел это и резко вырвал табакерку из рук Вицтума. В табакерку был вправлен миниатюрный портрет Анны, сделанный несколько лет тому назад.

– Прошу прощения, – воскликнул король, – но это слишком много для тебя, Вицтум, по королевскому праву я конфискую табакерку, а взамен дарю тебе двадцать тысяч талеров: этот портрет никому, кроме меня, принадлежать не может.

Анна бросилась королю на шею.

На другой день в консистории граф и графиня Гойм заявили о разводе через своих уполномоченных; королевский указ ускорил обнародование решения консистории, и оно через два дня висело уже на всех площадях, зданиях и в публичных местах, как того хотела Анна. В тот же день графиня переехала из дома мужа в приготовленный для нее особняк неподалеку от замка, с которым его соединила спешно, за несколько часов, сооруженная крытая галерея. Слух об этом событии разнесся с быстротой молнии по всему городу. Анна Гойм сразу отказалась от имени мужа и стала называть себя госпожой Козель – так называлось поместье ее родных в Гольштинии. Август клятвенно обещал ей выхло-

потать у императора Иосифа графский титул, а вместо дома, где она временно поселилась, воздвигнуть за несколько месяцев дворец из «Тысячи и одной ночи».

Ни одна из фавориток не сумела так овладеть помыслами и сердцем Августа. Никто не пробуждал еще в нем такой страсти, как Анна Козель. Король почти не выходил от нее, он исчез для других, позабыл обо всем на свете.

Княгиня Тешен, с которой Август до последнего времени был преувеличенно нежен, сразу же узнала обо всем. Развод Анны Гойм, ее переезд поближе к замку не оставляли сомнений, что царствованию княгини Тешен пришел конец. Впрочем, отставка ее не повлекла за собой опалы, она лишилась только возможности видеться с королем и всяких надежд на будущее. Августу приходилось считаться с княгиней Тешен хотя бы из-за ее влияния на кардинала Радзеевского; ссориться с кардиналом королю было невыгодно. Шпионам, которым Вицтум по приказу короля поручил следить за княгиней, ничего о ее намерениях узнать не удалось. Пытались выведать что-нибудь через баронессу Глазенапп, ненавидевшую сестру, надеялись, что княгиня в приступе скорби обмолвится о своих тайных замыслах, но Тешен молчала и плакала. Никто не знал, останется ли она в Дрездене, поселится ли в Хойерсверде или решит вернуться в Польшу. В доме никаких приготовлений к отъезду заметно не было, жизнь текла обычным порядком, только двор княгини, ранее блестящий и многочисленный, заметно поредел. Тех, кто

остался верен Урсуле, обвиняли в шпионстве, так что окружавшие ее люди больше помалкивали, и вечера протекали в тоске и одиночестве. Только князь Людвиг Вюртембергский чаще и дольше стал бывать у княгини.

Придворные интриги, способствовавшие низвержению княгини Тешен и возвышению Анны, сосредоточились теперь на другом.

Фюрстенберг, ближайший друг и наперсник короля, вынужден был уступить место Вицтуму, выполнявшему роль услужливого посредника. Двор Августа II разделился на два скрыто враждующих лагеря. Добрый король не мог допустить, чтобы приближенные его жили в согласии и мире. Это пугало его, и потому он всячески старался посеять вражду между ними. Август натравливал их друг на друга, обласкивая всех по очереди и одновременно давая им понять, что они друг другу враги. Вид искаженных от ненависти, исподлобья глядящих лиц доставлял ему удовольствие. Люди доносили друг на друга, и Августу были известны даже малейшие злоупотребления. Стратегия короля зиждилась на раздувании неприязни, на непримиримой вражде придворных.

Главный сокольничий граф Фридрих Вицтум фон Экштед, зять Гойма и посредник в интриге с Анной Козель, происходил из старинного рода, вышедшего из Тюрингии и состоявшего с давних пор на службе при саксонском дворе. В то время ему было около тридцати лет, при дворе он служил еще пажом и с детства дружил с Августом. Вицтум сопро-

вождал его в путешествии по Европе, где на их долю выпало немало интересных приключений, а после низвержения государственного канцлера Бейхлинга в 1703 году был назначен главным сокольничим – придворная должность, которую занимал брат Бейхлинга до того, как самого его заключили в Кенигштейн.

Король любил Вицтума больше других, быть может, потому, что его нечего было опасаться: особым умом и предприимчивостью Вицтум не отличался, он был человек обходительный, вежливый, мягкий, услужливый, в общем, отличный придворный и красавец мужчина. Незаменим был Вицтум в любимых королем рыцарских забавах, он отменно ездил верхом, стрелял, превосходил всех в метании копья в кольцо на скаку, а игрок был такой страстный, что играл бы и день и ночь напролет. Он был всегда весел, остроумен, шутил мило и незлобно. Мы уже говорили о том, что саксонское дворянство упорно, хотя и с осторожностью, сохраняя должное почтение к королю, отстаивало свои привилегии. Вицтум был при дворе тайным и ловким защитником дворянства. Расположение, которым дарил Вицтума король, особенно во время пирушек, за чаркой вина, позволяло ему как бы шутя вернуть иногда словечко в защиту дворянства. В другие дела Вицтум не вмешивался, от интриг стоял в стороне, честолюбием не отличался, верой и правдой служил королю.

Говоря о Вицтуме, нельзя не упомянуть о его жене, сестре

Гойма, одной из искуснейших интриганок при дворе, которым женщины управляли в такой же, если не в большей степени, чем мужчины. Графиня Вицтум была в то время еще свежа и хороша, высокого роста, как большинство саксонских красавиц из аристократических родов, с синими глазами, прекрасным цветом лица и чуть вздернутым носиком; она была смешлива, порой даже излишне, ее пронзительный смех узнавали издалека. Графиня Вицтум забавлялась двором, как игрушкой, шпионила из любви к искусству, подслушивала, разносила сплетни, расставляла западни, играла людьми, разжигала страсти, затевала склоки и ссоры, мирила и при всем том отменно управляла домом, мужем, хозяйством и делами; не будь ее, в доме часто не хватало бы денег. Карты были для нее не меньшей страстью, чем для Вицтума, но играла она осторожно, и ей везло. Честолюбива графиня была за двоих.

Вицтумы не принадлежали к самым влиятельным фаворитам короля, тем, через чьи руки проходили все государственные дела, они стояли как бы в стороне и по своему положению, казалось, были ниже Флемминга, Фюрстенберга, Пфлюга и других; но они так же посвящены были в сокровеннейшие тайны, влияли на мнение короля и могли стать опасными врагами.

Вицтум был послушным орудием в руках жены. В начале царствования Анны Козель у Вицтумов установились с ней дружеские отношения, позволявшие надеяться, что у них бу-

дут общие интересы и что они смогут оказывать на нее влияние. Но уже через несколько дней после переезда Анны Козель в дом возле замка двор понял, что новая королева ничем не напоминает скорую на слезы и обмороки княгиню Тешен. Для всех начиналась новая жизнь. Гордая красавица была объявлена второй женой короля и сразу повела себя, как королева. Август стал покорнейшим ее воздыхателем. Прелестная женщина, которую случай приблизил к трону, была в упоении от счастья.

Зима обещала невиданные празднества.

## 8

При дворе Августа II не ощущалось недостатка в фиглярах, единственной обязанностью которых было рассеивать грусть короля и прогонять скуку.

Каждое утро из Старого города, что сейчас, как ни странно, зовется Новым, выезжал верхом в шутовском наряде знакомый всем – от уличных мальчишек до министров – королевский шут и фигляр Иосиф Фрелих, носивший титул придворного его королевского величества актера-скомороха. Август, будучи как-то в хорошем расположении духа, приказал даже отлить в его честь медаль с надписью «Semper Fröhlich hunquam Traurig».<sup>16</sup> Фрелих так наострился сме-

---

<sup>16</sup> Всегда весел, никогда печален (*игра слов латинских и немецких*).

яться по обязанности, что смеялся с утра до ночи и всех кругом заражал своим смехом. Уже один его вид, когда он в своем потешном костюме выходил из дома, называвшегося Шутовским (Narrenhaus), и направлялся в замок служить королю, способен был рассмешить самого мрачного человека.

Фрелих был маленького роста, круглый, румяный, носил что-то вроде гансвурстовского<sup>17</sup> фрака, таких разноцветных фраков у него по милости короля было девяносто девять. На голове у него высился огромный остроконечный, украшенный перьями колпак, а сзади был привешен большой, в форме камергерского ключа серебряный кубок унций на шестьдесят – подарок короля. Принимая иногда участие в ночных пиршествах, Фрелих обязан был пить из своего «камергерского ключа».

Чтобы однообразные шутки Фрелиха не приедались, с ним в паре обычно выступал некий камер-курьер, барон Шмидель, изображавший для контраста меланхолика. Шмидель и Фрелих, как Гераклит и Демокрит, вели бесконечные споры, забавлявшие Августа и его двор. Когда оба главных шута, исчерпав запас шуток и выдумок, выбивались из сил, их сменяли второстепенные шуты, Заумаген и Лепперт из Лейпцига. Но если даже добавить к этому великана Коянуса, двенадцать пар карлов, во главе со знаменитым Ганте и Траммом, мавров, альбиносов – это будет далеко не полный

---

<sup>17</sup> Гансвурстовский – шутовской (Hanswurts – шут, комическая фигура немецкого театра XVI–XVIII вв.).

перечень слуг, призванных потешать короля в тесном кругу его приближенных.

Знаменитый острослов Киан играл здесь тоже немалую роль, мы видели в начале книги, как ценил его король. Фрелих, несмотря на свое скоморошество, был человек рассудительный и вполне порядочный. Он сколачивал понемногу состояние, жил экономно, втихомолку посмеивался над теми, кто громко смеялся над ним и оставался целым и невредимым, варясь в котле королевского двора.

Спозаранку, еще до рассвета, отправлялся Фрелих во фраке и колпаке в замок и возвращался домой, где его ждала домоправительница, обычно очень поздно.

В дом шута редко кто стучался, ибо он сам был там гостем. И потому странным показалось госпоже Лотте, старой деве, прислуживавшей Фрелиху, когда в один осенний день, чуть ли не на рассвете, в дверь постучались. Придворный скоморох насторожился: вероятно, загулявшему до утра королю взбрело в голову послать за ним, а он еще не одет, и лошадь не подана. Лотта, увидев через застекленную дверь придворную ливрею, пришла к тому же выводу. На пороге стоял молодой человек высокого роста. Смерив его взглядом с ног до головы, Лотта спросила, что ему угодно.

– Я хотел бы поговорить с господином Фрелихом, – ответил молодой человек.

– Вы от короля?

Ответа не последовало.

Тайные посланцы случались от короля, поэтому Лотта не решилась отказать незнакомцу и впустила его наверх, где Фрелих надевал перед зеркалом свой шутовской наряд.

Шут тоже был удивлен неожиданным появлением молодого человека: кто он, гость или посланец? Фрелих обернулся к нему и, войдя в свою роль, стал изгибаться в поклонах, величая гостя его превосходительством. Бедняге менее всего подходил этот титул: бледный, изнуренный молодой человек стоял на пороге и мял в руке шляпу.

– Чем могу служить вашему превосходительству, – поклонившись, спросил Фрелих.

– О, господин Фрелих, – робким голосом ответил гость, – не смейтесь над несчастным, скорее я должен звать вас «ваше превосходительство».

– Гм, гм, – отозвался Фрелих, – а что, вас прислал король? А?

– Нет, я пришел сам по себе и прошу уделить мне несколько минут, мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз.

– Аудиенция? А? – подхватил, напыжившись, Фрелих. – Donnerwetter!<sup>18</sup> Не сделался ли я, пока спал, сам того не ведая, министром? При нашем дворе (т-с-с!) все может быть. Министры так грызутся между собой, что от них скоро мокрого места не останется, и тогда и меня и вас могут удостоить их звания. Я заранее оговариваю себе казну и акциз.

Несмотря на шуточный тон Фрелиха, на лице гостя не

---

<sup>18</sup> Черт побери! (нем.).

промелькнуло даже тени улыбки; он стоял все такой же сумрачный, не произнося ни слова.

– Поговорить со мной? Один на один? Прошу вас... Во всем доме нет никого, кроме Лотты, занятой приготовлением завтрака, и слуги, который чистит в конюшне лошадь.

Фрелих развалился на стуле, изображая сановника, принимающего посетителя. Но молодого человека, казалось, ничто не способно было рассмешить.

– Господин Фрелих, – сказал он, подойдя поближе, – вы будете удивлены, если узнаете, что я пришел к вам по важному делу.

– А! Так вы ошиблись дверью!

– Нет, – сказал незнакомец, – нет. Я вижу вас каждый день при дворе, и на лице вашем написано, что вы человек добрый и что сердце у вас отзывчивое.

– Дорогой мой! Вы, наверно, хотите денег взаймы, – прервал его Фрелих, всплеснув руками, – предупреждаю, ничего не получится. Могу служить всем, чем располагаю: советом, смехом, поклонами, собственным хребтом, чем угодно, только не деньгами. Денег у меня нет. Король-то голый, откуда же у меня быть деньгам?

– Но я и не думал просить!

– А, – облегченно вздохнул Фрелих, – так чего вы, черт побери, от меня хотите? Чтобы я вас фокусам научил? Как, например, из одного яйца вытащить сто пятьдесят аршин ленты?

– Нет, – ответил гость.

– Тогда, может быть, вы ищете моего покровительства?

– Возможно, – с грустью ответил незнакомец, – ведь больше не у кого.

– Тут и шут пригодится, – рассмеялся старик. – Не, ей богу, Шмидель, барон и камер-курьер, был бы вам более полезен. Судя по ливрее, вы служите при дворе, но выговор у вас не наш. Ничего удивительного, скоро саксонца при саксонском дворе и днем с огнем не сыщешь. Кто ты?

– Я поляк, меня зовут Раймунд Заклика.

– Поляк, стало быть, шляхтич, – сказал Фрелик, – садись же, я уважаю шляхту, а так как я мещанин, то стоять полагается мне, а не тебе.

– Не шутите, господин Фрелих.

– Не могу, я подавился бы собственным языком, ежели бы перестал шутить. Но время – деньги, говори, достопочтенный поляк, что с тобой? Ты болен? Я не доктор.

Заклика никак не мог собраться с мыслями, его, очевидно, сбивал шуточный тон Фрелиха.

– Разрешите, я коротко расскажу о себе, – начал он, наконец.

– Коротко? Хорошо.

– При дворе я случайно, вы, наверно, слышали обо мне. На беду свою, я так же умею ломать подковы, мять кубки и отсекал лошадям головы, как это делает король, потому-то мне и велено было при дворе остаться.

– Как же, знаю, знаю, – рассмеялся Фрелих, – не завидую тебе, дорогой...

– Заклика...

– Дорогой господин Горемыка, – сказал Фрелих. – Какой же простак мог посоветовать тебе меряться силой с королем? Надо быть... да ты сам понимаешь, кем надо быть, чтобы пойти на это.

– С тех пор как я болтаюсь при дворе, мне свет не мил. Люди избегают меня, нет у меня ни друга, ни покровителя, никого.

– Ну, знаешь, избрать меня своим другом или покровителем – это такая же счастливая мысль, как состязаться с королем. Человече! Да будь я способен расколоть наковальню, я не решился бы и соломинку переломить, чтобы не вызвать зависти. Нечего сказать, прекрасно ты распорядился своей судьбой.

– Что было, то было, – ответил Заклика, – а тут у меня никого нет.

– И к тому же ты поляк, а здесь теперь даже польского имени произносить нельзя. Да, не хотел бы я быть в твоей шкуре.

– Мне в ней тоже не слишком хорошо, вот я и подумал, может быть, вы сжалитесь надо мной.

Старый шут вытаращил глаза, его морщинистое лицо сделалось вдруг серьезным и грустным, он сложил на груди руки, потом подошел к Заклике, взял его за кисть и стал шу-

пать пульс, как доктор у больного.

– Боюсь, дорогой господин Горемыка, не помутились ли вы в рассудке, – сказал он тихо.

– Возможно, – ответил, усмехнувшись, Заклика.

Лицо Фрелиха опять привычно повеселело.

– Чего же вы хотите?

– Чтобы его величество соблаговолил освободить меня от службы при дворе.

– О, нет ничего легче! – сказал Фрелих вполголоса. – Соверши какую-нибудь глупость, на Новой площади поставят виселицу, и тебя вздернут. Способ быстрый, легкий и верный.

– Это всегда успеется, – возразил Заклика.

– А что ты собираешься делать, если тебя отпустят? Потщишься к себе на родину медведей водить?

– Нет, останусь здесь.

– Какая-нибудь дрезденка приглянулась?

Заклика залился румянцем.

– Нет, что вы! – сказал он. – Я могу давать уроки фехтования, верховой езды, могу в войско вступить.

– А при дворе ты что, с голоду помираешь?

– Нет, у меня всего вдоволь.

– Может, не платят тебе?

– Платят...

– Чем же ты недоволен?

Заклика смутился.

– Мне там делать нечего, никому я не нужен.

– Бог весть чего ты хочешь, господин Горемыка. Жизнь у тебя обеспеченная, спокойная; от добра добра не ищут.

– Что поделаешь, – ответил Заклика, – все приедается.

– Особенно если кто с жиру бесится, – подхватил Фрелих. – Но чем все же я могу быть тебе полезен?

– У меня просьба к вам. Я стою обычно у дверей в замке, вам ничего не стоит шуткой, как бы невзначай, обратить на меня внимание короля, а ему в хорошую минуту приходят в голову разные фантазии.

– А если ему придет фантазия повесить тебя? – спросил шут.

– Вы защитите меня.

Фрелих прошелся по комнате, напялив на себя остроко-  
нечный колпак с пером и засунув руки в карманы.

– Donnerwetter! – воскликнул он. – Только сейчас начинаю понимать, что и я что-нибудь значу при дворе, раз люди ищут моего покровительства. Вы открыли мне глаза! Из одной признательности я готов служить вам. Чем черт не шутит, Киана, говорят, назначают комендантом в Кенигштейн, почему бы меня не сделать, по меньшей мере, придворным проповедником или советником в консистории? Тщеславие разгорается во мне. Я начинаю задирать нос!

И, повалившись на стул, Фрелих захохотал.

– Светопреставление! Donnerwetter! – Он с жалостью взглянул на Заклику. – Польский шляхтич ищет покрови-

тельства у шута. А шведы, которые кормятся селедкой, в хвост и гриву бьют саксонцев, питающихся свининой!

Он ударил в ладоши. Вошла Лотта и остановилась на пороге с тарелкой подогретого, сдобренного пряностями вина.

Фрелих комичным жестом приказал Заклике замолчать и, по-министерски кивнув головой, дал понять, что аудиенция окончена. Попрощавшись с Фрелихом взглядом, опечаленный Заклика стал спускаться с лестницы.

Странная мысль просить покровительства у шута вызвана была крайней необходимостью и отчаянием. Бедного юношу угнетала роль статиста при дворе. «Кто знает? – думалось ему, – будь я свободен, может, все сложилось бы иначе». После событий, превративших Анну Гойм в госпожу Козель, он, бросив Лаубегаст, ни на минуту не отлучался из города и все лелеял надежду, что, как придворный, будет когда-нибудь принят в доме той, в чьи черные глаза смотреть почитал для себя величайшим счастьем.

Такая любовь не часто встречается на свете. Смотреть на свое божество – вот и все, что надо было Раймунду. О большем счастье он и мечтать не смел. Ему хотелось быть ее стражем-хранителем, невидимым защитником; он понимал, что у нее есть враги, боялся за нее, жаждал снискать ее доверие и готов был пожертвовать для нее всем, даже жизнью.

Внешне покорный и тихий, Раймунд обладал волей твердой и непоколебимой. Он сам смеялся над своей любовью к той, что звалась королевой, но заглушить в себе этого чув-

ства не мог. Раем казалось ему то счастливое время в Лаубегасте, когда он, спрятавшись, следил за ней взглядом и старался отгадать ее мысли. В Дрездене Раймунду редко выпадало счастье даже мельком взглянуть на прекрасную королеву. Он видел ее на прогулке верхом вместе с Августом, видел, как она садилась или выходила из экипажа, иногда, если удавалось протиснуться между придворными, он видел ее в театре; но этого ему было мало. Он грезил, что когда-нибудь попадет к ней в дом. Это было пределом счастья для него, венцом желаний. Ради этого он готов был не только поклониться шуту, но и претерпеть любые унижения.

В том, что бедный юноша влюбился в такое совершенство красоты, нет ничего удивительного. Куда более странно то, что госпожа Козель, лишь несколько раз издали видевшая его, госпожа Козель, надменная, поглощенная любовью к прекрасному Августу, упоенная счастьем, задавала себе иногда вопрос: куда делся тот чудак из Лаубегаста? И случалось, искала его глазами в толпе. Конечно, то была всего лишь жалость, но и жалость у счастливых созданий, вкушающих райское блаженство, чувство далеко не частое.

Анна Козель вовсе не отличалась сентиментальностью, это была натура страстная, энергичная, высокомерная, сердце у нее было не из жалостливых. Мимолетное воспоминание о смиренном безумце, который в воду по шею погружался, чтобы взглянуть на нее, льстило ее женскому самолюбию. Вспоминая приключение, о котором никто, кроме нее, не

знал, Анна самодовольно улыбалась.

Ошибкой было бы думать, что страстно влюбленный Август отказался ради красавицы Анны от ночных забав с друзьями. Забавы эти были ему необходимы по множеству причин, да и в привычку уже вошли. Королевское слово сеяло вражду между охмелевшими придворными, а вражда была главным орудием власти, к тому же король умел вынуждать подвыпивших людей к признаниям, на которые в трезвом виде никто бы не отважился. Подобно тому как Гойма вынудили описать внешность его жены, так и другие раскрывали перед королем свои тайны. Август был теперь в прекраснейшем расположении духа и думал лишь о том, как окружить свое божество великолепием и роскошью, дать ему наслаждения, достойные богов Олимпа. Днем приходилось заниматься делами, вечером кутили.

Гойм, оставшийся на своем прежнем посту с пятьюдесятью тысячами талеров наградных, которыми король осушил ему слезы после утраты жены, снова принимал участие в ночных пиршествах. Гойм был нужен: средств с каждым днем требовалось все больше, а он как никто другой умел добывать их.

Все способы выколачивания денег из обнищавшей страны иссякли. Гойм ломал себе голову, чтобы найти новые источники доходов. Облагали налогами все подряд, взыскивали деньги любыми способами, король щедро награждал всех, кому это удавалось. Но даже самый изобретательный

ум, в конце концов, исчерпывает себя, так что пришлось обратиться к мерам насильственным и рискованным. Опа-ла великого канцлера, которой способствовали и причины политического характера, в значительной степени была вызвана слухами о несметных богатствах, якобы скопленных им. Короля обнадежили, что наследство канцлера насчитывает миллионы. Между тем королю достались лишь дворец, подаренный им княгине Тешен, несколько деревенок и полмиллиона талеров, когда-то данных канцлером взаймы королю, которые теперь можно было не возвращать. Оставшееся полуторамиллионное состояние Бейхлинга поделили между собой его враги – Фюрстенберг, Пфлюг, а возможно, и Флемминг. Надежды короля не оправдались.

Другим способом добывания сказочных сумм для удовлетворения прихотей короля была алхимия. Увлечение ею, вера в то, что можно проникнуть в тайну изготовления золота, в те времена стала манией. Август, как и многие другие правители, помешался на алхимии. Тогда не сомневались, что существует чудодейственная тинктура, способная превращать металлы в золото, и потому истинное золото превращали в дым и пепел.

Канцлер Бейхлинг, как и большинство мечтателей, тоже верил, что золото можно добыть в реторте, и, как многие другие, поддерживал в Августе II мысль найти человека, который, как блины на сковородке, будет печь ему столь необходимое для счастья золото.

Увлечение алхимией при дворе было повальным. Своя алхимическая лаборатория была у канцлера, была и у Фюрстенберга, ее посещал сам король, и у многих других ревнителей этого важного дела. Ходили легенды о счастливых мудрецах, обладателях тинктуры, превращавшей металлы в золото.

Бейхлинг, безусловно, не подвергся бы опале, – ибо он умел добывать королю деньги, – если бы Фюрстенберг не пообещал Августу найти человека, способного фабриковать куда больше золотых монет, чем мог их выжать из народа канцлер.

Мудрецом, на которого возлагал надежды Фюрстенберг, был простой аптекарь из Берлина с весьма темным прошлым. Человек этот, без сомнения, делать золото не умел, но зато тратил его с превеликим усердием. За несколько лет до этих событий аптекарь, о котором идет речь, Иоганн Фридрих Бетгер, саксонец родом из Шлейца, пытался изготовить тинктуру, или, как полагают другие, ему удалось получить ее в готовом виде у одного авантюриста, назвавшего себя Ласкарисом и архимандритом греческого монастыря в Митиле-не. Фридрих I Прусский хотел было завладеть уважаемым золотоделателем и посадить его за решетку, чтобы одному обладать тайной. Бетгеру удалось улизнуть в Саксонию, пруссаки требовали его выдачи, но Августу самому нужны были деньги, и этого ценнейшего человека увезли в Дрезден.

Фюрстенберг сам трудился с ним над тинктурой, ведь де-

ло было первостепенной важности, – король твердо верил, что со дня на день из тигля посыплется золото.

Бетгера ласкали, поили, осыпали обещаниями и милостями, но держали под стражей. С годами алхимики уничтожили, уповая на Бетгера, тинктуры Бейхлинга, однако состряпать новую тинктуру все не удавалось. Королю, находившемуся в Варшаве, посылали меркурий и другие ингредиенты для выработки золота. К великому делу надо было подготовиться молитвами, благочестием и очищением духа. Король Август исповедовался, потом сидел над тиглем, но дело не клеилось. К счастью, собака опрокинула ящик с Меркурием, посланный Бетгером в Варшаву, пришлось применить другой, и неудачу свалили на собаку. Бетгер трудился, вконец замученный, во дворце у Фюрстенберга, как в тюрьме, затем в Кенигштейне, где чуть не сошел с ума, а потом опять во дворце, с большими удобствами, но золота так и не сфабриковал. История злополучного алхимика весьма характерна для века. Адепт, содержащийся под замком, тинктура, тигли, в которых должно было выплавиться золото для войн и маскарадов, король, работающий «после исповеди» с Фюрстенбергом над тинктурой, а потом отдыхающий у княгини Тешен, – все это неоценимые приметы того времени.

Бетгер переписывался с королем и пользовался большим его расположением. Алхимик давал в тюрьме балы, обеды и за последние три года стоил Августу сорок тысяч талеров!

Когда Анна Козель вступила на трон после княгини Те-

шен, знаменитый алхимик содержался опять в замке, в окруженной садом башне. Поиски формулы, которая должна была принести долгожданное золото, подходили к концу. Все напряженно ждали, не сомневаясь, что Бетгер разгадает, наконец, тайну. Интересная подробность: Бетгер оговорил, что открытие его не должно быть использовано во зло, что «деньги нельзя тратить на излишества, на греховные деяния, на недостойные затеи, на ненужные и несправедливые войны». Он предупреждал, что «владеющему *arganum*<sup>19</sup> не приличествует служить государю, о котором известно, что он грешник, нарушает супружескую верность или зря проливает кровь».

Думается, что аптекарь сделал эту оговорку, дабы как-то оправдать свою неудачу...

Вечером того дня, когда Заклика вверил свою судьбу Фрелиху, «придворный скоморох» был допущен развлекать общество. Ему от всей души хотелось помочь возлагавшему на него надежды юноше, но как он ни ломал голову, придумать ничего не мог. Фрелих умел извлекать выгоду для себя, просить же за кого-то ему не приходилось. Тут он был не в своей роли.

Король принимал у Анны Козель Фюрстенберга, Вицтума и других постоянных участников вечерних пиршеств. Госпожи Рейс, Вицтум и Гюльхен составляли двор новой государыни.

---

<sup>19</sup> Тайна (*лат.*).

После ужина Фрелих показывал фокусы, все хохотали до упаду. Шут, изображая алхимика, фабрикующего золото, принес горсть мусора в тигле. Анна слышала уже кое-что о Бетгере и стала потихоньку расспрашивать о нем Августа. Король не любил признаваться в своей тайной слабости к алхимии, хотя ее разделяли ученейшие люди того времени.

– Фрелиху, – тихо промолвил он, – вольно даже надо мной смеяться, а значит, и над великой тайной изготовления золота. Владелец этой тайны, несомненно, не хочет открыть ее нам, он едва не ускользнул от нас, бежав в имперскую землю, мы с трудом добыли его оттуда. Сейчас он под крепкой стражей и, думаю, поймет наконец, что выход у него один – повиноваться.

– Ваше величество, – вмешался Фрелих, – пока к нему не будет приставлен человек сильный, которого бы он боялся, нельзя быть уверенным, что он не сбежит. Самым лучшим стражем были бы вы, ваше величество, или человек, обладающий такой же геркулесовой силой, но где сыщешь вам подобного?

– Ошибаешься, Фрелих, – сказал Август, – был, а может, и есть при моем дворе человек, почти не уступающий мне в силе.

– Никогда не слышал о нем!

Так Август вспомнил о совсем позабытом им Заклике. На следующий день велено было разыскать его.

Бедный Раймусь воспользовался этим случаем и стал про-

силь короля уволить его со службы. Август покачал головой.

– Нет, не уволю я тебя, ты мне нужен, – сказал он, – у меня есть сокровище, которое я хотел бы доверить силе твоей и честности: ты отправишься ко двору госпожи Козель, будешь охранять ее как зеницу ока – даже если жизнью придется пожертвовать, – чтобы ни один волос не упал с ее головы.

Заклика не верил своим ушам, он покраснел и молча поклонился. Судьба оказала ему лучшую услугу, чем Фрелих.

Анна Козель удивилась, вспыхнула, увидев Заклику среди своих людей. В первую минуту она возмутилась, но, узнав, что он прислан королем, смолчала. Август в тот же вечер объяснил ей, для чего он прислал Заклику. Анна чуть было не рассказала ему о приключении в Лаубегасте, но вовремя сдержалась. Заклика остался при ней.

Фрелих, увидев его несколько дней спустя, извинился, что так и не сумел освободить его от службы.

– Ради бога, не беспокойтесь обо мне, господин Фрелих, – воскликнул Заклика, – я решил остаться на теперешнем своем месте.

## 9

Кто бы мог подумать, наблюдая праздное веселье и бесконечные придворные интриги, что тут разыгрывается трагедия, в которой Август II играет весьма незавидную и жалкую роль. Это были годы нашествия шведов на Польшу, го-

ды побед Карла XII; Август, сидевший на шатком троне, искал после проигранных битв утешения у своих любовниц. Самую большую радость доставляли ему черные глаза графини (титул этот уже пожалован ей был императором Иосифом), и Август тратил огромные деньги на постройку дворца для возлюбленной, в то время как войско содержать было не на что. Среди безумств и кутежей рушились громады двух государств, но и это не могло согнуть геркулесовой спины государя или омрачить его настроения. Саксония нищала, ибо король всеми средствами пытался удержать Польшу под своею властью, но отречение от Польши с каждым днем становилось неизбежной.

Между двумя битвами устраивались балы, маскарады, король возвращался в Дрезден и в безумствах находил забвение от потерь и унижений.

Под бальную музыку давались инструкции тайным посланцам, шпионам и интриганам, тщетно пытавшимся привлечь на сторону Августа союзников.

Исполинская сила саксонского Геркулеса проявлялась не только в том, что он расплющивал слитки железа и ломал подковы, но еще больше, пожалуй, в его умении совладать с валившимися на него бедами, с беспрестанными интригами, кутежами, с ветреными любовницами и царившей вокруг смутой. С поля битвы Август мчался к Анне Козель, от нее бежал в кабинет, куда стекались секретные донесения, а вечером – бал, ночью – пиры. Чтобы с такой жизнью в те-

чение долгих лет неустанно справлялись и душа и тело, надо было обладать поистине титанической силой Августа. С невозмутимым спокойствием появлялся всегда король перед удивленной толпой, и даже самая горькая неудача не оставляла ни единой морщинки на его лице.

Вопреки ожиданиям, похоже было, что царствование прелестной Козель продлится долго. Графиня, получив от Августа письменное обещание сочетаться с ней браком, считала себя второй женой короля и соответственно себя вела. Она ни на минуту не покидала Августа, всегда готовая отправиться с ним в любую поездку, на любую войну. Никакая опасность не страшила ее. Анна сумела быстро распознать характер Августа и разгадать интриги, которые плелись вокруг. Умная, неиссякаемо жизнерадостная, она развлекала короля, направляла его и с каждым днем приобретала все большую власть.

Скоро всем стало ясно, что бороться с Козель, действовать против нее невозможно. Если легкомысленный король, находясь вдали, на какое-то время забывал о ней, Анна старалась ускорить встречу с ним и за несколько часов обрела прежнюю власть. От счастья она, казалось, расцвела еще больше. Тщетно глаза завистниц искали на ее лице следы усталости, увядания; будто наделенная вечной молодостью, она становилась все прелестней и прелестней.

Через год король велел возвести рядом с замком дворец для графини. Это было чудо искусства. Его называли дворцом

четырёх времен года. На каждое время года предназначались особые апартаменты: прохладные на лето, теплые, веселые и солнечные на зиму. Летние были отделаны мрамором, зимние – устланы коврами. Мебель и стены сияли золотом, китайским лаком, шелками, кружевами, всем, что было самого изысканного и дорогого в тогдашней Европе. Войско оплатить было нечем, но дворец получился волшебный.

Открытие его ознаменовалось блистательным балом. Анна Козель, усыпанная бриллиантами, торжествующая, прекрасная, как богиня, в знак благодарности протянула белую свою руку тому, кого втайне называла мужем. Легкомысленный Август, хоть и не отрешившийся совсем от своих слабостей, никогда ни в кого не был так влюблен, как в графиню Козель. Глаза ее очаровывали всех, и чужестранцы, видевшие ее в зените славы и величия, отзывались о ней с восхищением.

Необычайно искусно распространяла графиня свою власть, объединяла вокруг себя друзей, завязывала знакомства, но и ей суждено было возбудить неприязнь и зависть у тех придворных, кого уже тревожило ее всемогущество. Однако время действовать против графини, которую возвели на трон, чтобы освободиться от кроткой и мягкой княгини Тешен, еще не наступило.

Каждый день был для Козель новым триумфом. Тщетно духовенство, возмущенное этой открытой связью короля, начало по наущению кое-кого из придворных греметь с амво-

на против обольстительной Вирсавии. Гербер, известный в то время проповедник, однажды так убедительно описал ее народу, что в церкви поднялся шум, в котором слышалось ее имя. В городе весь день только и говорили что о Козель-Вирсавии.<sup>20</sup> Вечером возлюбленной короля донесли о нападках проповедника. Август, придя к ней в веселом расположении духа, застал ее в слезах.

– Что с тобой, несравненное мое божество? – спросил он.

– Я взываю к справедливости, король, – ответила Анна, захлебываясь от слез, – ты говоришь, что любишь меня... Если бы сердце твое мне принадлежало, ты б защитил несчастную. Мне публично наносят оскорбления.

– Что случилось? – забеспокоился король.

– Я требую наказать Гербера. В назидание наглецам, которые даже корону чтить не умеют.

Анна упала к ногам государя.

– Гербер с амвона назвал меня Вирсавией.

Король улыбнулся.

– Но я не Вирсавия и не хочу быть ею! Я ваша настоящая жена, государь мой, – вскричала Анна, обнимая его, – накажите Гербера в назидание другим.

Август на сей раз не принял близко к сердцу обиду Козель.

---

<sup>20</sup> Вирсавия – по библейскому преданию жена Урия, одного из военачальников царя Давида. Царь, плененный ее красотой, взял ее себе в наложницы, а затем после гибели Урия, которого Давид обрек на смерть, она стала его женой.

– Священник час в неделю имеет право говорить все, что пожелает. И я тут не властен. Если бы он промолвил хоть словечко, сойдя с амвона, то немедленно был бы наказан. А там – место его защищает.

Гербера не тронули, но о Козель он больше не говорил.

Любовь короля к графине Анне крепла в годы самых тяжелых его поражений. Карл XII, этот дикарь с виду, коротко остриженный, в огромных, выше колен, сапогах, этот суровый и бездушный солдат, по какой-то странной иронии судьбы донимал красавца короля, сражающегося против него в кружевах, бархате и золоченых доспехах. О Карле рассказывали невероятные истории. Август слушал и молчал. Насильно сгоняемые в полки саксонцы сразу же ударялись в бегство. В Польше, несмотря на усилия Флеммингов, Пшебендовских и Домбских, меркло обаяние великолепнейшего из монархов, а сам он, стиснув зубы, подумывал о том, как бы унести ноги из этой опасной игры. Бывшая фаворитка государя графиня Кенигсмарк, посланная с секретным поручением к Карлу XII, ничего не смогла добиться. Шведский король не пожелал с ней даже разговаривать, как, впрочем, и ни с кем другим.

Фортуна перестала улыбаться Августу II. Бетгер золота не мог сделать. Гойм не мог его раздобыть, а графине Козель нужны были миллионы. Люди убегали в горы, чтобы избежать вербовки в войско. Герберы с амвонов гремели против грабежа и насилий. Дворяне, несмотря на величайшее свое

смирение, не давали сдирать с себя шкуру.

На бедного короля теперь часто нападало дурное настроение. Но длилось это недолго. Стоило графине Козель улыбнуться, и к королю возвращалась обычная его веселость.

Вечером четыре части света танцевали кадрили во дворце четырех времен года. Август с Анной изображали Азию. Прежних приятельниц, мечтавших с помощью прелестной хозяйки властвовать и управлять, Анна очень скоро разгадала, а затем и возненавидела. Графиня Рейс, госпожа Гюльхен, даже ловкая графиня Вицтум получили отставку. Козель не нужны были союзники, она чувствовала себя сильной, сильнее всех.

Весь двор жил в непрерывном страхе. Один только Вицтум оставался в милости и у господина и у госпожи, – политика не интересовала его, чинов он не добивался, а короля любил как брата.

Шли годы, богатые событиями. Безжалостный рок неустанно преследовал великолепнейшего из монархов, не оставляя его ни на минуту в покое. Швед одерживал победу за победой и грозился сбросить Августа с трона. Август оборонялся, скорбел, развлекался и злключения свои топил в вине и в наслаждениях. Тайные придворные интриги не прекращались.

Охота, пиры, маскарады, балы, театры – все это прервала весть о приближении шведов к Саксонии. Карл XII гнал врага в его же логовище. Поднялась невероятная паника.

После проигранной битвы под Фрауенштадтом появилось много дезертиров. Их стали хватать и вешать или расстреливать за уклонение от воинской повинности.

Беспорядок царил невообразимый. Шведы вступили в Саксонию. Август отдал приказ жителям уходить со своими пожитками в горы, в Силезию, в Чехию, но было уже поздно. Карл XII с двадцатитысячным войском вторгся в страну, обещая населению неприкосновенность жизни и имущества. Выхода не было, пришлось кормить неприятеля. Шведы расползлись по всей стране. Жалкие остатки войск Августа, преследуемые шведами, отходили к Вюрцбургу. Дрезден, где командовал Цинцендорф, саксонские гарнизоны в крепостях Кенигштейн и Зонненштейн еще пытались удержаться.

Вместе с Карлом прибыл в Саксонию новый польский король Станислав Лешинский. Дрезден покинули все, кто мог, королева уехала к родным в Байреит, ее мать с внуком в Магдебург, а оттуда в Данию. Лейпциг опустел и обезлюдел, из страха перед грабежами были вывезены все товары, перевозка их стоила бочку золота. Только после заверений Карла решились открыть ярмарку в день св. Михаила.

Карл созвал саксонское дворянство в Лейпциге, чтобы взыскать с него контрибуцию. Дворяне, пытаясь освободиться от нее, убеждали шведского короля, что никаких повинностей, кроме как явиться с конем на войну, они не обязаны были нести.

– А где же вы были с вашими рыцарскими конями, когда я входил в Саксонию? – спросил Карл XII. – Если бы вы обязанность свою выполнили, меня бы здесь не было. Когда при дворе пируют и кутят, вы тут как тут, а как страну защищать, так вы дома отсиживаетесь. Знать ничего не знаю, извольте-ка платить контрибуцию, а всех остальных освобождаю от нее.

После полного отречения Августа от польской короны, перешедшей к Станиславу Лещинскому, был подписан альтранштадтский договор 1706 года, но борьба в Польше продолжалась. Август отрицал свое причастие к подписанию договора. Он обвинял посланных для переговоров Имгофа и Пффингстена в превышении данных им полномочий и, чтобы спасти свою честь, засадил их в тюрьму.

Вынужденный во избежание полного краха заключить это соглашение, Август тут же отрекся от него, ибо в мире сурово осудили его за этот поступок. Все шло прахом, а выдача Паткуля<sup>21</sup> окончательно подорвала престиж саксонского короля. Он сам понимал, что запутался, и старался не вспоминать о постыдной сделке.

Несмотря на обещание покинуть Саксонию тотчас после заключения мира, шведы пробыли в ней еще целый год. Торжествующий Карл XII принимал там послов из всех немец-

---

<sup>21</sup> Паткуль Иоганн Рейнгольд – швед, начальник русского отряда, посланного на помощь Августу II в войне со Швецией, был по мирному договору 1706 года между Августом II и Карлом XII выдан шведам в октябре 1707 года и казнен.

ких государств и из Англии; Август же отправился сражаться в Польшу; после победы под Калишем он воспылил было надеждой, что дела еще поправятся, опять созвал шляхту, но вскоре, однако, ему пришлось покинуть Варшаву, Краков и вернуться в Саксонию.

Анна Козель, которая, пренебрегая неудобствами походной жизни, с первых же дней повсюду сопровождала короля, вернулась в Дрезден немного раньше Августа. Такова была воля короля. Она умоляла, чтобы он разрешил ей, переодевшись в мужское платье, воевать рядом с ним, но Август на это учтиво возразил, что из двух самых дорогих для него вещей, короны и Козель, он хотел бы сохранить хотя бы одну и быть уверенным, что она в безопасности.

Заклике, не отступавшему ни на шаг от своей госпожи, король доверил отвезти Анну в Дрезден. Раймунд не спал, не ел, выполняя свои обязанности, больше следуя велению своего сердца, чем приказу государя. Графиня Козель редко дарила его даже взглядом. Больная и грустная, вернулась Анна в столицу; но, приехав, сразу же взяла власть в свои белые ручки и, воодушевленная любовью Августа, стала управлять, как настоящая королева, не считаясь ни с наместником Фюрстенбергом, ни с кем из тех, кому король доверил управление. Это увеличило число ее врагов.

В гуще битв и кровавых сцен Август оставался самим собой. Любовь всегда играла главную роль в его жизни. Он терял королевства, но завоевывал сердца.

Дни господства Анны Козель омрачались эпизодами, разыгрывавшимися под гул оружия. Страстная любовь к ней жила еще в сердце короля, но всякий раз, расставшись с Анной, он поддавался своим дурным наклонностям. Несчастный, терпевший поражение за поражением, он сейчас ощущал особенную потребность в развлечениях, а придворные, считавшие графиню Козель опасной для себя, потворствовали всему, что могло вызвать охлаждение к ней.

Фюрстенберг, получивший отставку у графини Анны, графиня Рейс и вся клика недругов искали способов подорвать власть Козель и низвергнуть ее. Анна слишком верила в свое обаяние и превосходство, чтобы придавать этому значение, и усмешкой встречала вести о кознях врагов. Узы, связывавшие ее с королем, укрепились появлением на свет двух дочерей. Высокомерная женщина считала, что равной ей Августу не найти, лишь она одна может делить с ним все тяготы войны, не боясь ни выстрелов, ни бешеной езды, ни лагерной жизни под открытым небом.

Но еще во время пребывания Анны в Варшаве сердце не зря подсказывало ей, что она обманута. Король тайком от нее завел интрижку с дочкой лавочницы-француженки, в винный погребок которой частенько наведывались офицеры. Анна, узнав об этом, грозилась пустить королю пулю в лоб, но Август, смеясь, целовал ей ручки и вымолил прощение. Несмотря на свое волокитство, Август и вправду любил Анну, она была ему милей всех его возлюбленных, она умела

как никто другой улаживать его жизнь, с ней одной он был счастлив.

Графиня Козель вернулась в Дрезден, окруженная толпой поклонников, недостатка в которых она никогда не ощущала, хотя безжалостно над ними издевалась. На душе у нее было тревожно, и, чтобы утешиться хоть немного, она стала досажать своими требованиями наместнику Фюрстенбергу.

Война, расходы, разруха в стране, утрата Августом польской короны – ничто не изменило образа жизни Анны Козель, не заставило ее отказаться от роскоши. Графиню содержали по-царски, Бетгера баловали, со дня на день ожидая от него золота. Фюрстенберга повсюду сопровождала гвардия, певцы и итальянская капелла стоили тысячи, а Карл XII тем временем занимал Саксонию, и Паткуля обрекали на мученическую смерть.

Август же, несмотря на неудачи, разыгрывал роль беззаботного полубога.

Еще не умолк гул оружия, как, скрепив своим позором договор, Август II вернулся в столицу и тут же направился к графине Козель. У входа в ее апартаменты король увидел верного Заклику. Он сидел, опершись на подлокотник кресла, погрузившись в глубокое раздумье. При виде короля Раймунд вскочил, чтобы преградить ему путь.

– Ваше величество! Графиня больна... доктор каждую минуту ждет... появления на свет...

Слегка оттолкнув его, король вошел. В комнатах стояла

глубокая тишина. Из спальни донесся детский плач.

Анна, белая, как мрамор, обессиленная от страданий, не в состоянии произнести ни слова, протянула Августу руки и показала на ребенка, которого держала на руках старушка. Король взял его и, назвав своим, поцеловал. Потом подошел к кровати и сел, закрыв лицо.

– Анна, – сказал он, – весь свет презирает меня, и ты перестанешь меня любить. Счастье изменило мне, я побежден, повержен, лишился всего.

– Август, – ответила Анна, плача и ломая руки. – Бедного и несчастного, даже закованного в кандалы, я буду любить тебя еще больше.

– Я очень нуждаюсь сейчас в утешении, – мрачно промолвил король, – неприятель настиг меня на моей земле, союзники бессильны помочь. Победителю смиренно кланяется весь мир, он властвует здесь, а не я. Я самый несчастный из монархов.

В таких сетованиях пролетел первый час пребывания короля в Дрездене; больная нуждалась в отдыхе, а короля ждали примчавшиеся уже военачальники и чиновники. Они окружили его в галерее, ведущей во дворец четырех времен года, – Флемминг, наместник Фюрстенберг, Пфлюг, Гойм и прочие, напуганные бедами, валившимися на Саксонию. Все искали у него на лице следов горести и страданий, но король выглядел лишь немного усталым и рассеянным. Ничто не выдавало обрушившегося на него несчастья. Эгоизм глушил

в нем все, ведь сам он был цел и невредим...

Пятнадцатого декабря 1706 года Август прибыл в Дрезден, а на следующий день исчез. Втроем, с Пфлюгом и единственным слугой, он помчался верхом в Лейпциг, а затем – к Карлу XII, надеясь произвести на него впечатление своим величественным видом и добиться у неумолимого шведа более выгодных условий мира.

Узнав, что саксонский король едет к нему, Карл XII, желая соблюсти приличие, выехал ему навстречу. Короли разминулись. Август, прибыв в Гюнтерсдорф, где находился граф Пипер, узнал, что в Альтранштадте (в получасе езды оттуда) шведского короля нет...

Станным должен был показаться двор и военный лагерь сурового, коротко остриженного Карла XII тщательно завитому Августу.

Монархи встретились на лестнице. Никогда, быть может, два противоположных характера не сказывались так явно на внешнем облике. У Карла был вид пуританина. Саксонский король похож был на придворного Людовика XIV. Закоренелые враги сердечно приветствовали друг друга. У дверей долго спорили, кому войти первым, церемонно кланяясь друг другу; Карл XII пропустил поверженного неприятеля вперед. После самых нежных поцелуев и пожатия рук начались у окна переговоры, продолжавшиеся час; о чем шла речь, никто не слышал, но Август вышел оттуда бледный и хмурый.

День, проведенный с Карлом XII, лег тяжким бременем на сердце Августа, он старался не вспоминать о нем. Наутро Август, не вымолвив больше ни слова, вернулся в Лейпциг, где Карл XII, соблюдая этикет, отдал ему короткий визит. В договоре, однако, никаких изменений сделано не было.

Тяжело начался для Августа следующий год, пребывание шведов на саксонской земле угнетало его, и он готов был на любые жертвы, лишь бы избавиться от них. То в Альтранштадте, то в Морицбурге и Лейпциге, хлопоча о ратификации договора, проводил Август дни своего бесславия.

Странно выглядел саксонский король в парчовом тканном золотом одеянии *a la française*,<sup>22</sup> в тщательно завитом парике, весь усыпанный драгоценностями, рядом с коротко остриженным Карлом XII в высоких сапогах, суконном кафтане со стальными пуговицами и лосиных штанах. Они встречались, обменивались любезностями, но Карл XII ни в какие разговоры о политике или о делах не вступал. Для этого были Пипер и Цедернхельм. Как-то между прочим Карл XII сказал саксонскому королю, что уже лет шесть не снимал своих высоких сапог, – времени не было. Август усмехнулся.

Приглашения к столу в Лейпциге Карл XII ни разу не принял. Август же садился с ним за стол, хотя и мучился: спартанская похлебка шведа была ему не по вкусу, к тому же у шведа во время еды не положено было произносить ни слова. Ели молча, а обед продолжался час.

---

<sup>22</sup> На французский манер (франц.).

После подписания договора короли несколько месяцев совсем не виделись. Карл XII, однако, покидать Саксонию не собирался. По слухам, раздосадованный вконец Август, встречаясь со шведом в Лейпциге, делал вид, что не замечает его.

Забот у бедного короля и помимо шведов хватало, и, чтобы отвлечься от своих горестей, он охотился, занимался любовью, сеял интриги среди придворных. Двор его был все таким же блестящим. Карл XII неустанно муштровал своих солдат. Август II давал балы. Покой его и приятные сновидения отравлял только несносный Фюрстенберг, который по воле случая оказался наместником в Дрездене.

Об этом человеке, ставшем врагом Анны Козель, следует сказать несколько слов. При дворе Августа, состоявшем, чтобы ослабить влияние саксонского дворянства, из чужеземцев и немцев из соседних государств, Фюрстенберг сразу показался чужаком. Приехал он сюда из империи, был католиком, и даже очень ревностным, не отличался ни особенным характером, ни исключительными способностями, но был предприимчив, весел, многоречив, остроумен и обладал даром забивать королю голову всякими нелепостями. Фюрстенберг разыгрывал при дворе роль магната и аристократа, а на самом деле был опытным интриганом и вел тайную борьбу со своими врагами. Преданный графине Рейс, он служил орудием в ее интригах. Дом ее и друзья были к услугам Фюрстенберга. Князь не заметил, как он, собиравшийся

дать отпор саксонскому дворянству, сам попал в его силки. Поймали его Фризены с помощью графини Рейс и запрягли в свой воз.

Вскоре после того, как Козель фактически стала королевой, она освободилась от пут графини Вицтум, графини Рейс и ее окружения. Они не были нужны ей, и она даже для вида не хотела поддерживать с ними какие-либо отношения. Это стало поводом для начала тайной войны.

В отсутствие короля доносчики следили за каждым шагом Анны, за каждым ее словом, обсуждали каждый ее поступок, чтобы потом настроить против нее короля. Время для действий еще не наступило, Фюрстенберг выжидал и сдерживал других. Возвращение короля было триумфом для Анны Козель.

Анна не вставала еще с постели и требовала, чтобы Август был все время с ней. Однажды утром королю доложили, что из Варшавы прибыли срочные депеши (у короля были там еще приверженцы). Он собрался было идти, но Анна попросила позвать министра Бозе с бумагами к ней в спальню. В этом не было ничего странного. Деспотичной, властной воле Козель король никогда не противился. Министра Бозе впустили в спальню.

Из трех известных при дворе важных сановников из рода Бозе, входивший сейчас в спальню с церемоннейшими и низжайшими поклонами, был самым старшим и, как говорят, самым умным. Воздавая почести его величеству, он так со-

гнулся, что виден был лишь его весьма потрепанный парик. Таким же поклоном почтил он и прелестную больную, которая, утопая в пуху и кружевах, подобна была бледной розе в снегу.

Под мышкой Бозе нес бумаги. Он еле слышно шепнул королю – срочно, из Варшавы.

Они отошли к единственному приоткрытому слегка окну, остальные были затянуты плотными занавесями. Анна не спускала с них глаз. Она услышала «из Варшавы» и наблюдала издали за выражением лица короля, надеясь отгадать, что содержится в бумагах. Бозе худыми костлявыми руками, торчавшими из накрахмаленных манжет, почтительно подавал его величеству бумагу за бумагой, конверт за конвертом. Пакеты были солидные, с большими печатями. Козель лежала, не шевелясь, подперев рукой голову.

Но вот Бозе шепнул что-то и вручил королю небольшое письмецо какого-то подозрительного вида. Король вскрыл конверт, пробежал письмо, улыбнулся и покраснел; он невольно перенес взгляд на Козель. Она приподнялась, встревоженная.

– Что это за письмо? – спросила Анна.

– Деловое, а что?

– Покажите его мне! – вскрикнула больная.

– Незачем! – холодно ответил король, продолжая читать.

Козель вспыхнула. Забыв о присутствии почтенного старца, который закрыл глаза и отпрянул, как громом поражен-

ный, Анна в одной рубашке вскочила с постели и вырвала письмо из рук Августа. Король смутился, взглянул на советника, тот стоял в смиренной позе человека, не знающего куда деваться.

Козель пожирала письмо глазами, а потом в неопишемом гневе разорвала его на клочки. Предчувствие не обмануло ее: письмо было от Генриетты Дюваль, с которой король, обманывая Анну, завел интрижку в Варшаве, в нем сообщалось о рождении дочери, ставшей потом знаменитой графиней Ожельской. Несчастливая мать спрашивала короля, как быть с ребенком.

– Пусть она бросит его в воду, пусть утонит! – закричала Анна. – Как я утопила бы ее, если бы могла!

Король засмеялся, Анна стала плакать. Бозе с поклонами, понимая, что он здесь лишний, попятился к двери.

– Анна, ради бога, успокойся! – промолвил король, подходя к постели.

– Как? Ты, для которого я пожертвовала всем, смеешь обманывать меня, изменять мне, преданной жене своей!

Это была уже не первая сцена ревности, Анна устраивала их после каждой измены Августа и не оставляла его в покое, пока он не вымаливал прощения у ее ног, обещая исправиться. На этот раз добиться прощения было трудно, Август целовал ее руки, не помогало.

– Чего ты требуешь от меня? – спросил он.

– Если ты хоть одно слово напишешь в ответ этой него-

дядке, если ты хоть пальцем для нее пошевелинешь, – крикнула Козель с возрастающей горячностью, – клянусь тебе, я поеду на почтовых в Варшаву и убью мать и дочь.

Королю пришлось дать рыцарское обещание, что он ни словом не отзовется, забудет жертв своих прихотей, предоставит воле судьбы их участь. Так закончилась эта сцена, о которой Бозе ни словом не обмолвился, ибо как никто другой боялся восстановить против себя всемогущую госпожу. Его политика заключалась в том, чтобы быть тише воды, ниже травы и не навлекать на себя гнева. Многие считали его простодушным старичком, он помалкивал и делал вид, будто знать ничего не знает.

## 10

Никто бы и не узнал об утреннем происшествии, если бы король, утомившись за день, не вздумал собрать вечером в малой столовой тесный кружок приближенных, чтобы немного развлечься. В вине топили воспоминания о шведе. После второго или третьего кубка – рюмок там не признавали – король с ухмылкой поглядел на Фюрстенберга.

– Как досадно, – сказал он, – что не ты, а старый Бозе пришел ко мне сегодня с бумагами из Польши. Ты, может, помирился бы с Козель, если бы увидел ее в наряде, в каком она предстала перед стариком.

– А что такое? – спросил князь. – Ведь графиня не встает

с постели?

– В том-то и дело, она вскочила в одной рубашке, чтобы устроить мне безобразнейшую сцену из-за письма несчастной Генриетты. Графиня невозможно ревнива, и я ничуть не удивился бы, если бы она в приступе ревности сдержала слово и пустила мне пулю в лоб. Пистолет у нее всегда заряжен.

Фюрстенберг обвел присутствующих настороженным взглядом, чтобы удостовериться – нет ли среди них доносчика: были только свои, все они терпеть не могли Козель.

– Ваше величество, – заговорил он с многозначительной усмешкой, – графиня Козель, которая так ревниво охраняет ваше сердце, что впрочем, вполне понятно, сама уж никак не должна бы давать повода к подозрению и ревности.

Август медленно приподнял голову, нахмурился и ледяным голосом сказал:

– Дорогой Фюрстенберг, кто решается сказать такое, должен хорошо взвесить свои слова и помнить о последствиях. Изволь-ка объясниться.

Князь взглянул на своих единомышленников.

– Уж ежели слова эти вырвались у меня, я обязан доказать их справедливость. Не я один, мы все были свидетелями того, как развлекалась графиня в отсутствие вашего величества. Дворец был всегда полон... полон гостей, поклонников, а старший граф Лешерен, удостоившийся особой благосклонности, из дворца почти не выходил. Часто видели его с братом или одного, выскальзывающего оттуда около полу-

ночи. Каждый день на обеде, каждый день за ужином.

Два брата Лешерен, старший очень красивый, с аристократической осанкой, весьма образованный и тонкого ума человек, и младший, почти ни в чем ему не уступавший, рыцарь Мальтийского ордена, готовившийся к духовной карьере, несколько месяцев тому назад прибыли в Дрезден искать счастья при дворе. Поняв, откуда исходят милости, они сделались преданными друзьями графини. Козель выхлопотала им у короля звание камергеров. Надеясь, по-видимому, и на другие милости, они остались в саксонской столице. Придворные Августа, зная, что он любит окружать себя иностранцами, видели в них опасных соперников. Фюрстенберг заронил в короле подозрение не только для того, чтобы навредить Козель, но еще и для того, чтобы избавиться от старшего Лешерена, который благодаря своим недюжинным способностям мог достичь высокого положения.

Король Август выслушал Фюрстенберга с деланным равнодушием, но князь, да и все присутствующие, прекрасно научились отгадывать его истинные чувства по едва заметному изменению в лице, и все поняли: стрела попала в цель.

– Что ты мелешь, Фюрстенберг, – ответил Август, – зависть говорит в тебе, графиня тебя не любит! Ты что хотел бы, чтобы она сидела, запершись в четырех стенах, и скучала? Ей нужны были развлечения, а Лешерен человек занятый.

– Ваше величество, – произнес наместник с притворным

простодушием, — я вовсе не собирался доносить вам об этом, слова вырвались у меня нечаянно. Пользуясь расположением вашего величества, я не так уж ценю благосклонность графини. Но мне, вашему преданному слуге, досадно было видеть, как за любовь, такую верную, пылкую, сильную, платят неблагодарностью.

Август помрачнел. Кубки стояли наполненные, разговор оборвался, король встал.

По впечатлению, произведенному его словами на короля, Фюрстенберг понял, что дело проиграно. Когда Август желал избавиться от какой-нибудь фаворитки, он цеплялся за каждый удобный случай, даже сам подсылал придворных, чтобы иметь повод для преследования и разрыва, но сейчас все убедились, что любовь к Козель еще не остыла.

В тот день графиня в первый раз встала с постели. Август не пожелал продолжать вечернее пиршество, попрощался кивком головы с гостями и направился в кабинет.

Фюрстенберг и придворные были смущены, князь заставил себя улыбнуться, чтобы скрыть охватившую его тревогу.

Невольный свидетель подслушал разговор за столом. Заклику, в верности и привязанности которого Анна не сомневалась, она всякий раз посылала с записками к королю, чтобы вручить их в собственные его величества руки. Соскучившись в одиночестве, графиня написала королю письмо и отправила его с Закликой как раз в тот момент, когда были наполнены кубки. Прерывать пиршество не разрешалось.

Заклику, однако, слугам велено было впускать в любое время. Незамеченный, он встал позади огромного буфета, ожидая удобного случая, чтобы отдать королю записку. Фюрстенберг как раз в это время говорил о Лешерене. Опасность, грозившая, как ему казалось, Анне, придала Раймунду храбрости, он незаметно улизнул, так и не вручив королю письма, побежал назад во дворец и постучался в спальню графини.

Анна хорошо изучила Заклику, он был единственный слуга, которому она верила, изредка вознаграждая его улыбкой. Когда он вошел, графиня по его бледному лицу поняла, что случилось что-то недоброе.

– Говори, – вскричала она, подбегая. – Что-нибудь случилось с королем?

– Нет, – ответил Заклика, – я, быть может, виноват, что прибежал сюда, но вот чему я был свидетель, что слышал и о чем, мне кажется, обязан вам доложить...

Торопясь, срывающимся голосом Заклика передал слово в слово поклеп Фюрстенберга. Анна слушала его, красная, растерянная, оскорбленная; она молча взяла у Заклики письмо и кивнула, чтобы он ушел. Сердце ее колотилось неистово. Сама не зная зачем, она вышла из спальни и, пройдя кабинет, уселась в огромном пустом зале, как всегда освещенном в тот вечер, хотя приема не ожидалось. Стены зала были увешаны портретами и картинами из жизни Августа II; на одной из них была изображена торжественная церемония его коронации. Блестевшими от слез глазами Анна безучаст-

но глядела на картину, как вдруг услышала шаги Августа. Он шел быстро, разыскивая ее повсюду, бледный, расстроенный, сердитый. Графиня встала и, будто не заметив, что он вошел, подошла к картине.

– Как? – воскликнул Август. В голосе его слышался плохо скрываемый гнев. – Вы изволите смотреть на мое изображение? Глазам своим не верю. Вот уж не ожидал такой чести.

– Ваше величество, – ответила, поборов волнение, Козель, – было бы смешно, если бы вы, зная высокие свои достоинства, могли допустить, что я обращаю свой взор на кого-нибудь другого. Даже легкомысленнейшая из женщин никогда бы не позволила себе этого. Откуда у вас такие подозрения?

– Да, – прервал ее король дрожащим голосом, – до сих пор я льстил себе, полагая... думал, что... но видимость бывает обманчива, а причуды женщин необъяснимы.

Слова короля, еле сдерживаемый гнев успокоили Анну, она поняла, что он ревнует, а, следовательно, любит, но все же притворилась оскорбленной.

– Не понимаю, ваше величество, – сказала она, – что значат ваши загадочные слова? Разве я дала повод? Сობлагово-лите высказаться яснее, чтобы я, по крайней мере, знала, как оправдаться и доказать свою невиновность.

– Невиновность! – прервал ее король так резко, что Анна испугалась. – Есть случаи, когда доказать невиновность невозможно! У меня есть улики.

– Улики! Против меня! – вскричала Анна, заломив руки. – Это сон, бред, мука! Август! Говори, я ничего не понимаю. Я ни в чем не виновата.

Козель бросилась королю на шею; он пытался отстранить ее, но она схватила его за руку и расплакалась.

– Сжался надо мной! Скажи! Я должна хотя бы знать, за что страдаю. Какой-то мерзкий клеветник посмел возвести на меня страшный поклеп.

Не скоро удалось Анне унять гнев короля, после вина Август был особенно неистов; но, в конце концов, слезы его смягчили.

– Ваше величество, господин мой, объясните, чем вызван ваш гнев, – умоляла Анна, – вы видите, я с ума схожу от горя! Скажите, откройте! Вы больше не любите меня? Ищете повода, чтобы избавиться? Раньше, раньше любовь ваша была так сильна, что вы даже заблуждение бы мне простили, а сейчас сердце ваше где-то далеко...

Август уже немного остыл.

– Хорошо, – сказал он, – слушай же, если тебе так хочется, я только что из замка и говорил там с Фюрстенбергом.

– Все ясно! Он мой враг! – прервала его Козель.

– Князь сказал мне, что весь город возмущен твоим поведением с Лешереном.

– С Лешереном? – переспросила, смеясь и пожимая плечами, Козель.

– Лешерен, – продолжал король, – не считал даже нужным

скрывать своих чувств к вам, а вы принимали его каждый день, он просиживал с вами целые вечера, его видели...

– Да, все это верно, – сказала Анна холодно с оскорбленным видом, – Лешерен влюблен в меня, его нежные признания забавны. Но в чем тут моя вина? Я не скрывала этого, потому что мне нечего скрывать! Ты и вправду думаешь, что достаточно влюбиться в меня, чтобы стать моим возлюбленным? Это ужасно! Значит, такой вот Фюрстенберг одним злобным словом может подорвать твое доверие ко мне! Веру в сердце Козель!

Плача, она бросилась на диван. Король был укрощен. Он опустился на колени и стал целовать ее руки.

– Анна, прости меня, – начал он, – я не ревновал бы, если бы не любил. Ты права, Фюрстенберг самая ядовитая змея из всех, кого я пригрел при дворе. Прости меня! Больше никто не посмеет заподозрить тебя, мою Анну.

Анна все еще плакала.

– Ваше величество, – сказала она, рыдая, – если вы будете потворствовать клеветникам, подпустите их к трону, помните, они ни перед чем не остановятся, язык их не пощадит и вашу священную особу, для них нет ничего святого...

– Будь спокойна, будь спокойна, – ответил король, – клянусь, никто больше не осмелится дурного слова сказать о тебе...

Сцена закончилась нежными признаниями и заверениями с обеих сторон. Анне пришлось пообещать, что она и вида

не покажет, будто ей известно имя клеветника.

Так благодаря находчивости Заклики графиня Козель одержала победу.

Король, успокоенный, вернулся в замок, он словом не обмолвился с Фюрстенбергом, явно избегая его. Через главного гофмейстера Август приказал уведомить Лешерена, чтобы он немедленно оставил службу и покинул Дрезден. Приказ этот обрушился на молодого графа, как снег на голову, он не поверил ушам своим. Но комендант города подтвердил волю короля, дав графу двадцать четыре часа на сборы. Встревоженный Лешерен, ничего не понимая, помчался во дворец к графине. Заклика доложил о нем. Анна вспыхнула от волнения и беспокойства.

– Скажите ему, сударь, – вымолвила она тихо, – что я не могу принимать тех, кому король запретил показываться на глаза... Скажите ему... – она понизила голос, – мне искренне жаль, что он уезжает.

Анна сняла с руки перстень, недавно подаренный королем:

– Передайте ему этот перстень от меня, – сказала она совсем тихо, отвернувшись от своего верного слуги.

Заклика побледнел.

– Графиня, – осмелился он заметить тоже тихим, приглушенным голосом, – соблаговолите простить меня, но перстень подарен королем.

Козель, не терпевшая, чтобы ей прекословили, грозно на-

хмурила брови и топнула ногой:

– Я не прошу совета, а приказываю, выполняй!

Зкалика вышел в замешательстве.

Несколько лет тому назад, показывая свою необыкновенную силу, Заклика получил в награду от богемского графа, гостившего тогда при дворе, дорогой перстень с очень схожим камнем. Какое-то предчувствие подсказало ему обменять кольца: свое он отдал Лешерену, а подарок графини спрятал возле сердца.

Дня четыре спустя король вошел к графине, когда она совершала туалет. Анна всегда носила подаренный королем перстень на руке, глаз ревнивого любовника заметил его исчезновение.

– Где мой перстень с изумрудом? – спросил он.

Козель, не теряя самообладания, стала искать его с беспокойством на туалетном столе, на паркете, по всей комнате. Лицо короля покрывалось красными пятнами.

– Куда он девался? – допытывался Август.

Козель спросила у служанки.

– Я уже дня четыре не вижу его у вас на руке, – прошептала та.

Август подсчитал, что с отъезда Лешерена, – о его попытке повидаться с Анной он знал, – прошло как раз четыре дня.

– Не ищите попусту, – промолвил он с издевкой, – я догадываюсь, где он.

Анна невольно смутилась. Король впал в ярость. Он не

хотел слушать никаких объяснений. Слуги в страхе разбежались, голос Августа гремел по всему дворцу. Беспокойство охватило всех.

Козель, казалось, вот-вот лишится чувств, глаза ее заблестели от слез, но тут кто-то постучался в двери, графиня увидела бледное и грустное лицо Заклики.

– Простите, графиня, что я вхожу к вам без зова, – промолвил он, – но слуги сказали, что вы ищете перстень, а я час тому назад нашел его возле вашего туалетного стола и ждал удобного случая, чтобы отдать его вам.

Король бросил взгляд на перстень и замолчал. Графиня не взглянула на Заклику, ни слова не сказала королю; она медленно надела перстень на палец и, обдав любовника презрением, вышла из комнаты.

Этого было достаточно, чтобы успокоить короля и заставить его вымаливать на коленях прощения у оскорбленной женщины, но умиловить ее было не так-то легко.

Король весь день провел во дворце, и Анна никак не могла объясниться с Закликой. Август чувствовал себя униженным и виноватым. Анна холодно принимала его извинения, плакала, на нежности отвечала лишь смиренной покорностью, и это доводило несчастного Августа до отчаяния. Только к вечеру король удостоился прощения, и мир был восстановлен. Происшествие это укрепило в Августе веру в Козель и усилило власть графини; врагам ее пришлось замолчать.

Только после полуночи король ушел в свой кабинет сове-

щаться с ожидавшими его министрами. Карл XII отравлял всем покой; его пренебрежительное отношение к королю, к этому прекраснейшему из рыцарей, оскорбляло саксонский двор. Дикарь, мальчишка – Карлу XII было не многим более двадцати лет, – казался им кем-то вроде Атиллы, свято-татственно попирающим великолепие жизни, полной пышности и блеска.

Как только король удалился, Анна вскочила со стула, сверкавший на руке изумруд напомнил ей о Заклике. Анна позвонила. Вошедшего карлу (у нее, как у настоящей королевы, были в услужении карлы) она послала за Закликой.

Верный Раймунд сидел, как всегда, в передней на страже и читал какую-то замусоленную книгу. Увидев карлу, он понял, что час расплаты настал. Он спас графиню, но поступил самовольно, за это придется ответить. Мороз пробежал у него по коже. Раймунд чувствовал себя и счастливым и виноватым. Весь дрожа, он робко вступил на порог, графиня в наспех застегнутом платье, с рассыпавшимися по плечам черными волосами, прекрасная, как богиня, гордая, как всеильная владычица, ходила по залу. Увидев Заклику, она сдвинула брови и с грозным видом встала перед ним.

– Как посмел ты ослушаться, не повиноваться? Кто просил тебя прибегать к хитрости? Что за дерзость!

Заклика долго стоял молча, опустив голову, потом медленно поднял глаза.

– Я признаю свою вину, – сказал он спокойным голосом, –

да, на душе моей грех. Вспомните, госпожа моя, Лаубегаст и благоговение, с каким я издали на вас смотрел. Пусть все объяснит вам мое чувство, безумное и нелепое, от которого я до сих пор не могу избавиться. Я хотел спасти вас!

– Ни в чьей помощи я не нуждаюсь, – резко сказала Анна, – от слуги я требую повиновения, и больше ничего; ум его мне не нужен, а чувства холопов я презираю! Вы нанесли мне оскорбление.

Заклика опустил голову.

– Скажи я хоть слово королю, ты завтра же был бы брошен в Кенигштейн или повешен на площади. Откуда тебе знать, что для меня важнее: то, что Лешерен не получил перстня, или то, что ты помог мне выпутаться из минутного затруднения?

– Лешерен получил перстень! – сказал Заклика, и все грозные упреки соскользнули с него.

– Какой перстень?

– Очень схожий с вашим. Мне дал его богемский магнат Штернберг в награду за мою силу. Опасаясь, как бы король не вспомнил о подаренном им перстне, я вручил Лешерену свой.

Графиня, пораженная, взглянула на Раймунда, стоявшего с низко опущенной головой.

– Тебе полагается вознаграждение! – прошептала Анна, растерявшись.

– Нет, только прощение, – ответил Заклика, отойдя к две-

ри, – никакой награды я не приму.

Долго и странно смотрела на него Козель. Сострадание проснулось в ней, но гордость тут же заглушила его. Анна молча подошла к Заклике и протянула ему перстень, предназначенный для Лешерена; Раймунд как бы пробудился ото сна, увидев его в белой дрожащей руке.

– Графиня, – сказал он, – я не могу его принять... нет! Он напоминал бы мне о вашем жестокосердии.

Анна переложила кольцо в другую руку, а эту поднесла к губам Заклики, и он с жаром, преклонив колени, поцеловал ее; потом как безумный выскочил из комнаты. Козель осталась одна, в раздумье, со слезами на глазах.

– Так любят бедные люди, – сказала она себе, – короли любят иначе.

Между тем шведы не уходили из Саксонии. Карл XII ни на какие уступки не шел. К Августу он был безжалостен и полон презрения, с дворянством суров, к народу жесток – солдаты его силой вербовали людей в отряды. Сговориться с Карлом было невозможно. Получив приглашение на охоту или пир, он посылал вместо себя придворных, а сам отправлялся муштровывать свежезавербованных солдат. Балы, концерты, маскарады не интересовали его. Мир был подписан, Паткуль выдан, а Карл XII все сидел и сидел на саксонской земле.

Беспрестанные унижения и жертвы вконец исчерпали терпение саксонцев. Наглость шведа, свободно, без всякой

охраны разъезжавшего в сопровождении двадцати или тридцати всадников по завоеванной стране, вызывала возмущение в сердцах отважных воинов.

Однажды утром, когда король совещался с министрами, ему доложили о приходе графа Шуленбурга. Старого вояку пригласили на это совещание, но там он говорить отказался и попросил короля дать ему аудиенцию. Флемминг, Фюрстенберг и другие придворные вскоре удалились, король с Шуленбургом остались одни.

– Что скажете, генерал? – спросил Август. – Быть может, вы принесли мне радостную весть, что шведы уходят?

Шуленбург горько усмехнулся.

– Нет, ваше величество, – ответил он после минутного раздумья, – но есть средство избавиться от них.

– Должен сознаться, что я такого средства не вижу, разве что сам господь бог ниспошлет нам войско с Михаилом Архангелом во главе под вашу команду.

– Ваше величество, – прервал его Шуленбург, – нужно, по-моему, отважиться на риск, и тогда мы обойдемся без архангелов. Шведов, разбросанных по Саксонии, всего двадцать с лишним тысяч, небольшая горстка, которая стала грозной силой, потому что ее возглавляет один смельчак. Если схватить этого смельчака, остальные будут не страшны.

– Что говоришь ты? Схватить? Когда заключен мир? И он чувствует себя в полной безопасности, доверяет нам?

– Самое время свершить справедливую месть, – ответил

Шуленбург. – С офицерами нашей конницы, скрывающимися у Тюрингской границы, мы произвели рекогносцировку штаб-квартиры Карла XII. Она укреплена слабо. Я могу ночью напасть на шведа, схватить его и отвести в Кенигштейн, пусть они осаждают нас потом: мы не сдадимся. Впрочем, голова короля будет служить гарантией нашей безопасности. Карл подпишет такой договор, какой мы захотим.

Август внимательно слушал его.

– А если не повезет? – спросил он.

– Не повезет мне, а не вам, ваше величество, – сказал генерал, – я хочу освободить страну и Европу от молодого разбойника, готового огнем и мечом уничтожить ее.

– Генерал, – буркнул король, – вы, по-моему, бредите, рыцарская честь для меня превыше всего, и напасть на врага таким предательским образом я не в коем случае не позволю; не могу, – добавил он, вспыхнув. – Я ненавижу его, задушил бы своими руками, но схватить его среди ночи, напасть, воспользовавшись его доверием ко мне. Нет! Это не в обычаях Августа Сильного.

Шуленбург мрачно посмотрел на него.

– А с вами, король, всегда поступали по-рыцарски? – спросил он.

– Такие грубияны, такие неотесанные варвары, как этот молокосос, могут поступать, как им заблагорассудится, но Август, которого народ называет Сильным, а монархи Великолепным, не позволит себе такой низости.

Старый вояка покрутил усы, откланиваясь.

– А если это позволит себе ослушавшийся солдат? – спросил он.

– В таком случае мне пришлось бы взять неприятеля под защиту и освободить его, – воскликнул Август, – вне всяких сомнений.

– Необыкновенно благородно и красиво, – сказал Шуленбург, несколько иронически, но...

Он не договорил и низко поклонился. Король взял его за руку.

– Дорогой генерал, прошу вас, забудьте о том, что вы мне сказали. Нет, такой ценой я победы не хочу.

Шуленбург поднял на него потускневшие глаза, и в них был вопрос: разве выдача Паткуля, заключение в тюрьму Имгофа и Пфингстена – поступки более благородные, чем тот, что вызвал в Августе такое негодование? Король, возможно, понял этот немой укор, догадался, что означает молчание генерала, лицо его побагровело.

Шуленбург стоял, опустив голову.

– Нас может спасти только смелый, рискованный шаг, – буркнул он в усы, – обычные средства уже не помогут. Игра идет не на жизнь, а на смерть. А терять нам нечего. Одна корона, стоившая миллионы, потеряна, от другой лишь обломки остались, а дальше что?

Август с усмешкой на губах прошелся по кабинету.

– Что дальше? – промолвил он. – Этот самонадеянный

мальчишка не остановится, он пойдет дальше. Несколько побед вдохновили его на дерзкие необдуманные действия. Но однажды наглые замыслы его рухнут, ибо он не рассчитает своих сил. Зачем нам навлекать на себя позор, для того лишь, чтобы ускорить то, что и так неминуемо, неотвратимо? Не лучше ли набраться терпения, чтобы потом воспользоваться плодами чужих побед? Карл XII весь раздулся от спеси, ему кланяется вся перепуганная Европа, эту спесь надо в нем разжигать, пока он не лопнет, наткнувшись где-нибудь на стену.

– А тем временем Саксония... Ваше величество!

– О! Народ все вытерпит! Несомненно! – воскликнул Август. – Народ, генерал, что трава, скот ее вытопчет, а она на другой год еще буйней растет.

– Но это ведь люди! – сказал Шуленбург.

– Чернь, – возразил король, – кто принимает в расчет массы, толпу?

Наступило молчание, генерал откланялся. Но на пороге король остановил его.

– Ты с кем-нибудь об этом говорил? – спросил он.

– Мои офицеры первые подали эту мысль, – прошептал Шуленбург, – я знаю, что ее горячо разделяет Флемминг, он тоже придерживается мнения, что против вероломного захватчика все средства хороши.

– Значит, все знают? – с беспокойством спросил король.

– От меня? Никто, – ответил серьезным тоном генерал. –

От других – возможно.

– Ради бога, прикажите молчать! Ни слова об этом!

Генерал откланялся еще раз, король в раздумье опустил на стул.

После выдачи Паткуля столь благородный жест выглядел, по меньшей мере, странно.

## 11

Дерзкие разезды Карла XII по стране не только у Шуленбурга вызвали желание захватить его и отомстить за разорение страны. Не говоря о Флемминге, графиня Козель, бесстрашная, смелая, мстительная, пестовала втихомолку эту мысль и готовила тайный заговор. В нем принимал участие весь ее связанный клятвой двор. Это она через офицеров, произведших тайный осмотр квартиры Карла XII и выследивших, что он часто отлучается в сопровождении всего нескольких верховых, подала Шуленбургу такую идею. Она не делилась своими планами с королем, заранее зная, что он на столь смелый шаг не решится. Мстительная женщина шла дальше других заговорщиков, она требовала, чтобы схваченного Карла тотчас убили. Мысль эта засела в ней, мучила ее, не давала покоя.

Но напрасно Анна намекала и как бы случайно пыталась выведать мнение короля, Август не желал даже разговаривать на эту тему. Приходилось действовать за его спиной.

Враждебно настроенный к графине, но отважный Флемминг сделался ее союзником, горячо поддерживал ее и Шуленбург, собираясь осуществить заговор с помощью своей конницы.

Графиня утверждала, что Август, возможно, вознегодует, узнав о пленении шведского короля, но свершившимся воспользуется, а в Европе никто не встанет на защиту авантюриста Карла.

Заговорщики советовались в глубочайшей тайне, строили предположения, вынашивали замысел и, наконец, поручили Шуленбургу выведать мнение короля.

Когда Шуленбург вышел из кабинета государя, по лицу его без всяких слов можно было понять, что заговор отвергнут. Весть об этом разнеслась с быстротой молнии. Но Анну Козель ничто не могло остановить; она чувствовала в себе достаточно силы, чтобы действовать даже вопреки воле короля.

У Августа не было тайн от Анны; в тот же вечер он передал ей свой разговор с Шуленбургом. Графиня вскочила со стула.

– Что я слышу, король? Вы не согласились? Не хотите даже попытаться, отыгравшись на этом разбойнике, вернуть свои потери?

– Кто-нибудь отомстит за меня, – сказал король, – в этом я твердо уверен. Оставим это.

По нахмуренному лицу его Анна поняла, что сейчас воз-

ражать не время, и завела разговор о придворных сплетнях.

Графиня не раз просила Августа показать ей лабораторию алхимика. Бетгер содержался в то время в угловой башне замка, откуда открывался вид на Эльбу и на ее покрытые лесом берега. Уже много лет несчастный узник томился в неволе, окруженный, правда, всяческим вниманием, достойным того, от кого ждут груды золота.

Фюрстенберг все время держал Августа в заблуждении, уверяя, что ждать осталось уже недолго. Он сам работал вместе с узником то в своей химической кухне, то в тюремной башне. У Бетгера была теперь очень хорошая удобная квартира с большим садом, полным цветов и заморских деревьев; стол, за которым сживали его гости, был весь уставлен серебром, ему разрешалось гулять по скрытым переходам длинной галереи, окружавшей замок и крепость и служившей королю для тайных его походов.

Смирившись со своей участью, понимая, что удрать из-под стражи невозможно, Бетгер тянул время и обманывал Фюрстенберга, сам потеряв уже окончательно веру в успех. Он исчерпал все формулы, прочитал все книги, испробовал все рецепты, – тщетно!

Зная о всемогуществе Анны Козель, алхимик, чтобы снискать ее расположение, посылал ей каждый день букет из самых прекрасных цветов своего сада. Графине очень хотелось посетить Бетгера, но король все оттягивал визит. В этот день Анна была так настойчива и в то же время так нежна и

прелестна, что Август встал, подал ей руку и сказал:

– Пойдемте к Бетгеру.

Король выглянул в окно и увидел Фрелиха в островерхом колпаке, который отмахивался от обступивших его придворных; все громко смеялись. Август кликнул шута.

– Вот подходящий посол, он пойдет впереди и оповестит о нашем визите, чтобы мы не застали алхимика врасплох, в каком-нибудь неприличном обществе, – сказал король.

Для поддержания духа Бетгеру разрешалось даже принимать у себя прекрасный пол. На пороге появился Фрелих.

– Назначаю тебя на сегодня, но только до вечера, камергером, – засмеялся король, – чтобы ты не говорил, что зря носишь такой тяжелый ключ. Ступай и оповести Бетгера, что богиня Диана в моем сопровождении посетит его сегодня.

– В сопровождении Марса, Аполлона, Геркулеса, – добавила обрадованная Козель.

– Весь, значит, Олимп, – заметил шут, низко кланяясь, – где же он там поместится?

Фрелих с важным видом отправился по скрытому переходу к угловой башне, нащупывая палкой путь.

В тот день за столом алхимика собралось веселое общество. Кубки осушались, островам не было конца. В числе гостей были князь Фюрстенберг, большой друг Бетгера, известный любитель алхимии Чирнхаус, секретарь и смотритель Немиц. Круглая, с толстыми стенами комната в башне, занимавшая весь этаж и служившая узнику для приема

гостей, была обставлена со вкусом и чуть ли не с царственной роскошью. Стены были обиты персидским шелком, с вытканными на нем цветами и золотыми полосками, комнату оживляли зеркала, кругом стояла лакированная, позолоченная мебель, столы и шкафчики украшала бронза во вкусе того времени. Небольшая лестничка в толстой стене за потайной дверцей вела вниз и соединяла гостиную с мастерской, другая лестничка со спальней наверху.

Бетгер выделялся среди своих гостей складной фигурой и веселым лицом, которое так и искрилось живой мыслью. Великолепно одетый, он походил больше на богатого дворянина, который приехал с визитом, чем на знаменитого, корпевшего над тиглями и содержащегося под замком узника – обладателя великой тайны. По виду его нельзя было сказать, что он очень страдает или изнурил себя в поисках великого секрета. За рюмкой Бетгер был самым остроумным из со-трапезников, в обществе – самым блестящим из шутников. Друзья как раз осушали бокал за успешное завершение его дела, а ученик аптекаря приготовился ответить им, когда на пороге появился королевский посол в островерхом колпаке и в пунцовом на этот раз фраке.

– А! Фрелих! Фрелих! – закричали пирующие. – С чем пожаловал?

– Прошу прощения, сегодня я не просто Фрелих, как вам может показаться. Его королевскому величеству угодно было возвести меня на двадцать четыре часа в сан камергера

и послать, как положено по чину, сюда с вестью, что богиня Диана в сопровождении Геркулеса окажут Бетгеру честь, посетив его. *Dixi*<sup>23</sup>.

Шут стукнул палкой об пол, все вскочили из-за стола. Бетгер с Немицем, призвав на помощь слугу, стали торопливо очищать стол. Растворили окна, хозяин послал за цветами. Чирнхаус, хорошо знакомый с расположением дома, отворил потайную дверцу и спустился в лабораторию, чтобы скрыться там от короля. Остальные разбежались кто куда через боковые выходы, зная, что король пойдет по тайной галерее; остались только Бетгер, Немиц и князь.

Спешно навели порядок, пол устлали цветами, Бетгер с букетом цветущих померанцевых веток встал у порога.

Когда появилась графиня во всем сиянии своей красоты, узник опустился на колени.

– Богов принимают коленапреклоненными, – произнес он, – а в дар им приносят фимиам и цветы!

Внесли свет, он рассеял вечерний сумрак.

Приняв с улыбкой из рук хозяина букет, Козель учтиво поблагодарила его и с любопытством огляделась, удивляясь, что не видит здесь никаких следов «великого дела».

Король, вошедший вслед за графиней, тут же разрешил ее недоумение.

– Но я хочу быть там, где в поте лица и с молитвой на устах свершается великая тайна.

---

<sup>23</sup> Я сказал (*лат.*)

– Графиня, – возразил Бетгер, – божеству не следует спускаться в преисподнюю, там, внизу, очень страшно, испарения там вредные и вид удручающий.

– Но женское любопытство, – вздохнула Козель и посмотрела на Августа.

Август взглянул, в свою очередь, на Фюрстенберга, князь пожал плечами.

– Графиня не привыкла ходить по таким узким и темным лестницам, – промолвил он.

Анна решительно повернулась к Бетгеру:

– Боги приказывают, ведите нас.

Она подошла к дверям, а хозяин нажал на вделанную в противоположную стену бронзовую кнопку, отворил потайной ход и встал там с канделябром в руке.

Август больше не возражал. Они спустились по узкой неудобной лестнице к окованным железом дверям мастерской. Когда Бетгер отворил ее, глазам представилась просторная с тяжелыми закопченными сводами комната, как бы сошедшая со старинной картины. У толстых столбов стояли печи, а на них остывшие реторты, тигли и разная утварь самых причудливых форм, на стенах были укреплены полки со множеством бутылей и склянок; на столах громоздились старинные книги с медными застежками, пергаментные свитки, исписанные листы бумаги и самого разнообразного вида приборы. Все это казалось таким таинственным, мрачным, необычным, что графиня в страхе невольно прижалась

к плечу короля.

Бетгер стоял молча, держа высоко в руке канделябр.

С должной почтительностью рассматривал Август лабораторию больших надежд, которая должна была воплотить в жизнь его мечты. Тут внимание его привлекли какие-то предметы, лежавшие среди бумаг на столе. Это были чашечки цвета яшмы, и королю, большому знатоку и любителю фарфора, менявшему людей на японские вазы, они напомнили восточные изделия.

– Бетгер, – спросил он, – что это? Похоже на японский фарфор, но форма иная, где ты их достал? Это удивительная редкость!

– Ваше величество, – ответил, низко кланяясь, Бетгер, – это я развлечения ради попробовал сделать нечто похожее на фарфор из привезенной мне глинки.

Король взял протянутый ему сосуд удивительного цвета и стал молча с интересом разглядывать его, взвешивать и с недоверием рассматривать на свет.

– Как? Ты утверждаешь, что сделал его сам? Ты?

Бетгер нагнулся и поднял с земли точно такие же черепки, потом достал из-под вороха бумаг несколько чашечек и протянул их графине и королю.

– Но ведь это лучший в мире фарфор! – воскликнул восхищенный король.

Бетгер молчал.

– Ты изобретатель! Ты разгадал их тайну! – продолжал

Август. – Ради бога, делай для меня фарфор, а золото подождет. За один сервиз с моими гербами я уплатил в Китае пятьдесят тысяч талеров! Пруссак ободрал меня, взяв роту отборных солдат за несколько ваз, а ты умеешь делать фарфор и молчишь!

– Ваше величество, это только проба!

– И очень удачная. Бетгер, первый сервиз сделай для Дианы и положи к ее ногам.

Видя, что король восхищается изделиями Бетгера, все подошли поближе, чтобы взглянуть на чашечки, но никого, кроме Козель и Августа, они в восторг не привели. А Фюрстенберг подумал про себя, что если Бетгер займется фарфоровыми черепками, он забросит тинктуру.

Август, бурно всем увлекавшийся, был в восторге от фарфора. Весть об уходе шведов из Саксонии вряд ли обрадовала бы его больше. Он взял одну чашечку, попросил Анну сохранить ее, а затем, выразив Бетгеру полное удовлетворение, собрался уходить. Чтобы избавить графиню Козель и короля от неудобной лестницы, хозяин отпер дверь, выходящую прямо в сад, и король, предшествоваемый ожидавшими его придворными, направился тем же путем по потайному переходу в замок. День тот стал достопамятным в истории Саксонии, для которой случайное открытие Бетгера, долго державшееся под угрозой смерти в глубочайшей тайне, и в самом деле оказалось золотым дном.

Несколько дней спустя события, куда более драматиче-

ские, потрясли Дрезден. Если Шуленбург после первого же разговора с королем наотрез отказался от пленения Карла XII, то более решительная Козель, а также Флемминг вовсе не оставили этой мысли. Беспечность Карла XII предоставляла чуть ли не каждый день возможность выполнить смелый замысел, но не все было подготовлено.

Между тем дерзкий и слепо веривший в свою удачу Карл XII как бы зная о грозящей ему опасности и глумясь над ней, свободно разъезжал по вражеской земле.

Никому и в голову не могло прийти, что он сам кинется в пасть неприятелю, посмеет прибыть в Дрезден. Такая наглость должна была бы заставить исстрадавшихся людей отважиться на отчаянный шаг, но, увы, дворяне, способные, казалось бы, оказать сопротивление, были слишком развращены и испорчены излишествами и распутством.

После ратификации договора с императором и предоставлении свободы вероисповедания силезским протестантам Карл XII выехал из Альтранштадта. Он следовал за своим войском, предпринявшим под командованием Реншельда поход в Силезию, в Польшу и дальше на север. Значительная часть шведской армии покинула, наконец, Саксонию, остались только несколько полков под Лейпцигом. Неподалеку от Мейсена в Оберау Карл XII разбил свой лагерь. В погожий осенний день он отправился верхом на прогулку, и спутники его показали ему с холма маячившие вдали башни дрезденских соборов.

Карл XII долго стоял молча, в раздумье, потом обратился к небольшой горстке сопровождавших его людей:

– Мы так близко: надо бы доехать.

Был уже четвертый час пополудни, когда у ворот Дрездена появился неожиданный гость. Крепостные ворота были заперты. Карл назвал себя посланником шведского короля, и его со спутниками отвели на гауптвахту. Проходивший мимо Флемминг был поражен, он узнал Карла. Казалось, сама судьба повелела ему свершить замысел, который он так долго лелеял в душе. Карл XII был безоружен, его сопровождало всего несколько человек, он сам лез врагу в пасть. Флемминг в первую минуту чуть голову не потерял, но сумел овладеть собой и на вопрос Карла, как повидать короля, предложил отвести его к Августу.

Август в то время часто забавлялся в оружейной, проделывая там разные фокусы и упражнения. На этот раз он тоже был там вместе с сопровождавшей его повсюду графиней Козель. Способный, казалось, тратить свою силу только на забавы, король ломал железо своими сильными руками.

Веселый смех раздавался под сводами здания, когда в дверь постучались.

– Войдите! – крикнул Август и обернулся. Графиня тоже взглянула в ту сторону – и остолбенела, увидев Карла XII.

Шедший позади Флемминг делал королю и Козель нетерпеливые знаки, понять которые было нетрудно. Он ждал только кивка, чтобы кликнуть людей и схватить неосторож-

ного гостя. Август все еще стоял в оцепенении, когда Карл XII подошел к нему и обнял, весело приветствуя:

– Здравствуй, брат!

Козель не могла сдержаться, лицо ее пылало, схватив короля за рукав, она шепнула:

– Король, это воля судьбы! Если он уйдет отсюда цел и невредим, ты будешь виновен.

Карл XII расслышал, по-видимому, эти слова, лицо его стало суровым и напряженным. Август холодно обратился к графине:

– Я прошу, приказываю, оставь нас одних.

Графиня со свойственной ей вспыльчивостью хотела было возразить, но Август, сдвинув брови, настойчиво повторил:

– Оставь нас.

Козель повиновалась, бросив гневный взгляд на Карла XII, который спокойно разглядывал оружейную.

Проходя мимо, графиня с отчаянием взглянула на Флеминга, у которого тоже пылали яростью глаза. Тот только пожал плечами. Август взглядом приказывал обоим молчать. Король принял гостя, сохраняя полное самообладание.

– Мы много наслышаны о вашей силе, – сказал Карл XII несколько иронически, – и я рад, был бы увидеть хоть одно из чудес, которые вы так легко свершаете.

На полу лежал железный прут. Август поднял его.

– Дайте мне вашу руку, – сказал он с усмешкой, – не бойтесь, ничего плохого я вам не сделаю.

Карл молча протянул ему широкую, всю в ссадинах руку, Август начал сгибать вокруг нее прут. Глаза их встретились. Железо, как послушная веревка, обвилось вокруг руки Карла. Август стал затягивать прут узлом и, тут же с усмешкой сорвав путы, бросил их на пол. Карл за все это время не проронил ни слова. Потом они прошли с Августом по оружейной. Оружия здесь было вдоволь.

– Железа у вас много, – лаконично заметил швед – жаль, что людей не хватает.

Из оружейной, которая была в крепости неподалеку от башни Бетгера, оба короля направились к замку. Карл XII пожелал нанести визит вернувшимся в Дрезден членам королевской семьи: он и раньше, пренебрежительно относясь к Августу II, выказывал большое уважение его семье.

Между тем с гауптвахты разнесся по городу слух о том, что в Дрезден прибыл Карл XII в сопровождении всего лишь нескольких конников. Имя его, потрясшее всю Европу, возбуждало необычайное любопытство. Протестанты, знавшие по слухам, что он сделал для их единоверцев в Силезии, старались протиснуться к замку, чтобы увидеть его. Двор, Флемминг, – все, чья судьба была связана с Августом II, – возмущались дерзостью героя, который, глумясь над побежденным, ворвался, как триумфатор, безоружный в его гнездо. Возбужденный Флемминг и разъяренная графиня Козель грозились привести в исполнение свой план. Флемминг приказал созвать тайком людей гарнизона и захватить врага да-

же против воли короля Августа; Анна с пистолетом в руке грозила, что выстрелит в лоб Карлу XII прямо на улице.

Волнение было огромное, всеобщее, оно заметно уже было в то время, когда Август с Карлом направлялись к замку. Лишь у Августа вид был невозмутимый, и этим своим видом он, казалось, призывал всех к спокойствию. Он еще издали увидел приготовления, не скрылись они и от глаз Карла XII. Но швед ни на минуту не терял присутствия духа и мужества.

Он и не думал ускорить свой отъезд, а так как Август тоже не прочь был задержать его, возможно желая испытать его мужество и терпение, визит шведа длился довольно долго. Навестив королеву, Карл XII попросил разрешения обнять молодого курфюрста, но от вечерней трапезы равнодушно отказался. Они посидели во дворце с полчаса, и у Флемминга было достаточно времени, чтобы созвать людей, расставить их и, в случае если Август не разрешит задержать Карла XII в Дрездене, отправить под свою ответственность конный отряд, который мог бы захватить и связать Карла XII на обратном пути в Мейсен.

Покуда шведский король сидел у королевы, Флеммингу удалось переговорить с Августом.

– Ваше величество, – начал он резко, – это единственный случай, когда вы можете отомстить за все беды. Карл XII в ваших руках.

– Он полагается на мою честь, – ответил Август, – и поэтому ни один волос не упадет с его головы.

– Ваше величество, – настаивал Флемминг, – смешно носить со своим благородством по отношению к человеку, который был причиной стольких бедствий. Я схвачу его против вашей воли, хотя бы мне пришлось поплатиться за это головой.

– Дело не в вашей голове, – спокойно сказал король, – а в гораздо большем: в моей королевской чести. Не вздумайте ничего предпринимать!

– Даже под свою ответственность?

– Не может быть вашей ответственности там, где отвечаю я.

– Мне остается только сломать шпагу, служить вам я больше не могу.

Генерал хотел вынуть шпагу из ножен, но Август остановил его.

– Флемминг, не забываете, что здесь приказываю я, и только я.

Август отвернулся разгневанный. Флемминг кипел от возмущения.

– Ваше величество, – сказал он, – так вы лишитесь и второй короны...

Флемминг вышел, а король, по-прежнему спокойный, вернулся к королеве, где оставил гостя. Карл XII даже не взглянул на вошедшего, хотя догадывался, что за дверью шел разговор о нем.

Пока все это происходило в замке, Козель собиралась бе-

жать на улицу, чтобы там, найдя подходящее место, выстрелить в Карла XII. Заклика, понимая, что она невменяема, старался во что бы то ни стало удержать ее; народ видит в Карле XII могущественного покровителя протестантов, говорил он, и может за него вступиться.

И действительно, так настроена была большая часть высыпавшего на улицу народа, и Август, сознавая это и опасаясь возбужденной толпы, тем более вынужден был отказаться от всякого насилия над шведским королем. Он приказал подать себе лошадь, чтобы проводить неприятеля. Город выглядел необычно. Улицы были запружены народом, любопытные теснились у окон. Странное глухое молчание сопровождало всадников, толпа, казалось, задерживала дыхание, чтоб уловить хотя бы слово из их разговора, но разговора не было. Взгляды всех были устремлены на Карла, ехавшего спокойно, с бесстрастным видом. Август ехал рядом с ним, нахмуренный, задумчивый, но величественный. С трудом миновав улицы, заполненные народом, они повернули к воротам, ведущим в Мейсен. Король отдал приказ дать в честь шведа трехкратный залп из пушек на валу. Услышав первый залп, Карл обернулся к Августу и поблагодарил его. Август, улыбнувшись, равнодушно приложил руку к шляпе. У ворот и в момент выезда из города раздались еще два залпа. Карл XII хотел тут попрощаться с хозяином, но Август, слишком хорошо зная Флемминга и его сообщников, опасался, как бы они не устроили шведу засаду в пути. Чтобы уберечь швед-

ского короля от нападения и спасти свою честь, надо было сопровождать его до места, где он был бы уже в полной безопасности.

Король проехал с гостем молча еще с полмили до Нейдорфа. Там они расстались, пожав друг другу руки. Карл XII пустился крупной рысью дальше, а Август постоял с минуту, глядя вдаль и раздумывая, правильно ли он поступил, следуя голосу чести. Август еще стоял на дороге вблизи деревни среди пней, оставшихся после вырубки леса, когда Флемминг подъехал к нему верхом, вне себя от гнева.

– Ваше величество, – обратился он к Августу, – если вы полагаете, что Европа будет восхищена вашим великодушием и что, выпустив Карла, вы рассчитались за выдачу Паткуля, то глубоко ошибаетесь. Такое геройство смеху подобно. Этого кровожадного молокососа надо было утопить в его собственной крови.

– Молчать, Флемминг! – крикнул грозно король и помчался в город.

У ворот дворца четырех времен года он слез с лошади, – здесь ждала его Анна Козель, еще более разгневанная, чем Флемминг, в слезах и отчаянии.

– Не подходите ко мне, – крикнула она, – вы пренебрегли моим советом, вы совершили роковую ошибку, я не хочу вас видеть! За потерю двадцати с лишним миллионов из казны, за гибель многих десятков тысяч людей и смерть ваших офицеров, за свой позор – за все могли вы отомстить и не

захотели, не сумели, побоялись. Я, слабая женщина, никогда бы не отказалась от столь благородной мести.

Король, войдя во дворец, сел на диван, ожидая, пока уляжется гнев графини; он не проронил ни слова, и только когда обессиленная Анна упала плача на стул, холодно молвил:

– Я не хотел пятнать рук мезтью, кто-нибудь отомстит за меня.

Но на следующий день, видя, что все упрекают его в излишней мягкости, король велел созвать военный совет. Совет, согласившись с Флеммингом, высказал мнение, что человека, попиравшего столько раз права народов, следовало, если уж он попался в руки, бросить в тюрьму и принудить заключить мир на других условиях, подобно тому, как он безжалостно принудил доведенного до крайности Августа принять нынешние условия.

Король промолчал.

Говорят, что, узнав несколько позже об этом совете, шведский посол в Вене пренебрежительно сказал: «Я уверен, что они наавтра приняли решение совершить то, что следовало совершить вчера».

## 12

Не успел шведский король покинуть саксонскую землю, как Август II, ища утешения после печальных событий, оставивших неизгладимый след в стране, предался безудержно-

му веселью. Времени на это было предостаточно, а деньги добывались любыми способами.

Графиня Козель в зените своего могущества деспотично управляла королем и королевством. Тщетными были попытки ослабить ее влияние, страсть Августа служила ей защитой. Анна сопровождала короля повсюду. Зная его характер, она неутомимо придумывала все новые и новые развлечения, чтобы скука и усталость не успели овладеть им. Графиня Анна, восхитительная, сияющая неувядаемой молодостью, царила на пышных торжествах. Ее прославляли, ей поклонялись.

Вскоре после отъезда Карла XII Август устроил великолепное празднество – состязание в меткости, собрав при дворе множество чужестранцев, послов и странствующих рыцарей со всего света. Анна выехала на состязание на белой лошади, в изысканнейшем костюме амазонки рядом с Августом, закованным в золоченые доспехи. Все были поражены, с какой ловкостью она управляла конем и метала копье на скаку. Август восхищался ею. Присутствующий на торжествах лорд Петерборо не находил слов для выражения восторга. Появление графини на площади встречали залпами из мортир. Август выглядел при ней не более как первым царедворцем; блестящее общество вельмож, магнатов и сановников окружало ее. Графиня Козель была царицей празднеств, и никаких причин сомневаться в прочности своей власти у нее не было.

Когда доброжелательный и искренне преданный ей Хакстаузен или изредка дававший о себе знать Заклика, которому вообще-то вступать в разговор с ней запрещалось, советовали ей помнить о будущем, намекали на легкомыслие короля, Козель злилась и с возмущением говорила:

– Я жена его, он может бросить любовницу, но жену бросить не посмеет. Впрочем, ему известно, что ждет его в таком случае: я убью его, а потом себя.

Победителем на сей раз оказался английский посол М.Робинзон, принявший награду из рук прекрасной Козель. Победу ознаменовали большим пиршеством.

Вот так непрерывно сменявшимися празднествами закончился этот бедственный год. Графиня Козель придумывала их, король осуществлял. Враги графини не решались даже рта раскрыть, хотя казна была вконец истощена и страна стояла под бременем новых, изобретенных Гоймом налогов.

На пасхальную ярмарку в Лейпциг Августа сопровождала Анна Козель. Король очень любил эти ярмарки; сбрасывая с себя королевскую спесь, он смешивался с толпой, терся среди народа, искал простонародных забав. Августа можно было встретить в любое время на улицах города с трубкой во рту, часто в обществе, совсем неподобающем для его королевского сана. Двор останавливался у Апфеля<sup>24</sup>, или, как тогда говорили, в трактире «Под яблоком» – эмблемой трактирщика служило золотое яблоко. Кутили там дни и ночи,

---

<sup>24</sup> Der Apfel – яблоко (нем.)

волочась за случайными женщинами и актрисами из странствующих трупп.

Графиня Козель могла лишь следить, чтобы господин ее не слишком далеко заходил в своем разгуле, но удержать его было не в ее силах. Даже когда Карл XII находился еще в Саксонии и ярмарка, откупившаяся от него ста тысячами талеров, открылась под его опекой, Август и тогда появился на ней. Авантюристы и авантюристки со всего света съезжались на это разгулье. В выборе развлечений король был неразборчив.

Двенадцатого мая в Дрездене праздновали именины короля. На торжество прибыли князь Эбергард Людвиг Вюртембергский и князь Гогенцоллерн; пили страшно, до потери сознания, стреляли, катались верхом, охотились, и неутомимая Козель ни на минуту не разлучалась с королем.

В Нижице, на исконной славянской лужицкой земле, высятся горы, именуемые «Столпами». Благодаря удивительной игре природы, будто извлеченные из земли какой-то могучей силой, сжатые руками духов и обтесанные в правильной формы кристаллы, возникли здесь черные базальтовые столпы. На этих скалах, не поддающихся даже железу, вознесся много столетий тому назад владетельный замок, охранявший с незапамятных времен расположенное у его подножья селение. С вершины горы, из чрева которой вылезают черные столпы, взору открываются далекие окрестности: на юге видны контуры покрытых лесами саксонских и богем-

ских гор, на западе высится гребень Рудных гор, ближе видны будто высеченные из камня гигантские пирамиды, скалы с замками Зонненштейн, Диттерсбах, Охорн, на востоке – леса и горы Хохвальда, дальше на горизонте маячат чешские поселения.

Старый столпенский замок, принадлежавший мейсэньским епископам, которые положили много сил на то, чтоб отделать его и укрепить, выглядел величественно, но мрачно, с его островерхими башенками, которые часто поражала молния, с высоченными стенами, бойницами и с базальтовым фундаментом, подаренным ему природой. При замке был и заповедник, в окрестных лесах водилось много зверей.

Август II любил, когда хотел рассеяться, поездить по стране.

В пригожий июльский день, задолго до полуденного зноя, возле королевского замка уже стояли готовые в путь лошади. Накануне один из сотрапезников короля рассказал ему об удивительной горе, будто сбитой из железных столпов, о высившемся на ней столпенском замке. Король горы той не помнил, и ему захотелось поехать туда.

Роса еще покрывала деревья и травы, солнце медленно поднималось над землей, а кони уже ржали у крыльца, и многочисленные слуги суетились, заканчивая приготовления к дороге. Король собрался было уже сесть на лошадь, как появился Заклика, посланный графиней узнать, куда государь ехать изволит.

– Скажи своей госпоже, что я еду посмотреть Столпы, – сказал король, – если желает, пусть догонит меня, ждать я не могу из-за жары, да и слишком долго пришлось бы ждать, пока она с нарядами управится.

Анна только что поднялась с постели и с раздражением смотрела в окно, сердясь, что ей не дали знать о поездке. Зажлика принес ответ короля, да она и сама увидела его, садящегося на лошадь, и то, что Август не пожелал подождать ее, больно задело Анну. Она приказала седлать лошадей, пригласила Хакстхаузена и кое-кого из молодежи. Через полчаса все должно было быть готово. Анна решила догнать короля и тем самым доказать ему, что ей вовсе не надо долго наряжаться. Через полчаса все спутники ждали ее с лошадьми; белый арабский конь графини с длинной гривой, с седлом, обитым пунцовым бархатом и окованным золотом, ржал от нетерпения. Появилась Анна. Она была прелестна и восхитила всех своих поклонников. Костюм удивительно шел ей к лицу. На ней было широкое белое платье из тонкого шелка с золотой каймой, на голове маленькая голубая шляпка с белыми и голубыми перьями, такого же цвета шитый золотом полукафтан дополнял наряд. Графиня села в седло, – лошадь опустилась перед ней и тут же вскочила, дрожа от нетерпения.

– Его величество король вызвал меня на состязание, – сказала Анна с пленительной улыбкой, подняв хлыстик, рукоятка которого сверкала драгоценными камнями. – Прошло

уже полчаса, как он отправился в путь, мы должны мчаться во весь дух, даже если лошади падут, даже если я шею себе сверну; кто верен мне – за мной!

Отважная амазонка повернула к воротам и, сдвинув брови, погнала лошадь прямо по улице. Заклика сопровождал ее с одной стороны, конюший с другой, чтобы в случае чего сдержать лошадь и прийти ей на помощь, остальные поскакали следом. Белый скакун понесся во весь опор, мост задрожал под копытами лошадей, вот и старый город остался позади, дорога вправо вела через лес к Столпам. К счастью, дорога была широкая, песчаная, время раннее и бодрящее, лошади отдохнувшие и сильные. Молча мчался в облаках пыли блистательный кортеж, словно подгоняемый ветром. Конь графини скакал впереди, Анна с пылающими черными глазами, раздурявшимся лицом и полуоткрытым ртом наслаждалась бешеной скачкой.

Они неслись по горам и лесам, по лугам и пустынным полям. Места эти были тогда мало заселены, только вендские деревеньки мелькали перед глазами – хаты с деревянными крылечками, навесами и высокими крышами прятались в вишневых садах. Встречавшийся изредка крестьянин снимал шапку перед невиданным чудом и не успевал он ответить, проезжал ли тут король, как всадники исчезали в тучах пыли. Лошади покрылись пеной, конюший после часа бешеной езды умолял графиню сделать привал. Козель и слушать не хотела, но, в конце концов, замедлила бег и оса-

дила своего скакуна у ворот какой-то старой хаты. Остановились и остальные, лошади тяжело дышали и фыркали. В воротах стояла желтая изможденная женщина в дерюге, опершись на палку. Она посмотрела на всадников с полным безразличием, будто была из иного мира, и отвернулась. Один только раз встретилась она взглядом с Анной, и прекрасная Королева содрогнулась...

Кто-то спросил у женщины, давно ли проехал тут король, та покачала головой.

– А почему я знаю, что такое король, – сказала она. – У нас королей нет, наши померли.

Женщина произнесла эти слова медленно и равнодушно, на ломаном языке и с нездешним акцентом.

Пока ее расспрашивали, из дома вышел длинноволосый мужчина средних лет в синем камзоле с большими пуговицами, в коротких штанах и чучах. Он почтительно снял шляпу, поздоровался с прибывшими и сказал по-немецки с чисто саксонским выговором, что король и впрямь около часа тому назад проехал по дороге, но он так несся, что вряд ли удастся догнать его, разве что он отдохнуть надумает, да, пожалуй, до Столпов это ему не понадобится.

Графиня спросила, нет ли более короткой, пусть даже самой плохой дороги, но никакого другого пути не было, трясины, недоступные лошадям густые заросли пересекали долину справа. Потеряв надежду догнать короля, Анна спешила, чтобы дать отдохнуть своим спутникам. Солнце припе-

кало, хотелось пить; немец предложил нива. Этот кисловатый деревенский напиток показался всем божественным.

– Кто эта женщина? – спросила Козель у хозяина, кивнув на старуху, которая все еще стояла, опершись на палку, у ворот, не проявляя никакого интереса к прелестной даме.

Немец пренебрежительно пожал плечами.

– Это славянка, вендка! Никак не могу от нее избавиться. Она уверяет, что дом этот принадлежал когда-то ее отцу. Живет она где-то здесь поблизости под горой в выкопанной, а вернее, руками вырытой землянке. Чем живет – понятия не имею, бродит целые дни по моим полям и что-то бормочет; кто знает, может, бесовские какие заклятья! Колдунья она, вот что. Я ей денег предлагал, чтобы она ушла отсюда, но она ни с места, это, говорит, земля моих отцов, здесь я жила, здесь и помру. Часто ночью, когда воев вьюга, она поет, а нас мороз по коже продирает при звуках ее голоса. Да и гнать-то ее нельзя, – добавил он потише, – она много заклятий знает на нечистую силу, да и чары всякие страшные. – Помолчав немного, он добавил со вздохом: – Дьявол ей ворожить помогает... и никогда она, можно сказать, не ошибается.

Графиня, заинтересовавшись, с любопытством окинула старуху взглядом и подошла к ней поближе. У нее одной хватило смелости, остальные, услышав про колдунью, предпочли отойти в сторонку.

– Как ее звать? – спросила Анна немца.

Хозяин постоял в нерешительности, потом прошептал:

– Млава.

Анна с трудом расслышала имя, но старуха сразу зашевелилась, подняла изможденное лицо, гордо встряхнула длинными, свисавшими в беспорядке волосами, и как бы оскорбившись, стала искать черными своими глазами преступника, осмелившегося произнести ее имя.

Графиня Козель, не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих, подошла медленным шагом к старухе. Обе женщины с минуту смотрели друг другу прямо в глаза.

– Кто ты? – спросила, наконец, графиня. – Мне жаль твоих седых волос, отчего ты так несчастна? Что случилось с тобой?

Млава покачала головой.

– Я не несчастна, – гордо ответила она, – в сердце моем хранится воспоминание о светлых годах, когда я была королевой.

– Ты? Королевой? – рассмеялась Козель.

– Да! Я могла бы быть королевой, как ты, ибо во мне течет кровь прежних королей здешней земли. А ты можешь завтра стать такой же нищенкой, как я, хоть сегодня ты и королева. На свете всякое бывает.

– Каких королей? Какой земли? – задумчиво спросила Козель.

Старуха обвела рукой вокруг.

– Все это было наше, а потом пришли вы и захватили нашу землю, а нас истребили, как диких зверей. Мы были добрые,

мы шли с хлебом, солью и песней, а вы шли с железом, огнем и грубым смехом. И вы осели здесь, и размножилось немецкое племя, и выгнало нас с родной земли. Это моя земля, – задумчиво повторила она, – и хоть жить здесь я не могу, но умереть должна здесь. Отсюда душа найдет к своим дорогу.

– Ты умеешь ворожить? – спросила немного погодя Козель с каким-то болезненным любопытством.

– Смотря кому и когда, – ответила равнодушно Млава.

– А мне?

Старуха долго и с жалостью смотрела на нее.

– Зачем тебе ворожба? – промолвила она. – Кто поднялся так высоко, тот лишь низко может пасть. Не спрашивай.

Козель побледнела, губы у нее задрожали, глаза наполнились слезами. Но она сделала над собой усилие и улыбнулась.

– Говори, говори. Мне ничего не страшно, – промолвила Анна. – Я могу, не моргнув, как на солнце, счастьем в глаза смотреть, смогу взглянуть и в мрак ночной.

– А если ночь будет долгой... долгой...

– Но не вечной же, – возразила Анна.

– Кто знает? Кто знает? – прошептала Млава. – Покажи-ка руку свою.

Графиня отшатнулась, испугавшись прикосновения старухи, – тогда верили в колдовство.

– Не бойся, красавица, – ответила спокойно Млава, – я не испачкаю твоих белых пальчиков, погляжу только.

Козель послушно сняла перчатку, красивая, белая, будто

из слоновой кости выточенная, рука сверкнула кольцами перед глазами изумленной старухи. Млава окинула ее жадным взглядом.

– Прелестная ручка! Вполне достойна, чтобы короли вкушали ее сладость... Но, дитя мое, страшные на ней знаки... Эта рука не раз давала пощечину тому, кто посмел нагло взглянуть на нее, не правда ли?

Козель покраснела. Млава стояла, задумавшись, покачивая головой.

– Что скажешь мне? – прошептала с беспокойством графиня.

– Ты идешь к тому, что тебе предназначено. Кто может избежать своей судьбы? Кто заглянул когда-нибудь в бездну? После долгого счастья тебя ждет еще более долгая, о, долгая расплата... тебя ждет неволя... дни без жизни, ночи без сна, слезы без счета. С детьми ты будешь бездетной, с мужем вдовой, будешь королевой и пленницей, будешь вольной и отвергнешь свободу... будешь... ох, не спрашивай.

Графиня стала бледной, как мрамор, но все еще пыталась улыбаться: губы у нее кривились.

– Чем я провинилась перед тобой, – сказала она, – что ты хочешь меня напугать?

– Мне жаль тебя, – сказала Млава. – Зачем ты вздумала заглянуть мне в душу? Там лишь полынь растет, из слов моих лишь горечь сочится. Мне жаль тебя, – старуха опустила голову. – Да разве ты одна? Тысячи людей на этой земле

страдали, мучались и померли, и нет у них могилы, и ветер развеял их прах... Тысячи стонали, как ты стонать будешь в долгой, долгой неволе... отцы мои, деды, предки наши, короли, я уже последняя: немец выгнал меня из дому.

Анна Козель молча достала золотую монету и хотела сунуть ее в руку старухе, но та отскочила.

– Я не возьму, – сказала она, – милостыня мне не нужна, а долг свой вы когда-нибудь иначе заплатите: там подсчитывают его!

Она подняла палец кверху и, закутавшись в свою дерюгу, заковыляла вдоль изгородей к лугу.

Во время этого разговора спутники Анны, дивясь ее храбрости, стояли поодаль. Хозяин-немец тоже наблюдал за этой сценой, но до него долетало лишь еле слышное бормотанье. Никто не решился спросить Козель, почему она бледна, почему, погруженная в думы, она схватила лошадь за гриву, села в седло и, безвольно отпустив поводья, предоставила лошади идти, как ей вздумается.

Они поехали дальше, но уже не вскачь; кони фыркали. Вдали показались остроконечные ступенчатые, высоко вздымающиеся башни, конюший тихо промолвил:

– Столпен.

Прошел почти час, пока они достигли подножья замка. Напротив частокола из черного базальта стояла кавалькада короля, поджидая еще издалека замеченную графиню.

Август пошел ей навстречу, посмеиваясь.

– Я уже жду, по крайней мере, час, – сказал он.

– А я потеряла полчаса с какой-то нищенкой, попросив ее погадать мне, – ответила Козель.

Король с удивлением посмотрел на нее.

– И что она наворожила? – спросил он.

Анна взглянула на него, и из глаз у нее брызнули слезы. Это было так неожиданно, что Август растерялся и испугался. Нежностью и лаской он старался вернуть ей веселое расположение духа.

– Погляди, какой он чудесный, этот старинный замок давних мейсенских епископов! – сказал король, показывая на стены.

– Отвратительный! Ужасный! Страшный! – ответила Козель, содрогаясь. – Не понимаю, как вы могли выбрать для прогулки место, где витают страшные воспоминания о пытках и войнах.

– Твои прекрасные глаза, владычица моя, – прервал ее Август, – могут сделать светлыми самые мрачные места, с тобой мне везде хорошо.

И он подал графине руку. Анна, задумавшись, оперлась на нее. Они обошли вокруг старую крепость. Графиня была молчалива, у короля вид был очень довольный. Кто знает? Может, он подумал о том, что, когда в Зоннен и Кенигштейне не хватит места для узников, он сможет поместить их здесь и поэтому, обойдя замок, пожелал осмотреть его и внутри.

Козель, стоя на пороге и глядя на черные башни и стены, пыталась задержать короля. Но Август все же вошел туда. Он осмотрел башню Доната, заглянул в застенки и в темницу Яна, построенную епископом Яном VI. Ключник, шедший впереди, показал ему еще и другие застенки; темницу, называвшуюся «Монашьей Ямой», где наказывали монахов, судебскую и темницу св. Яна, куда осужденных спускали по приставной лестнице. Все они были в довольно хорошем состоянии, но пусты. Август осматривал их с напряженным вниманием, будто искал следы замученных там людей; бросив напоследок взгляд на крепостные стены, он не спеша вышел.

Анну он нашел там, где оставил ее, погруженную в необычную задумчивость; она то и дело с ужасом взглядывала на крепостные башни.

– Сегодняшняя поездка не из веселых, – сказала Анна изменившимся голосом, – приятной ее не назовешь, хотя я внутри не была, мне чудятся стоны страдавших здесь людей.

Август улыбнулся.

– Они страдали не безвинно, – заметил он равнодушно, – невозможно быть снисходительным ко всем. Но почему, прелестная графиня, вам приходят в голову такие мрачные мысли? Не будем думать о замке, пойдем в заповедник. Я приказал расставить там под шатром столы; потом пригонят зверей, у вас поднимется настроение, и мы будем, как всегда, восторгаться вашей ловкостью.

Все было сделано, как приказал король: у входа в заповедник под великолепным турецким шатром-трофеем, взятым Яном Собеским в битве под Веной, – стояли сервированные столы. Графине было отведено первое место за столом. Солнце стояло высоко и сильно припекало, было трудно дышать, жара испортила настроение всегда веселого общества. Киан, приехавший с королем, сидел печальный, опустив голову над рюмкой и даже не пытался, как обычно, блеснуть остроумием. Август не выносил гробового молчания, поэтому слуги быстро обнесли всех едой, убрали столы, ловчие подали ружья, и все направились в заповедник.

Козель тоже пошла с Августом, но печаль не покидала ее; это приписывали ворожке сумасшедшей нищенки, на которую Анна сама напросилась. В ушах ее и вправду звучали слова несчастной Млавы, предрекавшей ей ужасное будущее, и, хотя сейчас ничто его не предвещало, Козель была мрачной и грустной. Август же веселился и за себя и за нее и как бы назло ей восторгался великолепием Столпов и мощностью укреплений, которые могли бы охранять границы Саксонии.

Под вечер общество, убив нескольких косуль и кабанов, тронулось в обратный путь. Графиня ехала рядом с королем, но едва они отъехали от подножия горы и миновали селение, с запада надвинулась черная туча, и им пришлось вернуться в замок, чтоб переждать грозу. Другого, более подходящего места для приема королевских гостей в городке не было. И

хотя в замке королей тоже спокон веков не принимали, пришлось на этот раз отпереть заржавленную дверь, ведущую в круглое помещение Свентоянской башни. Слуги расположились, спасаясь от проливного дождя, в воротах башни Доната и в пустовавшей крепости. Август с графиней Козель укрылись в старинной сводчатой комнате.

Несколько деревянных стульев, лавки и дубовый стол составляли все убранство этого печального тюремного помещения. Козель, войдя, осмотрелась, вздрогнула и прижалась к королю.

– Как здесь страшно, господин мой, – сказала она, – как печально, и трупным запахом отдает.

– Если бы я мог предвидеть, что нам придется укрыться здесь, я приказал бы приготовить хоть одну комнату. Что ж ты хочешь, никто, кроме монахов и узников с их сторожами, здесь не жил. Это не увеселительное место, стены, хоть и немые, говорят о прошлом.

Как бы для того, чтобы еще больше растравить душу женщины, которая, быть может, впервые в жизни почувствовала тревогу, хлынул ливень с градом: словно камни застучали в свинцовые переплеты оконных рам, а молнии, вспыхивавшие одна за другой, казалось, вот-вот проникнут под своды. С оглушительным грохотом, с ослепительным блеском ударила молния в башню Доната и объяла ее пламенем. Разразился дождь. Испуганная графиня вскрикнула, король стоял неподвижно, но огонь тут же погас, только дождь усилился.

С полчаса ревел ветер с ливнем над замком, еще несколько молний сверкнуло поблизости, но вот на западе показалась светлая желтоватая полоска неба, и громада черных туч перекатилась на восток. Дождь теперь слегка накрапывал, а из разодранных в клочья туч снова брызнуло яркими лучами солнца.

Козель вздохнула с облегчением.

– Государь мой, поедем, – воскликнула она, – едем, едем, я задыхаюсь здесь!

Они сели на лошадей и с новыми силами, которые влил в них освеженный грозой воздух, отправились в обратный путь. Когда они проезжали мимо хаты, где утром стояла Млава, Анна поискала ее глазами, но старухи там не было. Она караулила чуть поодаль, очевидно, хотела поглядеть на короля. Млава молча бросила сочувственный взгляд Анне и улыбнулась ей, как старой знакомой; Август стегнул лошадь, с отвращением отвернувшись от старухи.

Вот так, в беспрестанных развлечениях, коротал дни Август II, лишившись так дорого стоившей ему польской короны. Он ненавидел Карла XII, жаловался на превратности судьбы, но больше всего его возмущали неблагоприятные поляки. Им приписывал он все свои несчастья, и на тех из них, кто, еще веря в него, или предугадывая будущее, приезжал тайком к нему на поклон, он изливал гнев, накопившийся у него против всей страны. Король-силач, которому лавры героя-воина не давали покоя, велевший изображать себя в

рыцарских доспехах, он не мог забыть, что над ним одержал победу, а потом распорядился в его стране сумасбродный невзрачный мальчишка.

Чтобы каким-нибудь подвигом восстановить свою пошатнувшуюся репутацию и одновременно выслужиться перед императором, Август отправился добровольцем с небольшой горсткой людей во Фландрию воевать там против французов. Сохраняя строжайшее инкогнито, он присоединился ко двору принца Евгения Савойского. Желая блеснуть отвагой, он то и дело подвергал себя опасности, принц Евгений и герцог Мальборо вынуждены были сдерживать его, чтобы он не рисковал без надобности своей драгоценной жизнью.

– На войне, – говорил король, – надо быть немного кальвинистом и верить в судьбу.

Злые языки шептали по этому поводу, что Август, недавно принявший католичество, вообще ни во что не верит. «Говорят, что Август переменял веру, – писал Лоен, – я мог бы допустить это, если бы она у него когда-нибудь была». Известно, что уже после принятия католичества Август для забавы вешал четки на шею своему любимцу – огромному псу, возможно, тому самому, который опрокинул ящик с Меркурием Бетгера.

Не выдержав долго на войне, которая служила ему развлечением, предвидя, что осада Лилля может продлиться долго, король затосковал по Саксонии и по Анне Козель.

Но по пути под строгим инкогнито, назвавшись графом

Торгау, он заехал в Брюссель, где ему не терпелось поужинать с танцовщицей Дюпарк, в знаменитом тогда ресторане Вернуса «Под знаком изобилия». Четыре девушки из оперы, а также Вицтум, Баудиц и граф В. кутили там с королем до утра. Август пригласил Дюпарк в Дрезден. Страсть его к Анне Козель начинала, очевидно, остывать, а жизнь – такое тяжелое бремя!

## 13

В отсутствие короля наместник Фюрстенберг и граф Флемминг сговорились действовать сообща, чтобы освободиться от господства Анны Козель. Она повелевала ими, как королева, держала себя надменно, как уверенная в себе женщина, сорила деньгами, как ребенок, не знающий им цены. Влияние графини на Августа II вселяло тревогу, лагерь ее врагов рос с каждым днем. Ни одна из прежних фавориток короля не была столь могущественна, никто из них не смог так прочно привязать к себе Августа. Прихоти короля приходилось терпеть, но все возрастающая власть графини внушала опасения. Двор жаждал избавиться от Анны Козель и заменить ее другой фавориткой. Графиня догадывалась о придворных кознях, но значения им не придавала. Когда ей доносил о них верный Заклика, Анна лишь пренебрежительно посмеивалась.

Недрузи объединились, их становилось все больше, но

объявить войну открыто они пока не решались. Ждали, когда король охладет к Козель, чтобы нанести верный удар. На одной стороне была сплоченная группа ловких придворных, с молодых лет поднаторелых в интригах и подстрекаемых развращенными и хитрыми женщинами; на другой – графиня Козель – гордая, самонадеянная, благородная, верящая в свою силу и обаяние, в воображаемое положение жены, в узы, укрепившиеся детьми, признанными королем; с графиней была небольшая горстка маловлиятельных друзей, а также несколько лицемеров, выжидавших, к какому лагерю будет выгодней примкнуть. Война обещала быть длительной, но враги Козель, затаив злобу, вооружились терпением. Они знали характер короля, и это придавало им уверенность в успехе.

Августу должны были в конце концов надоесть капризы графини, ее ненасытное влечение к роскоши, необузданное высокомерие и вспыльчивый характер. До сих пор это забавляло короля, но чаша терпения может и переполниться...

Все знатные и влиятельные при дворе люди оказались во враждебном Козель лагере. Князь Фюрстенберг, граф Флемминг, графиня Рейс, госпожа Гюльхен, графиня Вицтум стали теперь завзятыми врагами Анны. Мерзкая Глазенапп втерлась в дом графини только для того, чтобы шпионить и разносить сплетни.

Пользуясь отсутствием Августа, находившегося во Фландрии, наместник и Флемминг сговорились доносить королю

каждый в отдельности об излишествах, какие позволяет себе двор графини, и тем самым постепенно отвратить от нее короля. Они расписывали требования графини в таких красках, что королю это, в конце концов, надоело, и он велел немного ограничить ее расходы. Обрадовавшись, Фюрстенберг отказался выполнить некоторые просьбы всемогущей государыни, и та грозила, что, если бы не ее болезнь, она закатила бы ему публично пощечину. Зная характер графини, можно было не сомневаться, что она выполнила бы свое обещание. На Флемминга из-за его неосторожных слов тоже обрушились ярость и угрозы.

Но оба они, зная из писем Баудица о приглашении в Дрезден Дюпарк, тешили себя надеждой, что царствование фаворитки близится к концу и что время решительных действий скоро наступит.

Между тем король, прибыв из лагеря в Дрезден, даже не повидавшись с Фюрстенбергом, направился прямо во дворец четырех времен года. Анна, только что поднявшаяся с постели после болезни, была прекрасна, нежна и вся в слезах.

– О, государь! – вскричала она, обнимая его. – Я всегда с нетерпением жду вашего возвращения, даже если разлука длится лишь час, но никогда еще не тосковала я так, как в этот раз! Избавьте меня от преследований, если я еще владычица вашего сердца. Но, может быть, вы охладели ко мне, и потому эти люди так надо мной издеваются?

– Кто? – спросил король.

– Самые близкие ваши фавориты и друзья, гнусный Флемминг, лицемерный ханжа Фюрстенберг сделали меня посмешищем. Сговорились свести меня, больную, в могилу. Государь, защитите меня или признайтесь, что вы вынесли мне приговор!

После долгой разлуки Анна Козель благодаря своему несравненному обаянию обрела прежнюю власть над королем; Август стал ее успокаивать.

– Фюрстенбергу и Флеммингу я надеру уши... возможно, ты, больная, слишком близко приняла к сердцу то, что не по злой воле...

– Не по злой воле! Меня окружают смертельные враги. Завидуют мне, рады бы вырвать из вашего сердца.

Козель плакала, Август, не любивший слез, успокаивал ее.

Когда король через несколько часов вышел из дворца, он был уже весь во власти чар Анны Козель и после первых же жалоб Фюрстенберга на графиню приказал ему завтра же пойти к ней и попросить прощения. Князь замолчал.

– И вы и Флемминг – оба виноваты, но я терпеть не могу ссор и склок, завтра будьте у графини, я помирю вас.

– Ваше величество, это слишком унижительно для меня, – ответил Флемминг, разрешавший себе иногда возражать королю.

– Ничего не поделаешь, – ответил король, – иначе тебе пришлось бы оставить двор, ибо ссоры не миновать при первой же встрече с графиней. Козель не легко прощает, а я свар

не люблю.

Напрасно генерал шипел от возмущения, король был неумолим! Флемминг с Фюрстенбергом понимающе переглянулись – время еще не пришло, надо было подчиниться приказу короля.

На следующее утро Август велел вызвать обоих во дворец четырех времен года; графиня, гордая, как королева, пылала негодованием. Август сам ввел провинившихся.

– Полагаю, что только недоразумение могло вызвать жалобу графини на неуважительное отношение к ней. Я буду рад вычеркнуть это из памяти, графиня тоже постарается забыть, а вы, как люди воспитанные и уважающие прекрасный пол, не вменяйте ей в вину, если она даже сгоряча и сказала что-нибудь не так. Прошу вас всех предать случившееся забвению.

Пока король говорил, графиня и ее враги мерили друг друга взглядом. Взгляд Козель был полон гнева и возмущения, Фюрстенберг смотрел на нее с ненавистью, Флемминг – откровенно глумясь. Все же оба придворных очень вежливо поклонились и что-то пробормотали, по-видимому, это следовало счесть за извинение.

Ни графиня Козель, ни ее противники не заблуждались относительно искренности восстановленного мира, они знали, что это всего лишь передышка и что при первой возможности борьба возобновится. После официального примирения, шаткость которого понимал, очевидно, и сам Август,

князь и генерал перекинулись с королем несколькими словами и вышли. Август остался у Анны. Уже пять лет длилась их связь, и напрасно придворные надеялись, что он вот-вот пресытится ею. Графиня Рейс и графиня Вицтум тщетно пытались отыскать морщины на лице Козель, тщетно ждали, когда померкнет блеск ее красоты: Анна была одной из тех удивительных женщин, как бы наделенных неувядаемой молодостью, на мраморных лицах которых даже самое сильное горе не оставляет следа. Тайные любовницы короля, случайные, заурядные могли лишь развлечь его, но не в состоянии были ослабить привязанность к женщине, обладавшей благородным характером, тонким умом и другими достоинствами, отличавшими ее среди тысячи других. Графиней Козель тщеславный Август похвалялся перед всем миром, кичась своей победой; всех остальных ему приходилось стыдиться. Ни одна из предшественниц Анны не могла сравниться с ней ни красотой, ни умом, ни характером. Напрасны были и старания врагов Анны оклеветать ее: злоба их ничем не питалась, жизнь Анны была на виду, никаких тайн у нее не было, только чрезмерное высокомерие и постоянные уверения, что она жена Августа и королева, можно было поставить ей в вину.

Вскоре после описанной сцены искусные враги попытались другим способом разлучить Анну с королем. Поводом послужило приглашение танцовщицы Дюпарк в Дрезден. Ревность графини была широко известна, все знали,

что Август неоднократно выслушивал от нее неприятнейшие упреки и угрозы из-за своего волокитства. Дело это поручили Глазенапп. Познакомившись с Дюпарк, Август выдал себя за графа Торгау, и, приехав в столицу, она тщетно искала его под этим именем. Родная тетушка Дюпарк служила в дрезденском театре. Она повела племянницу к камергеру Мурдахсу, директору королевских увеселительных заведений, посвященному в тайну короля. Тетушка была немало удивлена тому, что камергер отнесся к Дюпарк с особой предупредительностью, готов был выполнить все ее требования, и пригласил выступить в балете «Принцесса Элида», готовившемуся к возвращению короля. Все эти милости исходили, по-видимому, от графа Торгау, но и тетушка и племянница начинали уже догадываться, что тут замешан сам король. Еще более они в том убедились, когда Дюпарк получила неизвестно кем присланные дары.

Всему двору стало известно, что Дюпарк, увидев в театре короля и признав в нем графа Торгау, упала от радости в обморок, что Август попросил актера Бельтур помочь ей прийти в себя, а графиню уязвило проявленное Августом беспокойство о здоровье какой-то авантюристки.

– Мне кажется, ваше величество, – сказала она, – что вы оказываете слишком большую милость этой незнакомке, вряд ли к тому же достойной вашего внимания.

Август рассердился и сухо возразил:

– Да, меня многие упрекают в излишней доброте к людям,

которые нередко злоупотребляют ею. Надеюсь, однако, что Дюпарк окажется более скромной.

Сцена продолжалась. Козель, не сдержав себя, бросилась на стул в глубине ложи и довольно громко крикнула:

– У вашего королевского величества особое пристрастие к девкам!

Опасаясь, как бы не разразился публичный скандал, король встал и ушел в ложу королевы, где находился ее брат, маркграф Бранденбург-Байрейт.

Выставленная на посмешище всего двора, графиня немного посидела в ложе опустив голову, а потом, сославшись на недомогание, велела подать носилки и вернулась домой. Король терпеть не мог, чтобы кто-то мешал его прихотям и потому на этот раз всерьез рассердился. Он и сам не пошел к Козель, и никого не послал узнать, как она себя чувствует.

Анна провела вечер в слезах, отчаянии и гневе. Она никого уже не ждала, как вдруг поздно ночью, чуть ли не силой ворвалась к ней баронесса Глазенапп. Врагам Анны казалось, что достаточно подстрекнуть и без того раздраженную графиню на новые вспышки ревности, с которыми король на сей раз, по-видимому, не желал мириться, и разрыв будет ускорен. Дюпарк не могла, конечно, соперничать с Анной, да она и не грезила о таком счастье, но с ее помощью можно было свергнуть графиню или хотя бы пошатнуть ее влияние. Баронесса Глазенапп в таком деле была незамени-

мой. Она вбежала к Анне с притворными соболезнованиями и, застав ее в слезах на диване, щебеча, под села к ней.

– Ты и не поверишь, – затараторила она, – как сжимается у меня сердце, когда я думаю о твоей участи. Я все знаю, видела, возмущаюсь, скорблю... Но, увы, ты знаешь еще не все. Король держит себя вызывающе. Сразу после твоего ухода он приказал Мурдахсу устроить у себя ужин, на который пригласил Дюпарк и еще трех актрис. Мне это известно из самых достоверных источников. После театра король тотчас отправился к камергеру. Дюпарк бросилась к его ногам. За ужином его величество был в превосходном настроении, по-видимому, он и сейчас еще там, а трех спутниц Дюпарк, подарив им по платью и по сто талеров, отправили домой.

Козель выслушала сплетню, слегка отстраняя от себя назойливую Глазенапп.

– Меня это ничуть не удивляет, – сказала она, – не думай, что я ревную. Мне и без того пришлось достаточно претерпеть: новый прилив любви к княгине Тешен и Генриетте Дюваль и многое другое. Так что не это меня огорчает. Король, роняя свое достоинство, причиняет себе большее зло, чем мне, вот от чего я плачу.

Козель встала с дивана и отерла слезы. Приход этой лицемерной женщины, ее явное нетерпение произвели обратное действие. Разгадав коварную интригу врагов, графиня притворилась спокойной. Глазенапп тщетно пыталась разжечь в ней гнев, он кипел в сердце, но наружу не прорывался. Ко-

зель сумела сдержать себя.

– Дорогая баронесса, – сказала она, заканчивая разговор, – я слишком высоко стою, чтобы какая-то интрижка короля могла меня задеть, что ж, она не первая и не последняя, мы, женщины, должны, верно, привыкнуть к этому. Мне стыдно за короля, но я не думаю, чтобы все это могло вырвать меня из его сердца.

К утру гнев короля остыл, но он не пошел сразу к Козель, боясь ее горячего нрава, а послал на разведку Вицтума.

Вицтум не принимал участия в интригах против Анны, отношения у них были хорошие. Он пришел как бы попросту узнать о ее здоровье. И, к удивлению своему, застал графиню со старшей дочкой на коленях, грустной, но спокойной. О вчерашнем происшествии она не обмолвилась ни словом. Он, спросив, как она себя чувствует, тоже не решался коснуться щекотливой темы.

– Я, как видите, здорова, – произнесла Козель с печальной улыбкой, – или по мне что-нибудь заметно? Скажите.

– Вы прекрасны, как всегда.

– А вы, как всегда, милы и учтивы.

Они поговорили о том, о сем, и Вицтум, поняв, что Анна не начнет первая разговора о короле и Дюпарк, откланялся и пошел доложить королю, что застал Козель сверх ожидания спокойной.

Недрузи графини с нескрываемым любопытством следили, пойдет ли мириться с Анной король, так явно выказав-

ший вчера свой гнев. Вечером Август отправился к графине. Весть разнеслась тут же, и лица у всех вытянулись. Вся надежда была теперь на горячность графини. Но Анна и Август при встрече проявили такое благоразумие, что о разрыве не могло быть и речи. Король привык к Анне и вовсе не хотел расставаться с ней, хотя пылкая любовь уже угасла в его непостоянном сердце. Признаться в своих отношениях с Дюпарк он не мог. Козель считала себя его женой, она была матерью его детей и решила, следуя примеру королевы, пренебречь волокитством мужа.

– Вы устроили мне вчера некрасивую сцену в театре, – начал король, – терпеть не могу публичных скандалов; ни мне, ни вам не пристало это.

– Ваше величество, моя любовь к вам...

– Она должна быть благоразумной, – прервал ее король.

– Любовь не может быть благоразумной, Но я, видно, требую невозможного от вашей любви – постоянства.

– А я – когда хочу, чтобы вы перестали ревновать, ибо это смешно.

– Не давайте повода для ревности, ваше величество, – прошептала Анна.

Король пожал плечами.

– Ребячество.

Графиня смолчала, поняв, что ей ничего не грозит.

Отношения с королем мало изменились, но они стали менее сердечными: любезность, несколько чопорная, пришла

на смену прежней любви.

Глазенапп не преминула на другой день сообщить Анне, что встречи короля с Дюпарк продолжаются, что король осыпает ее подарками. Козель приняла эту весть равнодушно. Графиня Рейс, Фюрстенберг и их союзники, надеявшиеся на иной исход дела, пришли к убеждению, что Анна Козель, затаив чувства, решила укротить свой характер, не допускать вспышек ревности, дабы удержать при себе Августа. Это их испугало. Эта «новая», владеющая собой, Козель была куда опасней прежней.

Драматическая сцена с Дюпарк, обморок за кулисами, то, что она упала на колени перед королем, ужин у Мурдахса, весь этот маскарад, которому придавали слишком большое значение, возымел обратное действие. Августа в первый момент вывела из себя ревность графини, но потом он увидел в этой ревности доказательство горячей к нему привязанности. Это льстило ему. Они ссорились из-за Дюпарк чуть ли не каждый день, но ссоры всегда кончались нежными заверениями. Август в своей вине не признавался.

– Дорогая графиня, – говорил он, улыбаясь, – ваши подозрения нелепы, и вы зря мучаете себя. Почему вам мерещится, что я люблю другую? Какие у вас доказательства? Разве я не тот же нежный, пылкий, покорный, разве я не удовлетворяю все ваши прихоти? Откуда вы взяли, что я охладел к вам? Стоит мне лишь взглянуть на женщину, поговорить с ней, и вы сразу же подозреваете, что я влюблен в нее. Скажу

прямо, если бы не горячая любовь к вам, я бросил бы вас из-за этой несносной ревности.

– Я знаю, что мучаю вас упреками, – полушутливо ответила Анна, – но ведь мне приходится все время быть начеку, следить, не завелась ли у вас любовница. Впрочем, я прекрасно понимаю, что ни подозрительность, ни опасения не спасут меня, и я буду обманута, как тысячи мне подобных ревнивиц.

Король улыбался, роль Юпитера льстила ему. Оправдываясь и даже сердясь, он делался все нежней к Анне. Дюпарк не в состоянии была увлечь его по-настоящему, да и приглянуться она могла только такому распутнику, как Август. Вульгарные манеры Дюпарк и ее театральных подружек отталкивали государя. И очень скоро графиня Козель не только обрела прежнее влияние, но, к ужасу тех, кто ждал ее гибели, власть ее возросла и окрепла.

То, что сердце короля все еще принадлежит графине, стало особенно ясно во время визита датского короля Фридриха IV, пожелавшего на обратном пути из Италии повидаться со своей тетушкой королевой Эбергардиной. Август, который рад был любому случаю растратить деньги на празднества, развлечения, изумлявшие Европу, решил обставить как можно пышнее проезд своего достопочтенного кузена.

Желая поразить Фридриха IV, король сам обдумал программу блистательных увеселений, а бывшей подданной датского короля графине Козель (родом из Гольштинии) была

отведена в них первая роль. Надо сказать, что графиня все еще была первой красавицей при дворе Августа II, даже враги не могли не признать ее удивительного обаяния, особенно в тех случаях, когда Анна выступала в роли богини, феи, королевы. Короля как бы оправдывало то, что предметом его поклонения была такая прелестная женщина.

Встретить датского короля были посланы молодой курфюрст, наместник князь Фюрстенберг, граф Флемминг, Пфлюг с целой свитой камергеров, пажей, придворных, с воинским отрядом и музыкой.

Часть первого дня Анне Козель пришлось провести у себя, чтобы не омрачить королеве встречу с племянником. Король с блестящей свитой отправился за две мили встретить Фридриха IV и въехал с ним в Дрезден, сопровождаемый толпами народа, пушечными залпами, музыкой и волшебной иллюминацией на улицах и зданиях. Возле замка была расставлена сверкавшая золотом гвардия. У главной лестницы королева с сыном ждали Фридриха и проводили его наверх. Фридрих шел между ними, Август следовал сзади.

В парадных апартаментах дворца Фридриха IV ждали собравшиеся там дамы, королева представила их ему. Однако официальный прием длился недолго. После беседы с королевой и другими членами семьи Август подхватил датского короля под руку и повел в предназначенные ему покои. Но и здесь они пробыли недолго; потайным ходом, соединявшим замок с дворцом графини, они направились к ней провести

вечер.

Торжественный ужин с соблюдением церемониала, при-  
сущего двору Августа II, который, наподобие Людовика XIV,  
питал пристрастие к пышным приемам, был сервирован в  
замке, в большом зале. Придворные сановники, кравчие, ви-  
ночерпии, пажи в парадных костюмах исполняли свои обя-  
занности у стола.

Датский король сидел между королем и королевой, пер-  
вый провозглашенный за него тост был встречен залпами пу-  
шек на валах. На хорах играла музыка, залы, убранные цве-  
тами и зеленью, ослепляли золотом, картинами, хрусталем,  
роскошью, с которой не мог сравниться ни один европей-  
ский двор. Стол, сервировка которого, сверкавшая золотом  
и драгоценными камнями, была чудом искусства, окружали,  
будто живые цветы, красивейшие дамы двора Августа; среди  
них самая прелестная, усыпанная бриллиантами Анна Ко-  
зель. Ее пояс, ленты, ожерелье, диадема, браслеты сверкали  
бриллиантовой росой, преобразившей ее в какое-то незем-  
ное существо.

На датского короля красота графини Козель произвела  
неотразимое впечатление, а так как он был отменно учтив,  
то попросил, думая угодить этим и хозяину, чтобы графине  
разрешили сесть. По кивку короля графине подали стул, и  
это вызвало гнев, возмущение и зависть остальных женщин,  
которым пришлось стоять.

Визит датского короля длился сорок дней, и Август с при-

сущей ему изобретательностью придумывал каждый раз новые увеселения. Никто не умел так разнообразить забавы, устраивать сюрпризы, удивлять неожиданными затеями; это был, пожалуй, единственный неоспоримый талант саксонского короля, талант, который удостоился признания и современников и потомков.

Развлечения двора были столь же дорогостоящими, как изысканными, многие потом подражали ему, но безуспешно. Карнавальные дрезденские игры, устраиваемые во дворе замка или на площади старого города, собирали придворных и дворян, которым для такого случая приходилось тратиться на роскошные костюмы, представляющие разные народности.

Охота тоже была самой разнообразной: погоня за оленями верхом с собаками, травля кабанов в заповедниках под Дрезденом, охота на зайцев, фазанов и куропаток в Большом саду, забава с медведями во дворах замка, травля лисиц в вольерах возле королевской резиденции. Самой любимой охотой Августа II была охота на кабанов.

Охоту сменяли рыцарские карусели, состязание с копьем, пешие турниры, стрельба в цель на специально устроенных для этого стрельбищах в Цвингере, на Рыночной площади и в других местах. От меткого выстрела загорался фейерверк и тысячи ракет взвивались кверху. Раздавали награды, и дорогие и шуточные, как, например, лисьи хвосты неудачникам. Катанье в санях самого причудливого вида тоже было одним

из любимых удовольствий.

Очень распространены были в то время театрализованные трактиры и ярмарки. Этот обычай привился в Польше и просуществовал там в богатых поместьях до конца восемнадцатого века. Красивые женщины рядились трактирщицами, маркитантками, торговками и угощали гостей. Мужчины переодевались крестьянами, цыганами. Ярмарки обычно устраивались ночью, при яркой иллюминации, с театром марионеток в нескольких балаганах.

В день, когда Августом было назначено катанье на санях, снег вдруг стал таять, и тогда тысячам крестьян было велено свозить его на дорогу возами.

Маскарады и костюмированные балы в большом дворцовом зале поражали своей роскошью и блеском. Колоссальный зал был освещен семью огромными хрустальными жирандолями, в каждой из которых горело по пять тысяч восковых свечей; рядом, в аудиенц-зале, накрывали для приглашенных восемнадцать огромных столов с изысканнейшими яствами и напитками. На маскарады допускались все, кто был прилично одет, надо было лишь назвать у входа свое имя.

Иногда, разгулявшись вовсю, маски валили толпой в город, врываются в мирные дома и пугали жителей. Карнавальные обычаи не позволяли закрывать перед ними двери. Маски были на всех, даже на кучерах, на слугах, и среди них всегда мог быть король.

Французский театр, итальянская опера, балет, концерты, стоившие огромных денег, тоже способствовали приятному времяпрепровождению. Зрелища эти поглощали ежегодно из казны свыше восьмидесяти тысяч талеров.

Одним из видов развлечений были военные учения, смотры, маневры и потешные войны. Разбивали лагеря в окрестностях столицы и безумствовали под открытым небом. Каждый день ознаменовывался новым празднеством, требовал новых приготовлений и костюмов, но короля это не смущало; тот, кому была отведена роль в представлении, должен был сам приготовить себе соответствующий костюм: на пиршества Юпитера, военные игры, праздник Дианы, Меркурия, на ярмарки и тому подобное. Невозможно перечислить все и описать.

Визит датского короля сопровождался нескончаемой вереницей подобных празднеств. Август хотел предстать перед ним во всем блеске. Для графини Козель это были дни небывалого триумфа. Ей поклонялись короли, ее вензель сверкал в фейерверках, она раздавала награды, первенствовала среди дам в состязаниях с копьем, вызывая рукоплескания своей меткостью. Прелестная женщина сияла от счастья. Август мог гордиться ею, она угадывала его мысли, помогала придумывать и выполнять самые затейливые программы. Но из всех торжеств самым блестящим было шествие богов и богинь, исполнявшееся уже однажды в 1695 году, а сейчас повторенное с еще большим блеском, расточительностью и

роскошью.

Датский король тоже принимал в нем участие, он был Юпитером, король Август Аполлоном, графиня Козель изображала Диану, окруженную прелестными нимфами. За ней следовала золотая триумфальная колесница, в которой ехали музыканты. Даже королева не могла отказаться от подobaющей ей роли жрицы в храме Весты.

Август в то время вполне мог еще изображать Аполлона, так статен он был, так светилось его лицо, на котором недавно перенесенные испытания не оставили и следа.

Все уже валились с ног от усталости, а Козель была неутомима, и король чувствовал себя в своей стихии. Упиваясь фимиамом, который ей курили, и от которого у бедной женщины вскружилась голова, прелестная графиня ни на минуту не отходила от короля.

Специально для нее устроили состязания с копьем, и они стали ее новым триумфом. Оба короля носили в этот день ее герб, эмблему и вензель: датский король сопровождал ее, Август шел с правой стороны, гофмаршал двора с левой.

Из ложи наблюдала королева...

## 14

В метании копья в кольцо на скаку, упражнении, столь несвойственном ее полу, графиня Козель выказала необыкновенную ловкость и отвагу. Август, деливший с ней три-

умф, воспыал к ней, казалос, еше болъшей страстью.

Тысячи любопытных в изысканных нарядах наблюдали за зрелищем из лож и галерей, окружавших площадь. Погода стояла ясная и теплая. Прекрасной амазонке с разрумянившимся лицом исключительно везло в этот день. Из королевской ложи ей рукоплескали, оба короля приготовили для нее богатые дары, не обращая внимания на понурый вид придворных, на пожелтевшие лица высокопоставленных дам, на шепот из-под вееров и на странное молчание затаившей свои истинные чувства толпы.

В стороне, среди придворных и сановников, не принимавших участия в развлечениях, стоял Заклика, верный слуга графини, быть может, единственный, кто платил неизменной привязанностью и за благодеяния ее и за капризы. Служба у графини была не из легких и не из приятных, но Раймунд повиновался скорее велению сердца, чем графине Козель. Заклика был влюблен и, хотя страдал от прихотей, высокомерия и презрения графини, не мог вырвать из сердца эту безумную страсть: он сжился с нею, она стала его мукой, придававший смысл существованию, вся его жизнь была подчинена этой безнадежной любви.

Раймунд гордился Анной Козель, однако ее триумф вызывал у него безотчетную тревогу. Этот небывалый успех пугал его, ибо он сознавал: если Августом овладеет новая страсть, нечего рассчитывать ни на его сострадание, ни на его признательность.

Заклика примостился в тени у стены, рядом со старыми придворными Августа. Ни одного возгласа, ни одного хлопка не доносилось отсюда, ничего, что говорило бы о преклонении перед прекрасной, а сегодня ослепительно прекрасной королевой турнира.

По соседству с Закликой, укрытым за выступом колонны, оказалась группа незнакомых ему людей: седой, гладко выбритый старик, какой-то чужестранец, и еще несколько человек. Они говорили вполголоса, но Заклика слышал их.

– Красива, ничего не скажешь, красива любовница вашего короля, – произнес чужестранец, – и впрямь лакомый королевский кусок, с ней, надо думать, его величество остепенится, наконец.

Старый придворный хитро ухмыльнулся и тихо вздохнул.

– Думается мне, что на этом не кончится, господин камергер, – отозвался он. – Как бы этот триумф не оказался последним; я много перевидал на своем веку, помню в ореоле славы очаровательную Аврору, помню обаятельную Эстерле, кажется, будто сейчас вижу прелестную Шпигель и милую княгиню Тешен. Правда, Козель при умелом лавировании удалось продержаться дольше других, однако не верю, что она сможет привязать короля навсегда.

– Но я слышал, будто король обещал на ней жениться.

– Думаю, что и княгиня Тешен лелеяла такую мысль, и прелестная Аврора питала надежду, но будем надеяться, что нашей доброй высокочтимой королеве бог продлит дни, и

прелестная победительница дождется той же участи, что и остальные.

– Не скоро, пожалуй, – засмеялся чужеземец.

– Как знать, как знать, – прошептал язвительно старик. – Взгляните на галерею вон тех и сейчас еще красивых женских лиц, – их мучает зависть. У всех у них, за малым исключением, была своя пора царствования. А там, внизу, в сторонке, стоят французские канатные плясуньи и танцовщицы – среди них Дюпарк, она делит сейчас сердце короля с этой амазонкой, а ведь ничего из себя не представляет, разве что во сто раз менее красива, чем та, и к тому же блудлива. Кто может поручиться, что завтра государь наш не выберет из этого скопища нечто более нелепое.

Стоявшие позади Заклики придворные не скрывали своей неприязни к графине.

– Что ж, – сказал один из друзей и приспешников Фюрстенберга, – чем выше она вознесется, тем стремительней будет падение. Милость короля раздувает ее высокомерие, это начинает раздражать Августа, и мне кажется, можно уже определить время ее опалы.

– Да, да, – добавил другой, – и расставание не будет, по видимому, таким мирным, как с другими, ведь графиня Козель носит при себе заряженный пистолет и подписанное королем обещание жениться на ней. Не завидую ей, если она вздумает сопротивляться и отстаивать свои права.

– Вот уже три года мы предрекаем ее падение, однако про-

рочества наши до сих пор не сбылись, – заметил первый, вздыхая.

Немного поодаль стоял барон Киан, погруженный в раздумье. Остроумный старый придворный невольно слышал весь разговор. Кто-то пристал к нему, чтобы он высказал свое мнение.

– Я не астроном, дорогой мой, – ответил он, – и не умею высчитывать, когда звезды гаснут и когда появляются, знаю только одно, бывают и немеркнущие звезды.

В одной из лож сидели притихшие, как в воду опущенные, графиня Рейс, графиня Вицтум, госпожа Гюльхен, а позади них Глазенапп. Графиня Рейс вздохнула.

– Мы сами виноваты, – обратилась она к графине Вицтум, – вот уже несколько лет король видит вокруг лишь знакомые, примелькавшиеся ему лица, об этом мы не подумали.

– Терпеть не могу эту женщину, – прервала ее графиня Вицтум, – но должна признаться, трудно будет найти ей достойную замену.

Графиня Рейс ехидно засмеялась.

– Ты не знаешь человеческой природы и характера нашего короля, – промолвила она спокойно. – После блондинки Тешен ему должна была понравиться твоя невестка; после ее черных кос его опять потянет на золотистые, а так как Анна Козель воображает себя богиней, то он теперь увлечется простолюдинкой или такой вот Дюпарк, которая ведет себя, как торговка.

– Что наш король никак не может освободиться от своих пут, меня не удивляет, но поглядите, какие умильные взгляды бросает на нее датский король.

– А каким высокомерным, олимпийским взглядом отвечает она ему. Зазнавшаяся авантюристка! Это было бы смешно, кабы не было так грустно.

– Перл этот стоит Саксонии миллионы.

Подобные разговоры велись почти повсюду, но ропот этот не доходил до ушей государя. Впрочем, Август, возможно, и догадывался о настроении придворных, но для него не было большего удовольствия, чем видеть их затаенную зависть.

После турнира и стрельбы в цель, после роскошного прощального ужина, ибо датский король, а вместе с ним Август, уезжали на другой день в Берлин, огни погасли, и графиня в своем роскошном костюме вернулась во дворец.

Лицо ее еще светилось торжеством, но усталость уже давала себя знать. Сняв драгоценности, Анна прилегла на диван отдохнуть.

Во дворце было тихо, лишь едва слышные шаги доносились откуда-то издалека. Эта внезапная после шумного праздника тишина странно подействовала на Анну. Она чувствовала себя усталой и душой и телом. Необъяснимая тоска овладела ею.

Во время своего триумфа графиня Козель несколько раз ловила на себе насмешливый взгляд Флемминга, и он потряс ее до глубины души: в нем была затаенная, ей одной понят-

ная угроза. Взгляд этот врезался в ее сердце и возбудил в нем гнев и тревогу. Никакого повода для этих чувств сейчас не было. Но Анна не могла от них отделаться.

Тщетно старалась графиня, вспоминая почести, которые оказывал ей король, развеять мрачные мысли, – черная туча заволокла ее душу. В глазах стояли слезы. Вот так порой в минуту наивысшего блаженства возникает предчувствие страшного будущего. Анна долго сидела так, оцепенелая, застывшая, вперив глаза в стену, на которой висел портрет короля. Увидеть сегодня Августа она не надеялась. А рано утром он должен был уехать со своим гостем в Берлин. Там ждали его новые празднества, новые лица, новые люди.

В коридоре, который соединялся лестницей с галереей, ведущей в замок, слышались шаги: это не мог быть никто иной, кроме Августа. Козель вскочила с дивана и побежала к зеркалу, чтобы привести себя в порядок. Но она не успела уложить свои густые черные волосы, и когда Август показался на пороге, Анна одной рукой придерживала их, а другойправляла на себе платье.

С первого взгляда графиня поняла, что Август пришел к ней в таком состоянии, в каком она не привыкла, да и не любила его видеть.

Торжественное прощание с кузенком, которого двое придворных с должным почтением отнесли в постель, ознаменовалось огромным количеством выпитых кубков. Хотя для короля это было делом обычным, на сей раз возлияние не

прошло для него бесследно. Август шел, правда, без помощи камергера, который довел его лишь до дверей, проследив, чтоб он не потерял равновесия, но, войдя в кабинет графини, он сразу же грозно опустил в кресло. Лицо его было багровым, глаза мутными, язык заплетался.

– Анна, – сказал он, – я пришел попрощаться с тобой. У тебя сегодня был триумф, какой редко выпадает на долю женщины. Поблагодари хотя бы... – И Август рассмеялся.

Графиня с грустью посмотрела на него.

– Государь мой, – сказала она, – разве я не должна ежедневно благодарить тебя? Но если бы ты видел эти устремленные на меня завистливые глаза, эти гневно сжатые губы, ты понял бы, почему я вернулась домой грустная.

Август все еще усмехался.

– Трагикомедия жизни, – произнес он равнодушно, – у меня есть свой Карл Двенадцатый, у тебя свой Флемминг! У каждого свои огорчения, но жизнь... есть жизнь... Будь же веселой!

– Не могу, – ответила Козель.

– Для меня! – настаивал Август.

Анна взглянула на короля и скорей благоразумие, чем чувство, вызвало улыбку на ее крохотных устах.

– Если б я могла денно и ночью смотреть на тебя, быть с тобой рядом, – сказала Анна, присаживаясь к нему, – я всегда была бы веселой, всегда бы смеялась. Будь моя воля, я б ни на минуту не выпускала тебя из своих объятий. Увы, ты

вырвешься, поедешь в свет, и, кто знает, каким вернешься?..

– Только бы не таким пьяным, как сейчас, – с холодным смехом ответил Август, – люблю вино, но терпеть не могу, когда оно берет верх надо мной.

– А когда ты вернешься, государь мой? – спросила Козель.

– Спроси у астрологов: я не знаю. Мы едем в Берлин. Одно меня утешает, Брандербурги померкнут после дрезденских торжеств. Фридричек будет развлекать нас солдатами, а за столом морить голодом. Берлин после Дрездена! – воскликнул Август. – Это меня бесконечно радует, я для того лишь еду, чтобы насладиться победой. И заранее в ней уверен.

– Возвращайся, государь, преданным и верным, – добавила одной только думой озабоченная Козель.

– Из Берлина? – засмеялся Август. – Там ни мне, ни тебе никакая опасность не грозит, самый добродетельный из дворов и к тому же самый скучный.

– А Дессау? – шепнула Анна.

Король покачал головой.

– Да, она была очень красива, но будь она католичкой, ей следовало бы стать монахиней. Галантного обхождения не понимала, обижалась по пустякам. Нет, я таких не люблю.

Август попробовал подняться и потер рукой лоб так неосторожно, что сдвинул свой завитой парик, Анна поправила его; король стал целовать ей руки.

– Моя Анна, – сказал он, – я уезжаю, и у меня к тебе единственная просьба: я помирил тебя с Флеммингом, так заклю-

чите мир навсегда, перестаньте грызться друг с другом.

Анна нахмурилась.

– Ваше величество, соблаговолите сказать это Флеммингу, а не мне. Он не оказывает мне должного уважения, он мой завзятый враг. Графиня Козель, жена Августа...

Король, услышав это, странно усмехнулся, глаза его злобно сверкнули.

– Графиня Козель, – гордо продолжала Анна, – не должна, не может повиноваться какому-то Флеммингу; ей незачем бояться его и уступать ему.

– Но я не выношу раздоров...

– Прикажите ему быть более сговорчивым, посоветуйте уважать меня, мать ваших детей, это будет лучший способ установить мир.

Король ничего не ответил, прощание было молчаливым. Анна с нежностью обняла Августа, он оперся о колонну, чтобы удержаться на ногах, она протянула ему руку. Несколько шагов отделяло их от двери, за порогом ждали камергеры. Король вышел с нахмуренным челом. Кто может знать, что творилось в таинственных глубинах королевской души, действительно ли он хотел, чтобы мир воцарился при дворе, или предпочитал войну? В тот же вечер, злой и раздраженный, король велел позвать Флемминга.

– Графиня Козель жалуется на тебя, старина, – сказал Август насмешливо, – надо уступить ей, что-то пропустить мимо ушей, а кое-что и простить. Ты знаешь характер этой жен-

щины, я ведь терплю...

– Ваше величество, – возразил Флемминг, бывавший на короткую ногу с королем, – ваше величество, вы – совсем другое дело. Любовь госпожи Козель вознаграждает вас за огорчения, которые вы терпите.

– А мою любовь ты в расчет не берешь?

Флемминг низко поклонился.

– Вы знаете, ваше величество, я в расчетах не силен.

– Будь добр, наладь с ней отношения, – повторил Август.

– Это невозможно, ваше величество: быть ее слугой я не могу, лстить и лгать не умею, а кланяться мне трудно, спина у меня старая.

Король засмеялся.

– Графиня и впрямь тебя не любит, – отозвался он, – она уверяет, что ты похож на обезьяну, но я с ней не согласен.

Флемминг поднял голову, глаза его пылали гневом, он попытался было сказать что-то, но тут же умолк.

Пожелай король поссорить их навеки, лучшего способа он бы придумать не мог.

Здесь, пожалуй, уместно поближе познакомиться с человеком, оказавшем решающее влияние на дальнейшую судьбу нашей героини.

Граф Якоб Генрих Флемминг дольше других придворных пребывал в милости короля Августа II и, по свидетельству современников, был при дворе очень влиятельным человеком. Ходили слухи, будто польской короной Август был обя-

зан Флеммингу. Одна из кузин Флемминга в 1684 году вышла замуж в Польше за казнохранителя, хелмского сановника Пшебендовского; через нее главным образом и возникли у генерала связи в Польше. Флемминг был для своего времени человеком образованным и более дипломатом, чем солдатом, хотя избрал военное поприще. Он был пронырлив и хитер, как все знаменитые дипломаты того времени, а в политике придерживался правила Макиавелли: все средства хороши, если они ведут к цели.

При дворе Флемминг, мечтавший о неограниченном влиянии и власти над королем, старался ловко отстранить всех своих соперников. Помехой был Гойм, и Флемминг исподтишка рыл ему яму; он боялся влияния графини Козель и искал, кем бы заменить; опасным казался ему Шуленбург, и он давно точил на него зубы.

Под рукой у Флемминга всегда были его ставленники, обязанные ему своим положением, жаждущие занять освободившиеся посты. Вацдорф, Мантейфель, Вакербарт ожидали своего часа и преданно служили Флеммингу. Самонадеянный генерал любил говорить своим приближенным: «Мой принцип таков: людей создают обстоятельства; способности же есть у каждого, был бы случай проявить их. Я – лучший тому пример. Готовился к военной деятельности и о большем не мечтал, как получить полк, а теперь я – первый министр и фельдмаршал. Управляю, можно сказать, Польшей и Саксонией, не зная законов этих стран и, тем не менее,

с честью справляюсь со своими обязанностями».

Самонадеянность и заносчивость были, по-видимому, главными свойствами Флемминга. Не скоро выяснилось, что ему не хватает военного опыта, а быть министром он просто не способен. Флемминг казался человеком темпераментным, энергичным, веселым, кутилой и немного солдафоном; приказания он отдавал смело, коротко, решительно. Часто выходил из себя, но остроумной шуткой обезоруживал людей. Почти ровесник короля, Флемминг был его другом, сотрапезником и наперсником. Случалось, после бурного веселья Флемминг злоупотреблял близостью с Августом, но умел всегда ловко выпутаться из неприятного положения.

Жил Флемминг по-княжески, у него было несметное количество слуг и сотня лошадей в конюшне. В его приемной, словно у короля, всегда толпились министры, сановники, чужестранцы. Он свободно говорил по-французски, по-польски и латыни, умел работать, не пренебрегая, впрочем, кутежами, легко мог провести ночь без сна, умел пить и не напиваться, вздремнуть с четверть часа на стуле и встать бодрым; не мудрено, что он завоевал исключительное положение при дворе, где остальные способны были лишь веселиться и интриговать.

Характер у Флемминга был железный, иной раз он казался флегматичным, несмотря на свой темперамент, но всегда был себе на уме.

Неказистый, низкого роста, приземистый, тучный, с ли-

цом одутловатым и красным, хотя черты его были довольно тонкие, генерал, вопреки моде того времени, не носил парика, а в собственные длинные волосы вплетал несколько локонов.

Он любил деньги, спекулировал, торгуя поместьями, без колебаний выговаривал для себя при больших сделках весьма значительные суммы, так что король, узнав однажды, что генерал положил в карман пятьдесят тысяч, сказал ему: «Послушай, Флемминг, я знаю, сколько ты прикарманил, многовато, друг, отдай мне половину». Флемминг повиновался. Не правда ли, оба хороши, и хозяин и слуга?

Борьба с человеком, умевшим прекрасно владеть собой, для такой темпераментной, упоенной длительным успехом женщины, как графиня Козель, была чревата опасностями. К тому же за Флеммингом стоял целый отряд недоброжелателей графини, а что еще хуже ярых ее недоброжелательниц. Госпожа Пшебендовская, двоюродная сестра генерала-министра, вся клика графини Рейс, надоедливая Глазенапп, Вицтумы, семья Гоймов; даже мнимые приятельницы Анны Козель мечтали видеть ее низверженной.

Долгие годы ее счастья возбуждали зависть; врагов графини озлобляло и то, что им никак не удавалось унижить Анну в глазах короля. При развратном дворе, где легко завязывались и быстро рвались любовные связи, ее, постоянно окруженную толпой поклонников, никто ни в чем не мог упрекнуть; самые рьяные шпионы оказались бессильны, никакие

наговоры не приставали к ней. Анна Козель имела основания быть гордой, ибо она во много раз превосходила окружавшее ее женское общество и характером и благородством. Как когда-то она не пожелала изменить мужу, потребовав от короля письменное обещание жениться на ней, так и потом она ни разу не разрешила себе изменить королю, хотя сама неоднократно бывала обманута. Постоянное ее утверждение, что она жена, а вовсе не любовница короля, приводило в ярость ее противниц.

Старания их пока были бесплодными, и это усилило их гнев, нетерпение, злобу. Они подстрекали Флемминга, а пособниками его были Фюрстенберг и тот, кого Козель считала своим другом, кого ничуть не опасалась и кому доверяла – Вицтум. Его подзуживала жена, которой он всегда во всем уступал, и скорее по легкомыслию, чем из-за недоброжелательности, он встал в ряды противников графини Козель.

План был обдуман. Оставалось только найти красотку, которая, не побоявшись участи своих предшественниц, захотела бы временно занять тягостное и унижительное место при Августе II. Все были уверены, что перед женским кокетством король не устоит. Но теперь он уже не был так предприимчив, как прежде, ему надо было помочь, надо было найти ему подходящую любовницу, которая сама бы заставила его увлечься ею. Разослали людей во все концы. Начались поиски.

В то время как король Август II развлекался, слепо веря, в свою судьбу, Карл XII тоже шел навстречу уготованной ему участи. Во главе небольшого войска он с львиной отвагой, по-юношески опрометчиво вторгся в совершенно неведомую ему державу и расположился на полях под Полтавой.

Битва эта оказалась решающей, она определила судьбы многих стран и народов. Не успел Август вернуться из поездки в Берлин, довольный тем, что тамошний двор не превзошел его пышностью приема (кстати сказать, Фридрих вообще к этому не стремился), как курьер, присланный из Польши от княгини Тешен, привез ему счастливую весть о том, что Карл XII разбит наголову. В первую минуту Август растерялся. Как быть? Ведь он торжественно, перед лицом всей Европы, отрекся от польской короны, что же теперь, взять свои слова обратно? Но тут как раз подоспел Флемминг.

– Ваше величество, – начал он, – договор, к которому вас приневолители оружием, никакого значения не имеет. В Польше у вас тысячи сторонников. Стоит появиться там, и победа обеспечена.

Корона, окупленная столькими жертвами, была для курфюста заманчива. Август связывал с возвращением короны планы о наследственной монархии, решив, в крайнем случае, пожертвовать несколькими провинциями, чтобы за-

ткнуть рот завистливым соседям. Если даже от Речи Посполитой останется только часть, то, слитая с Саксонией, она все же составит большое государство. Вернуть корону надо во что бы то ни стало, и из выборной сделать ее наследственной.

Август согласился с Флеммингом, что мир, договор и отказ от короны потеряли теперь всякое значение, оставалось только созвать войско и двинуться с ним в Польшу. Флемминг и его друзья, старые приверженцы Саксонца, обещали свою помощь, в удаче задуманного похода никто не сомневался. Из Польши прибыли с визитом глава сандомирской конфедерации Денгоф и куявский епископ Шанявский. Со своим кузеном Фридрихом у Августа было достаточно времени договориться о союзе против шведов еще в Дрездене. Фридрих Брандербургский тоже не имел ничего против союза с саксонским курфюрстом, Август специально для этого ездил к нему; так образовалась лига, увековеченная впоследствии на медалях соединенными руками трех Фридрихов.

У Августа, озабоченного возвращением короны, не оставалось времени на любовные утехи. Вернувшись в Дрезден и узнав о битве под Полтавой, он тут же велел опубликовать это известие, а потом помчался для переговоров к своему прусскому союзнику. Во время своего короткого пребывания в Дрездене Август едва успел повидаться с Анной Козель. А дела ее обстояли хуже, чем когда-либо. Обстоятельства усилили могущество Флемминга. Графиня в отсутствие короля несколько раз обращалась к нему с разными требо-

ваниями, но Флемминг приказал ответить, что он и не подумает выполнить их, так как у него есть дела поважнее. Резкое письмо графини он разорвал на клочки в присутствии посланца и растоптал ногами, а Козель велел передать, что жалоб ее и угроз не боится. Анна не могла стерпеть такой дерзкой обиды. Дня через два или три Флемминг, ехавший верхом, столкнулся у замка с графиней и вынужден был сдерживать лошадь. Анна высунулась из экипажа и, обрадовавшись представившемуся случаю, закричала, грозя кулаком:

– Вам не мешало бы помнить, генерал, кто вы и кто я! Вы слуга короля, обязанный выполнять его приказания, а я здесь госпожа: хотите воевать со мной? Что ж, принимаю вызов.

Флемминг засмеялся и с деланной учтивостью приложил руку к шляпе.

– Я с женщинами не воюю, – сказал он, – благо моего короля для меня превыше всего. Кланяться же и потворствовать женским прихотям я не намерен.

Из кареты посыпались несдержанные, гневные слова. Флемминг, оставив их без внимания, повернул коня и, не взглянув на графиню, поехал дальше. К тому же люди из свиты Флемминга оскорбили людей графини. Заклика вынул саблю, и, возможно, дело дошло бы до кровопролития, но тут благоразумно вмешался кто-то из королевских придворных и разогнал слуг Флемминга.

Война разгорелась вовсю. Анна, возмущенная, обливаясь

слезами, ждала короля. Август приехал рано утром, и, видно, еще в пути узнал о происшедшем; когда Флемминг пришел с докладом, король сказал ему:

– Тоже мне, старый вояка, дипломат, а с одной женщиной поладить не можешь.

– Простите, ваше величество, – возразил генерал, – я с женщинами ладить умею, но с той, что мнит себя богиней, королевой, и впрямь не знаю как быть. Эта женщина разоряет страну! Ничьих заслуг она не ценит, а прихотям ее нет конца.

– Но я люблю эту женщину и требую, чтобы ей оказывалось уважение.

– К ней относились почтительно, пока она сама не стала оскорблять всех.

Король замолчал, Флемминг добавил доверительно:

– Она съест Саксонию и Польшу и все равно не насытится; дикий нрав, неумное тщеславие и алчность. Если вы, ваше королевское величество, питаете к ней слабость, то мы, приближенные ваши, обязаны освободить вас от ее пут.

Август перевел разговор на другое. После короткого совещания он пошел к Анне. Она ждала его, и не успел он войти, как бросилась к нему со слезами и упреками. Август этого терпеть не мог.

– Король мой, государь! Защитите меня! Флемминг обращается со мной, как с последней женщиной. Оскорбляет публично, письма мои рвет и топчет ногами, грозитя из-

гнать меня отсюда, делает посмешищем. Выбирайте, государь: он или я, один из нас должен уйти.

Август обнял ее, смеясь.

– Успокойтесь, графиня, вы слишком близко принимаете все к сердцу: Флемминг сейчас нужен мне, я без него не могу.

– А без меня?

– Вы знаете, что без вас для меня нет жизни, но если вы любите меня, должны же и вы чем-то для меня пожертвовать.

– Всем, кроме чести! – воскликнула Козель.

– С Флеммингом надо помириться.

– Ни за что!

– Он попросит прощения.

– Не желаю, видеть не хочу этого человека.

Август взял ее за руку.

– Моя дорогая Анна, – сказал он холодно, – сегодня вы настаиваете, чтобы вас освободили от Флемминга, завтра тоже самое будет с Фюрстенбергом, а когда я выгоню их, с Пфлюгом и Вицтумом; вы ни с кем не умеете ладить.

– Потому что все здесь, кроме вас, ваше величество, враги мои.

Козель расплакалась, король позвонил и, несмотря на возражения хозяйки, велел позвать генерала Флемминга.

Оба молчали, надувшись. Анна ходила разгневанная по комнате, пока не пришел генерал. Не поздоровавшись с хо-

зыйкой, он направился прямо к королю.

Графиня стояла спиной к Флеммингу, разъяренная, с трудом сдерживая себя.

– Дорогой Флемминг, – сказал Август, – тебе известно, что я не выношу распрей среди приближенных, если ты меня любишь, попроси прощения у прекрасной графини, и пожмите друг другу руки.

– Ни за что на свете! – воскликнула Козель. – Я не подам руки низкому придворному, осмелившемуся обидеть беззащитную женщину.

– Не беспокойтесь, сударыня, – ответил Флемминг, – я тоже не собираюсь навязывать вам своей солдатской руки; лгать я не умею, и прощения просить не буду.

Король, вскипев, вскочил со стула.

– Генерал, вы сделаете это для меня.

– Даже для вас не сделаю, ваше величество. Если вам угодно, могу оставить службу.

– Вы низкий, вы мерзкий, – закричала, выходя из себя, Козель. – Милость короля сделала вас наглым. Но от Дрездена до Кенигштейна, слава богу, недалеко.

– Козель, ради бога, – прервал Август.

– Ваше величество, разрешите и мне быть откровенной, я тоже лгать не умею, скажу ему в глаза то, что думаю о нем. Он объявил мне войну, я принимаю ее.

– Воевать с вами, графиня, я не собираюсь, – возразил Флемминг. – Но любовь к королю вынуждает меня действо-

вать против вас, ибо вы разоряете страну. Если бы вы умерили свой аппетит, то денег хватило бы и на снаряжение войска, и на то, чтоб вернуть корону.

– Флеминг, вы забываетесь, – вмешался Август, но он не без удовольствия слушал эту словесную перебранку, хотя и делал вид, что пытается остановить ее.

– Уходите прочь из моего дома, – крикнула графиня, топнув ногой.

– Этот дом не ваш, здесь нет ни одной принадлежащей вам вещи, это дворец короля, моего повелителя, и без его приказа я отсюда не уйду, – ответил Флемминг.

Графиня Козель начала плакать и рвать на себе одежды.

– Вы видите, ваше величество, вы слышите, до чего дошло; какой-то слуга, наемник бесчестит меня у вас на глазах, а вы стоите, молча, безучастно, не желая ни защитить меня, ни отомстить.

Она заломила руки. Король мирно и спокойно подошел к Флеммингу.

– Генерал, – сказал он, – прошу вас, помиритесь, так продолжаться не может. Вы оба дороги мне, оба необходимы. Почему я должен страдать из-за вашей вспыльчивости?

– Ваше королевское величество, вам не надо ни слышать, ни видеть этого, предоставьте все нам, жизнь вскоре нас рассудит.

Анна, высказав все, что накопело у нее в душе, в отчаянии опустилась на диван. Король, не зная, как успокоить дрожа-

щего от гнева Флемминга и унять разъяренную графиню, подал генералу руку и проводил его до дверей.

Флемминг, прежде чем выйти, метнул на графиню злобный мстительный взгляд, Анна ответила ему тем же. А король стал ходить в задумчивости взад и вперед по комнате, занятый, очевидно, более важными делами, он стычки этой близко к сердцу не принял.

Графиня окинула и его негодующим взглядом.

– Король, – сказала она, – дошло уже до того, что ваши слуги поносят меня в вашем присутствии! Вот она, моя доля. Флемминг издевается надо мной – вашей избранницей, вашей возлюбленной, а я бессильна против него.

– Дорогая графиня, – ответил спокойно король, – вы, судя по всему, не понимаете нынешнего моего положения. Флемминг сейчас – моя правая рука, он необходим мне в Польше; восстановить его против себя – значит отречься от польской короны. Этого вы от меня требовать не можете, и я, как король, не пойду на это. Вы могли убедиться, что я не отказываю вам ни в глубоком уважении, ни в любви, что я готов на жертвы, но все имеет границы. Королем я был до того, как стал вашим любовником.

– Любовником! – Анна в исступлении бросилась к Августу.

– У меня есть ваше письменное обещание. Я не любовница, я вторая жена ваша!

Август поморщился:

– Тем более вам следует сохранять мои интересы, мою корону и честь.

Гнев растворился в слезах. Август посмотрел на часы.

– Увы, я не хозяин своего времени, – сказал он. – Голова кругом идет от всяческих дел. А тут еще придется ехать в Польшу. Дорогая графиня, успокойтесь, Флемминг вспылчив, но он меня любит и сделает так, как я прикажу...

Анна ничего не ответила; насупившись, лишь молча протянула руку королю. Август ушел.

Вскоре после этой сцены начались разговоры о поездке в Польшу. Графиня, всегда сопутствовавшая королю, на этот раз из-за недомогания не могла с ним поехать.

Она прекрасно понимала, какая опасность ей грозит. Король мог встретиться в Варшаве с княгиней Тешен; это было, правда, маловероятно, так как Август не любил возобновлять старые связи, но все же Анна волновалась. Еще больше тревожило ее, как бы враги, чтобы отвлечь короля от нее, не свели бы его с новой женщиной.

Август, будто для того, чтобы уберечь графиню Козель от ссор и раздоров, брал в Варшаву Флемминга. Анна, сознавая, что Флемминг будет постоянно настраивать Августа против нее, предпочла бы, пожалуй, чтоб ее притеснитель остался в Дрездене, но что она могла поделать?

Король до последней минуты был необычайно нежен к Анне, обещал дать самые строгие указания Фюрстенбергу, чтобы тот был к ней как можно внимательней. Чтоб утешить

графиню, Август объявил ей в полушутливом тоне, что она может считать себя победительницей, ибо он, вопреки стараниям Флемминга, который хотел навязать ему Вакербарта, назначил по ее просьбе гофмаршалом после ухода Пфлюга ее родственника барона Левендаля. Это якобы было причиной гнева и угроз Флемминга.

Недрузи Козель, узнав, что Флемминг едет с королем, а графиня остается, пришли в радостное возбуждение в предчувствии перемены. Благодаря Флеммингу, его интригам, усердию Пшебендовской падение Анны Козель становилось неизбежным.

Барон Левендаль, обязанный своим возвышением кухне, вовсе не собирался выказывать ей свою признательность. Озабоченный лишь тем, как бы удержаться при дворе и остаться в милости, он, поняв, что Козель теряет свое влияние, быстро переметнулся на сторону ее врагов.

Гибель графини была предрешена, когда у нее и в мыслях еще не было, что король после столь торжественных обещаний, после стольких лет совместной жизни может поступить с ней так, как с другими.

Когда барон Хакстхаузен, единственный, кто желал ей добра и остался ее верным другом, привел в пример Аврору Кенигсмарк и княгиню Тешен, – их дети тоже были признаны, что не помешало королю расстаться с матерями, – Козель велела ему замолчать.

– Тешен и Кенигсмарк были фаворитками короля, а у ме-

ня есть обещание жениться, я его жена.

Еще до отъезда короля в Варшаву графиня Козель не могла не заметить, что ее многочисленное окружение редет, друзья и знакомые покидают ее. Пусто было теперь во дворце четырех времен года. Отказывались от приглашений под разными предлогами, порвать открыто никто не решался, но постепенно все отдалялись от графини. Только злорадная сплетница Глазенапп, которая умудрялась из любого разговора высосать то, чего в нем и не было, продолжала часто посещать графиню. Анну предостерегали.

– Я знаю, – отвечала графиня, – знаю, какой это человек, но что она может мне сделать? Что она может выследить? Я веду такую жизнь, что мне нечего опасаться ни шпионов, ни наветов. Тайн у меня нет.

Август никогда, кажется, не был таким ласковым, милым и нежным, как при прощании с графиней. Они провели вместе целый день. Анна из-за болезни не могла уже никуда выезжать, раздражительность и вспыльчивость уступили место грусти. Теперь это была кроткая женщина, пытавшаяся воспоминаниями разжалобить короля. Расчет ее был ошибочен. Короля пленяли живость, веселость характера, смелость, смех, ревность, дерзость – все, что разжигало его чувственность; сантиментов он не любил, хотя и прибегал к ним порой. После нежных сентиментальных признаний, свидетелем которых бывал иногда Вицтум, Август, выйдя за дверь, иной раз самым циничным образом смеялся над пылкими

своими тирадами.

Попытка растрогать Августа была самым верным средством отвлечь его сердце, надоест ему. С неопишуемой тревогой в душе Анна, схватив руки короля, осыпала их поцелуями, обливала слезами, умоляла не забывать, не бросать ее. Август в изысканных выражениях обещал ей это, но от его пьянящих слов веяло могильным холодом. Это был конец многолетнего безумия, от которого оба они уже излечились. Но у женщины остались привязанность, благодарность, воспоминания, нежность, а Август ничего, кроме скуки, не испытывал. Вместо того чтобы снизойти к ее печали, он рад был бежать от нее, слезы раздражали Августа, сетования, упреки вызывали скуку, удручали.

Анна Козель не могла уже быть веселой и беззаботной, как прежде, когда скакала вместе с королем верхом в погоне за оленем, развлекалась, добывая ножом зверя, или состязалась в метании копья. Это вовсе не означает, что она потеряла свое обаяние. Анна обладала тем редким даром красоты, над которым не властны ни годы, ни страдания, ни возраст. Но сейчас ее чарующий взгляд и улыбка ничего уже не значили для Августа. Глаза ее потеряли притягательную силу, улыбка – соблазнительность, любовница превратилась в самую обыкновенную женщину, ощущение новизны и загадочности стерлось.

К тому же Август был очень увлечен политическими делами – возврат короны, объединение вокруг себя привержен-

цев, поиски новых союзников – и во время короткого отдыха ни о чем, кроме развлечений, думать не мог.

Наступило время расставания. Анна плакала, Август утешал ее, уверял, что Фюрстенбергу отданы все нужные распоряжения, клялся в неизменной верности, а потом исчез.

Никогда графиня не ощущала так остро обрушившегося на нее одиночества, никогда не казалось оно ей таким грозным, полным значения, как сейчас. После отъезда короля опустел ее всегда полный людей дворец, опустели приемные, где бывало яблоку негде упасть, никто не садился за стол, – раньше всякий почитал за счастье попасть туда. Козель осталась одна.

Днем прибежала суетная, болтливая Глазенапп, к обеду приходил степенный Хакстхаузен. Иногда у порога появлялись жалкие просители; они еще не прослышали, что могущество графини пошатнулось.

С виду как будто все было по-прежнему, но крах явно близился. В первые дни все гонцы привозили письма от короля и отвозили ему ответы. Козель и в голову не приходило, что письма ее сперва распечатывали в канцелярии князя Фюрстенберга, потом посылали Флеммингу в Польшу, и он отбирал для короля, что считал нужным, король же был слишком занят, чтобы спрашивать о них.

Из множества друзей до конца верным графине остался, быть может, лишь один, да и тот носил одежду и звание слуги. То был Раймунд Заклика, переживший и претерпевший

со своей госпожой все превратности ее судьбы. Не раз готов он был по одному знаку графини схватить за горло и задушить наглеца, осмелившегося оскорбить ее; в трудные минуты своей жизни Анне приходилось сдерживать Раймунда, так страшен он был во гневе.

Заклика не мог даже заикнуться о своих чувствах, но графиня знала о них и прекрасно понимала, что может на него рассчитывать. Вели она ему убить Флемминга, он, не задумываясь, сделал бы это и безропотно отправился бы на виселицу. Анна для Раймунда была все той же яркой звездой, которая блеснула ему однажды меж ветвей старых лип в Лаубегасте. Она казалась ему все прекрасней, видеть ее было для него огромным счастьем.

Грустно и тихо было в Дрездене, в то время как король – веселый, полный радужных надежд – мчался в Варшаву. Флемминг ехал с ним, а жена казнохранителя госпожа Пшебендовская была послана вперед.

Ни для кого уже не было секретом, что в Варшаве королю собирались подыскать новую фаворитку. От нее не требовалось ни опасного обаяния Анны Козель – это таило угрозу слишком длительной привязанности, – ни большого ума – ветреница и хохотушка могла прекрасно развлечь и усладить короля, – ни сердца – на его струнах Август играл лишь во вступительной сцене. Достаточно было обладать молодостью, быть смелой, вызывающе кокетливой, иметь имя и хорошее воспитание, чтобы рискнуть потягаться с графиней

Козель.

С такими инструкциями Пшебендовская поехала в Польшу, а там, в Варшаве, конечно, было из кого выбирать. Сердечная дружба связывала кузину Флемминга Пшебендовскую с супругой маршала Белинского, две дочери которой – Мария Денгоф – жена литовского подкомория, и вторая жена гетмана Поцея – были обаятельны и легкомысленны ровно настолько, чтобы можно было зачислить их в кандидатки.

В первый же день госпожа Пшебендовская отправилась к приятельнице, та встретила ее очень радушно. Зная влияние Пшебендовской на Флемминга и, в свою очередь, его влияние на короля, ей всячески старались услужить все, кто добивался королевской милости. Для дела столь интимного лучшей советчицы и помощницы, чем госпожа Белинская, нельзя было найти.

– Сердце мое, – начала Пшебендовская, – голова у меня полна хлопот, надеюсь, ты не откажешься помочь мне?

– Охотно разделю с тобой эти хлопоты.

– С королем у нас беда, – зашептала Пшебендовская, – влюбился не на шутку, дал опутать себя женщине, которая вот уже несколько лет властвует над ним.

– Кому ты говоришь? Я хорошо знаю Козель! – прервала ее Белинская. – А почему король бросил Тешен?

– Потому что он не может быть долго верен ни одной женщине. Мы должны избавиться от Козель, предложив ему кого-нибудь взамен. Она надоела королю.

Госпожа Белинская глубоко задумалась.

– Найти не трудно, – отозвалась она, – но действовать надо осмотрительно, чтобы не связать короля новыми путями.

Госпожа Пшебендовская осталась у приятельницы обедать. К обеду приехали ее дочери, обе молодые и красивые. Супруга гетмана – маленькая, изящная, могла показаться очень уж хрупкой, но глаза ее так и пылали огнем, и она то и дело заливалась веселым смехом. Младшая – Марыня Денгоф – тоже была небольшого роста, гибкая; она напускала на себя меланхолический вид, хотя насквозь была пронизана легкомыслием, притворная серьезность плохо скрывала ветреный нрав, неумную жажду жизни и наслаждений.

В ту пору об этих женщинах уже ходили слухи, которые могли казаться правдоподобными лишь в эпоху властвования в Польше Августа, открыто подававшего пример для подражания. В глазах Марыни Денгоф проглядывали лукавство и строптивость, старательно прикрываемые скромностью.

Пшебендовская говорила о всяких пустяках, не спуская глаз со своих хорошеньких соседок. Они с любопытством расспрашивали о короле. Старшая вспомнила об одном из графов Фризенгов. Говорили и об Анне Козель, но вполголоса. После обеда молодые женщины отправились с друзьями на верховую прогулку. Обе сестры страстно любили выделывать на скаку всевозможные трюки. Пшебендовская с Белинской остались одни.

Для гостыи не было тайной скверное положение дел приятельницы. Обе посокрушались, повздыхали... Потом Белинская подседа ближе и, с чувством взяв подругу за руку, сказала:

– Ну, как мои дочки? Марыня еще совсем свежа и красива, к тому же кроткая, веселая, и сердце у нее доброе. Как она понравилась тебе?

– Очень милая мордашка, – ответила Пшебендовская.

– Да и другая не уступит сестре; живчик, настоящий казак, хотя с виду и хрупкая.

Госпожа Пшебендовская задумалась о чем-то, а приятельница, понизив голос, добавила:

– Мы ведь друзья с самого детства, моя дорогая, – сказала она без всякого смущения. – Ежели уж кому суждено счастье стать любовницей короля... почему бы не показать ему Марысю?

– Я не думала, что тебе такое по душе.

– А почему бы и нет? Денгоф – скучнейший муж, к тому же он немолод, и Марыся несчастна с ним. Если он не захочет иметь соперником короля, Марыня разведется.

– Но захочет ли она?

– Я ее уговорю! Я ее заставлю! – не унималась заботливая мать. – Для всех нас это было бы огромным счастьем. Дела наши – из рук вон плохи. Сохрани бог, случится что с мужем, и мы разорены.

Госпожа Пшебендовская не обещала и не отказывала.

– Посмотрим, – сказала она, – посмотрим. Марыне пока ничего не говори, сперва решим, подходит ли она королю. Козель была вспыльчивой и ревнивой, теперь королю нужна женщина мягкая, нежная, веселая, кроткая.

– Он не найдет себе более подходящей, чем моя Марыся, ручаюсь тебе!

После долгих перешептываний и обсуждений приятельницы расстались, достигнув полного единомыслия. Госпожа Белинская проводила гостью до самого экипажа.

Через несколько дней приехал король с Флеммингом. Пшебендовская и Флемминг, как близкие родственники, жили в одном доме, и ей в тот вечер удалось поговорить с ним откровенно. Кузина намекнула на Марыню Денгоф. Генерал поморщился, он не раз слышал о легкомыслии Марыни, но разве это могло служить помехой?

– Королю, – сказал он, – понравиться не трудно: надо уметь показать себя, пофлиртовать с ним, пустить в ход женские чары – и все. Ему скучно, им завладеет сейчас любая женщина, стоит ей захотеть. И чтобы не завладела другая... надо познакомить его с вашей Денгоф.

Пшебендовская обрисовала характер и внешность своей протеже.

– Но удастся ли уговорить ее?

– Пусть вас это не беспокоит, у меня есть союзница – ее мать, – тихо ответила кузина.

Прежде чем принять какое-либо решение, генерал выра-

зил желание познакомиться с Марыней Денгоф. На следующий же день вечером кузина повезла его к Белинской. Они пробыли там допоздна, обе дочери пели. Марыся настроена была меланхолично, она изображала из себя нуждающуюся в утешении сиротку. Флеммингу это не понравилось, он знал, что королю такие женщины тоже не по вкусу. Но после нескольких дней безуспешных поисков решили все же остановиться на Марыне Денгоф. Она, по крайней мере, была безопасной. Наученный опытом, Флемминг более всего боялся честолюбия и жажды власти. Марыня была легкомысленной, ветреной, но не ревнивой. К тому же она не мечтала о власти, а просто любила наслаждаться жизнью.

Решили попытаться. Но сперва надо было посоветоваться с Вицтумом. Тот считался другом графини Козель, хотя благодаря стараниям жены отошел от нее. Флеммингу принадлежало первое слово в делах государственных, а когда речь шла о женщинах и развлечениях, первенство было за Вицтумом, без него король ничего не предпринимал. Вицтум был посвящен во все тайны Августа. Обойтись без него было невозможно.

Генерал начал без обиняков:

– Графиня Козель всем нам надоела, король тоже устал от нее, надо подыскать ему другую женщину.

– Это уже как вам угодно, – ответил, кланяясь, Вицтум, а мое дело – сторона, я, как вы знаете, не навязываю королю любовниц и не отвращаю его от них. Лезть в чужие дела не

люблю, так что оставьте меня в покое!

– Нет, нет, вы должны нам помочь, – настаивал Флемминг.

Подошла, кухня и тоже стала уговаривать Вицтума. Не помогло.

– Это не в моем характере, – заявил Вицтум категорически, – мешать вам я не буду, но и помогать не стану, вот вам мое последнее слово. В интригах я никогда не участвовал и правил своих на старости лет менять не намерен.

– Вы – друг графини Козель, – вставила Пшебендовская.

– Я не друг ей и не враг, – ответил Вицтум, посмеиваясь, – я соблюдаю нейтралитет и буду соблюдать его и впредь.

Тщетно Флемминг добивался, льстил, убеждал. Вицтум был неумолим и ушел, не дав себя уговорить.

Пшебендовская решила, что можно обойтись и без него.

На следующий день, появившись при дворе, она смело подошла к королю, который всегда был с ней любезен. Вид у нее был веселый, непринужденный.

– Ваше величество, на очереди, по-видимому, Польша.

– Что это значит, дорогая Пшебендовская?

– После Любомирской – Козель, после Козель надо найти кого-нибудь в Варшаве.

– Но я хочу остаться верным графине Анне.

– В Дрездене, – ответила Пшебендовская, – но не здесь, в Варшаве, где ее нет с вами!

Она покачала головой. Король усмехнулся.

– Надеюсь вы, ваше величество, пригляделись к нашим

дамам хотя бы в театре? – спросила она.

– Не очень-то...

– Осмелюсь обратить ваше внимание на одну из них: красивей, милей и обаятельней здесь не найти... личико прелестное, свеженькое, и руки очень красивые.

– Кто такая?

– Денгоф, урожденная Белинская, – прошептала Пшебендовская, – сестра жены гетмана Поцея.

– Не помню, как будто видел, – сказал король, – но как почитатель женской красоты обещаю, что на одной из первых ассамблей постараюсь познакомиться со столь восхитительной, по вашим описаниям, особой.

– Она этого заслуживает, вы убедитесь, ваше величество, – заметила, удаляясь, Пшебендовская, но тут же вернулась. – Если вы, ваше величество, окажете честь быть у меня завтра на скором ужине, мне, быть может, удастся представить ее вам.

Король Август смерил Пшебендовскую насмешливым взглядом, но она, видимо, не заметила, иначе он вогнал бы ее в краску. Взгляд этот явно говорил, что Августу все понятно и что с ним можно быть до конца откровенным. Улыбка промелькнула на губах короля и исчезла.

В тот же день госпожа Белинская послала за дочкой и на несколько часов заперлась с ней и со своей приятельницей Пшебендовской. Когда они вышли из комнаты, вид у Марыси был растерянный, встревоженный, но счастливый. Она то

и дело задумывалась, рассеянно шла куда-то, возвращалась, шептала что-то матери. У нее, видимо, голова шла кругом. Мать пыталась внушить ей, что надо взять себя в руки. Маленькая, самоуверенная женщина, привыкшая царить в своем интимном кружке, испугалась крутых подъемов к новому счастью, казавшемуся ей непрочным. Она не противилась воле матери, но понимала, что придется приложить много усилий. А ветренность так не любит усилий!

Пшебендовская и Флемминг вели общий дом. Генерал оставил свою жизнь в Варшаве еще роскошней, чем в Дрездене; он привез с собой большой двор, множество слуг; часто принимая короля, Флемминг считал, что приемы должны быть пышные.

Скромный ужин оказался изысканнейшим балом. Король, войдя, застал уже там варшавских красавиц, и среди них нарядную и перепуганную, растерянную и оробевшую и потому менее привлекательную, чем обычно, Марыню Денгоф. Пшебендовская устроила так, что король сразу подошел к Марыне; он непринужденно заговорил с ней, но беседа не ладилась, ибо Марыня отвечала вяло и невпопад. Незаметно было, чтобы эта красотка увлекла короля.

После ужина заиграла музыка, начались танцы. Август пригласил еще не опомнившуюся Марыню, но та танцевала неуклюже, сбивалась с такта и, окончательно смешавшись, показала себя с самой невыгодной стороны. Словом, произведенное ею впечатление отнюдь не отвечало надеждам

Пшебендовской.

Вечером король возвращался с Вицтумом во дворец.

– Ты заметил, – сказал король, – они хотят вскружить мне здесь голову, но пока этим будут заниматься женщины вроде Денгоф, графиня Козель может спать спокойно.

Вицтум был в хорошем расположении духа.

– О ваше величество, – сказал он, – заменять графиню Козель вовсе необязательно; она может остаться в Дрездене, а Денгоф будет в Варшаве. У вас, ваше величество, два дома и два государства, одно в Дрездене, другое здесь, надо иметь для комплекта и двух фавориток. Поляки, я слышал, жалуются на Козель, им бы хотелось, чтобы ваше величество нашли кого-нибудь здесь. А если вашим сердцем всецело завладеет полька, жаловаться будут саксонцы; надо, значит, разделить вам сердце пополам: полгода любить в Саксонии и полгода – в Польше, тогда оба государства будут удовлетворены.

Король рассмеялся.

– Тебе хорошо шутить, – сказал он, – а я, право, не знаю, что делать: каждый гонец из Дрездена привозит письма, полные упреков, а здесь меня искушают.

– Ну и пусть, – ответил Вицтум, – король должен делать то, что ему хочется.

Уговорить на это Августа было нетрудно. Белинская пустила в ход все средства, чтобы заарканить короля. На другой день Август был приглашен на ужин в небольшом кругу

друзей. Марыня с сестрой развлекали его пением, аккомпанируя себя на клавесине, и довольно удачно исполнили сцену из Атиса и Сангарды. Марыся осмелела немного и, по совету Пшебендовской, стала кокетничать с королем. Она пела свою арию, не сводя с него глаз, и создавалось впечатление, будто звучащие нежные слова были обращены к нему одному. Август любил, чтобы с ним заигрывали, он расчувствовался и не поскупился на восторженные комплименты Марыне. Та отвечала на них томными взглядами. А заботливая мать и расторопная сестра занимали его разговорами, и казалось, будто король заводит роман со всеми тремя. Взались за него крепко. Белинская, отбросив церемонии, из кожи вон лезла, чтобы всем было весело и интересно. Королю ее дом понравился. Он стал бывать у них, привык понемногу к глазам Марыни, которая не избегала его взглядов, и влюбился настолько, насколько вообще способен был влюбиться. Пшебендовская, плохо себя чувствовавшая, могла теперь, свершив столь важное дело, позволить себе полежать в постели и отдохнуть.

Все это время король получал письма от Анны Козель, которой обо всем уже донесли. Письма эти полны были горечи и упреков. Вначале Август отвечал на них аккуратно, а потом все реже, отделяваясь любезностями и заверениями.

Анна понимала, судя по письмам, что рассчитывать на любовь короля было бы самообольщением, но она еще верила словам его и обещаниям. Однако и здесь она обманулась.

В разговорах с Вицтумом король раздражался, когда речь шла о Козель, ясно было, что ему хотелось бы поскорее освободиться от ее пут, что он боится ее. Флемминг догадывался об этом. Однажды вечером за вином, когда король начал тяжело вздыхать, Флемминг рассмеялся.

– Мне хотелось бы, – сказал он, – напомнить вам, ваше величество, одну старую историю, которая и сейчас не устарела.

– Какую? – спросил король.

– Когда-то, – начал Флемминг, – еще до того как курфюрст саксонский познакомился с прекрасной Авророй, он был влюблен в дочь Шепинга, ослепительную Рехенберг. Но вскоре она надоела ему, надо было от нее избавиться. И тогда саксонский курфюрст попросил Бейхлинга оказать ему дружескую услугу. Бейхлинг завел роман с Рехенберг, и она выпустила короля из своих когтей.

– Ты считаешь, что это средство годится и для графини Козель? – спросил король. – Сомневаюсь, чтобы это удалось.

– А почему бы не попробовать?

– Кого же ты хочешь осчастливить ею? – спросил король.

– Выбор я предоставил бы вашей проницательности, ваше величество, – ответил Флемминг.

Король прошелся молча по комнате, иронически усмехаясь.

– Выбрать трудно, у Козель почти нет знакомых, которые осмелились бы даже близко подойти к ней. Надо, пожалуй,

привлечь Левендаля, ему, как родственнику, пользующемуся ее покровительством, легче проникнуть к графине. Если бы я мог обвинить ее в измене, был бы прекрасный повод порвать с ней.

– Попытаемся поговорить с Левендалем, – прошептал генерал, – он, правда, многим обязан графине, но еще больше он обязан королю, а Левендалю важно, чтобы опала Козель не отразилась на нем.

– Он сделает то, что ему прикажут...

В результате этого милого разговора в Дрезден пошло письмо, – Левендалю было велено попытаться скомпрометировать графиню Козель. Ему дали понять, что этим он окажет услугу одной особе, которая сумеет его отблагодарить. К подобным средствам прибегали в те времена без всяких колебаний весьма почтенные люди, когда им надо было удовлетворить свои прихоти, осуществить какие-то замыслы, кого-то устранить, кому-то отомстить.

# Графиня Козель. Том второй

## 1

Король от скуки и по наущению Пшебендовской рассыпался в любезностях перед Марыней Денгоф, разыгрывавшей комедию по указке своей, куда более ловкой, чем она, матери. Ошеломленная графиня Козель, едва оправившись от болезни, выслушивала каждый день донесения из Варшавы. Флемминг позаботился о том, чтобы ей все было известно. А так как король боялся ревности и вспыльчивого нрава графини, ее окружили шпионами, зорко следившими за каждым ее шагом, мыслью и словом. Август не прочь был отделаться от Анны Козель, но тихо, без огласки, порой ему даже становилось жаль прелестную графиню, но он был слишком слаб и бесхарактерен, чтобы противиться интригам, которые плелись вокруг него. При виде хорошенького личика он не мог устоять от соблазна: увлечь его ничего не стоило. Завязывалась новая любовная связь, как две капли воды похожая на прежние, кончавшиеся для короля ухмылкой и зевотой, а для его любовниц слезами.

Кенигсмарк, Тешен, Шпигель, Эстерле нашли утешителей, и это несколько успокаивало Августа, когда он думал о

Козель, но он понимал также, что Анну нельзя ставить на одну доску с ними. Любой из них он мог что-нибудь вменить в вину, графиня была безупречна. Однако Анна грозила в случае измены лишиться жизни короля, а потом себя, и это не было пустой угрозой. Последовал приказ следить за графиней, опасались, как бы она не вздумала приехать в Варшаву. Флемминг хорошо знал слабование короля. Он сам однажды, лишившись благосклонности Августа, приехал к нему, несмотря на запрет, и без особого труда вернул прежнее расположение. Появись здесь Анна с ее красотой, высокими достоинствами, с ее властью над королем, и все их планы рухнут. Гофмаршалу Левендалю шепнули, чтобы он попытал счастья. У Анны Козель, все еще молодой, красивой, были к тому же драгоценности, имения, дома. Надо было во что бы то ни стало найти возможность обвинить ее в измене.

Однажды утром Хакстхаузен, друг графини, застал ее в слезах: она подбежала к нему вне себя от возмущения.

– Подумайте, – вскричала она, – этот наглец, этот негодяй Левендаль, обязанный мне всем, осмелился объяснить мне в любви. Я выругала его, как самого последнего негодяя, и пригрозила написать королю. Пусть радуется, что не получил пощечины.

Хакстхаузену с трудом удалось ее успокоить, графиня дрожала от гнева и обиды, из глаз ее текли слезы.

– О! Несколько месяцев тому назад, – сказала она, – он не посмел бы так меня оскорбить.

Поступок Левендаля окончательно убедил графиню, что час ее пробил. Анна слышала о Марыне Денгоф, ее и всю их семью знали здесь по каким-то нашумевшим в свете приключениям.

– Письма короля, – пожаловалась Хакстхаузену Анна, – стали совсем другими. Вы слышали о Денгоф?

– О ней говорят, – ответил Хакстхаузен.

– В какое болото его затащили, – промолвила графиня грустно и замолчала.

В Дрезден вернулся Флемминг. Король поручил ему исподволь избавиться от Анны Козель, но сделать это как можно деликатней.

Приезд Флемминга вначале испугал графиню, однако через несколько дней, убедившись, что он настроен вполне миролюбиво и избегает поводов для новых столкновений, она немного успокоилась.

Королю хотелось, чтобы графиня покинула волшебный дворец четырех времен года, но если можно, добровольно, без принуждения. Эта печальная и трудная миссия была возложена на кроткого Хакстхаузена, и он выполнил ее, сохраняя глубочайшее уважение и симпатию к графине. К его великому удивлению, Анна сказала:

– Король подарил мне этот дворец, в его воле и отнять подарок. Место это слишком напоминает лучшие времена, и мне тяжело было бы оставаться здесь. Я охотно покину его.

Тут же было отдано распоряжение, уложили вещи, наня-

ли дом на Морицштрассе, и через несколько дней графиня переехала на новую квартиру. Сюда уж и вовсе никто не заглядывал, баловни счастья и искатели милости покинули ее. Недруги обрадовались изгнанию графини из рая. Это, без сомнения, был разрыв. Но Козель, считая себя женой короля, все еще верила в него. Еще в 1705 году, в пору своей страстной влюбленности в Анну, Август подарил ей прелестную деревеньку Пильниц на берегу Эльбы. У графини был там загородный дом с садом у самой реки, и летом, спасаясь от жары, она иногда уезжала туда на несколько дней. Место было великолепное: густой лес окружал поместье, горы прикрывали его с севера, внизу, у самого дома, текла Эльба, а посреди реки густо поросший кустарником остров, как зеленая клумба, как корзина, полная цветов, отражался в воде. Всего несколько часов отделяли Пильниц от Дрездена, но место это было уединенное.

Требования короля становились все жестче, он написал Флеммингу, что хочет показать госпоже Денгоф Дрезден и все его великолепие и не желал бы, зная строптивый нрав графини Козель, чтобы они встретились там с ней. Надо уговорить графиню уехать из Дрездена и поселиться в Пильниц.

Такие переговоры поручались обычно Хакстхаузену, Флемминг, чтобы избежать столкновений, сам за них не брался. Генерал пригласил друга графини и показал ему письмо с изъявлением королевской воли.

– Сделайте одолжение, – с отменной учтивостью обратил-

ся к нему Флемминг, – помогите мне. Король хочет приехать в Дрезден, но не может этого сделать, пока графиня Козель здесь. Госпожа Денгоф ни за что не соглашается ехать с ним, она боится за свою жизнь. Да и сам король, – графиня столько раз угрожала ему пистолетом, – был бы не прочь, чтобы она уехала отсюда. Вы же знаете, король не любит встречаться с теми, кого он обидел или оскорбил. Графиня считает меня своим врагом, хотя это и не так, – продолжал Флемминг, – верно, я как-то рассердился на нее, но давно забыл об этом. В ее теперешнем положении мне не хотелось бы огорчать ее и доводить до крайности. Пойдите к ней, уговорите, пусть добровольно оставит Дрезден, не то придется послать ей приказ короля, а это вконец ее расстроит.

Хакстхаузен, выслушав приторные излияния Флемминга, направился к Козель.

Графиня была в довольно хорошем расположении духа, Хакстхаузен начал в шутовском тоне:

– Знаете ли, графиня, я не перестаю удивляться дурному вкусу короля, а ведь всегда считалось, что у него вкус тонкий. Госпожу Денгоф я не знаю, но, судя по слухам, которые доходят до нас, король скоро опомнится. Порой после белого хлеба хочется черствого черного; съешь кусок, другой, и снова тебя к белому тянет. Не сомневаюсь, графиня, вы скоро обретете прежнее положение, не надо только раздражать короля и отвращать его от себя.

Анна догадалась, что Хакстхаузен явился с новым пору-

чением.

– Вы опять пришли с приправленным лестью королевским приказом?

Хакстхаузен грустно посмотрел на Анну и утвердительно кивнул головой.

– Что ж, говорите.

– Я был у Флемминга, – начал Хакстхаузен, – и он показал мне приказ короля. Король требует, чтобы вы на время его с госпожой Денгоф пребывания в Дрездене удалились в Пильниц. Мне думается, что и для вас так лучше, чем видеть...

Анна опустила голову. На глаза ее навернулись слезы.

– О! Как тяжело! Как тяжело! – промолвила она тихо. – Я знаю, вы друг мне и желаете мне добра, знаю, в словах ваших нет коварства, которым здесь полно все вокруг, но как мне трудно пойти на это...

Анна стала ходить по гостиной, приложив к глазам платок. Она не вспылила, не взорвалась гневом, как обычно, а только заплакала, но, не желая, наверно, чтобы кто-то видел ее слезы, тут же отерла их.

– Вы читали приказ? Не их ли это выдумка?

– Даю слово, что читал.

Лицо ее залила краска гнева.

– Они не знают меня! – вскричала Анна. – Раздражают, пока не доведут до бешенства, до страшной, беспощадной мести. Известно ли им, на что я способна в гневе? Неужели они думают, что я пощажу их или его, человека, который

считает, что корона дает ему право глумиться над чувствами и помыкать людьми?

Хакстхаузен слушал молча.

– И все это, – продолжала графиня, – я должна терпеть из-за какой-то Денгоф, не достанет пальцев, чтобы перечесать ее любовников, да она и не делает из этого тайны! Что говорить, достойная любовница для короля. Только чтобы унижить его и опозорить, можно было подсунуть ему такую женщину. О! Эти люди! Эти люди!

И Анна опять залилась слезами.

– Кто мог этого ожидать? Как мне было не верить ему, – сокрушалась она, рыдая, – он присягнул мне, был со мной так нежен, сердце его принадлежало мне, он жертвовал для меня самым дорогим, не задумываясь, признал перед всем светом. Столько лет счастья, спокойной жизни усыпили мое сердце, я была уверена в своем будущем. Три колыбели связали нас, он любил детей, дал им свое имя, он не стыдился своего чувства. А в чем он может меня упрекнуть? Я любила его, была верна ему, ни разу ни на кого не взглянула, сердце ни разу у меня не дрогнуло. Жизнь, привычки – все я приноровала к его желаниям, служила ему, как рабыня. А теперь, теперь, после стольких лет жизни с ним, я должна потерять его, остаться в одиночестве, беззащитной сиротой, без единого слова на прощание, без сочувствия, без сожаления. О, у этого человека нет сердца. Сердца, – рассмеялась она, – у него никогда его не было; любимец фортуны, – все служит

ему для развлечения, – он играет людьми, чувствами, всем, что для других свято, а для него только прихоть и забава. Кто может похвалиться, что знает этого человека? Добрый, как ангел, он может быть холодным и безжалостным, как дьявол, поцелуй его таит ненависть, улыбка – месть, из уст его льются сладкие слова, чтобы усыпить очередную жертву. Весь мир для того лишь существует, чтобы ему было на что опереться, отдыхая, а если ему нужен покой, он готов уничтожить все живое вокруг, лишь бы никто не путался у него под ногами!

Глаза графини пылали, Хакстхаузен слушал, не решаясь прервать, потрясенный ее полными горечи словами.

Полчаса продолжались эти яростные вспышки. В конце концов Анна в изнеможении упала на кресло и, дрожа, как в лихорадке, замолчала.

– Графиня, – решился, наконец, заговорить посол, – ваш гнев меня не удивляет, он вполне справедлив и трогает сердце. Можете не сомневаться, что мне приятней было бы прийти к вам вовсе не с такой вестью, но что поделаешь? Сейчас нужны только терпение и осторожность, чтобы не закрыть себе путь назад. Вы лучше других знаете, как изменчив нрав короля, ведь никто не оказывал на него столь длительного и неизменного влияния. Вы можете вновь обрести его, но для этого надо сегодня думать о завтрашнем дне и соответственно вести себя.

– Посоветуйте мне, посоветуйте, мой хороший единственный друг, – просила взволнованная Анна.

– Разрешите быть откровенным? – сказал посол.

– Говорите прямо.

– Флемминг если и не вовсе изменился, то, во всяком случае, стал относиться к вам лучше, снисходительней и благожелательней, надо, чтобы так продолжалось и впредь. Кто знает? При дворе перемены столь часты, вы еще можете оказаться ему нужной. Если вы сейчас проявите покорность, король будет признателен вам, быть может, даже растроган. Его беспрестанно пугают вашими угрозами, пистолетом, местью, гневом. Ваши недруги не перестают твердить ему об этом. Король стал вас бояться, а госпожа Денгоф не решается ехать в Дрезден, опасаясь за свою жизнь. Король не пожелает встретиться с вами, пока вы не перестанете упорствовать. Разумней всего смириться. Вот вам пример: графине Кенигсмарк удалось благодаря своей покорности сохранить дружеские отношения с королем и с княгиней Тешен, сменившей ее; графине разрешили остаться в Дрездене, видеться с королем, а вот Эстерле своей строптивостью закрыла себе доступ ко двору.

– Как вы смеете ставить их мне в пример! – рассердилась Анна. – Эстерле, Кенигсмарк были фаворитками короля. А я его жена! Как вы можете сравнивать!

Хакстхаузен замолчал.

– Впрочем, вы правы, я не хочу раздражать короля, я покорюсь и завтра же уеду.

Обрадованный посол хотел было встать и уйти с этой ве-

стью, но Козель вдруг опять вспылила, топнула ногой.

– Они не посмеют принудить меня к этому, король, сам король не решится, не может быть! Нет! Нет!

Хакстхаузен успокаивал ее, она как будто смирялась, но тут же опять начинала упорствовать, пылая гневом. Три раза Козель меняла свое решение, а напоследок заявила уставшему уже от этих переговоров Хакстхаузену:

– Я не поеду, останусь, пусть применяют силу, если посмеют.

– Одумайтесь, графиня, ради бога, одумайтесь, что я скажу Флеммингу?

– Скажите ему, что я ехать не хочу.

Делать было нечего, барон отправился к генералу сообщить ему прискорбную весть.

Флемминг огорчился, ему, по-видимому, не хотелось применять силу. После долгих размышлений он попросил Хакстхаузена еще раз попытаться уговорить графиню.

У барона была незамужняя сестра Эмилия, жившая вместе с ним, женщина степенная и нрава кроткого; на этот раз он пошел не один, а с нею. Оба в течение нескольких часов убеждали графиню, что, проявив покорность, она ничего не теряет, а, бунтуя, может повредить себе. Анна то соглашалась с ними, то с новой силой начинала возмущаться бесчеловечностью короля. Три раза уходили они, получив ее обещание уехать добровольно, и все три раза она возвращала их с порога. Графиня, по-видимому, раздумывала, взвешивала,

не зная, на что решиться.

Флемминг, услышав, что Анна Козель наотрез отказалась ехать, дал ей еще два дня на размышление. На третий день он приехал к ней сам. Графине доложили о нем, и она вышла к нему в черном платье, с заплаканными глазами, но сохраняя полное достоинство. Флемминг поздоровался с ней по всем правилам придворного этикета, но весьма холодно, с самообладанием искусственного дипломата.

– Вы ставите меня, графиня, в пренеприятнейшее положение, – заговорил он спокойно, – чем больше я убеждаюсь, что вы причисляете меня к своим недругам, тем сильнее хочется мне уберечь вас от неприятностей. Я задержал приказ короля на несколько дней и теперь принес его вам. Если вы не захотите подчиниться, ничего не поделаешь, придется выполнять его любыми средствами. Это приказ моего государя. Король в пути, он не желает застать вас в Дрездене.

Стоявшая у окна Козель увидела на улице у своего дома конный отряд королевской стражи. Черные глаза ее сверкнули, но она сдержалась. Графиня взглянула на письмо.

– Я тотчас еду! – сказала она с легким поклоном. – Можете верить моему слову.

Флемминг спрятал письмо, поклонился и вышел, стража отбыла вслед за ним.

Час спустя графиня Козель вся в слезах, забившись в угол экипажа, ехала в Пильниц. Все это произошло до того, как король выехал из Варшавы. Легкомысленному и бесчув-

ственному Августу все же не хотелось расстаться с Анной Козель, не оказав ей должного внимания после стольких лет совместной жизни. Его смущало то, что Анна не подала ни малейшего повода для разрыва; она была безупречной, и вся вина ложилась на него.

После того как Левендаль потерпел фиаско, решено было послать к графине с той же целью Вацдорфа и услужливого, но недалекого ван Тинена, – к его помощи король иногда прибегал, хотя терпеть его не мог. Вацдорф, которого король тоже с трудом выносил и называл «мужиком из Мансфельда», был невоспитан и груб. При дворе Вацдорф влияния почти не имел, но ему покровительствовал Флемминг.

В один прекрасный день, когда графиня меньше всего ждала этого, Вацдорф явился в Пильниц. Он с шумом ворвался в дом уже не опасной ему женщины, вообразив, что, раз участь ее в его руках, он может позволить себе все что вздумается. Единственным оправданием его неподобающего поведения было то, что приехал он изрядно захмелевший. По одному тому, что он вошел без доклада в комнату, графиня узнала «мужика из Мансфельда».

– Дорогая графиня, – воскликнул он, весело смеясь, еще с порога, – радуйтесь, я к вам послом от его величества короля и привез отличные вести. Король мог бы, конечно, не вступать с вами ни в какие переговоры, но, как государь мягкосердечный, он желает расстаться с вами мирно и по обоюдному согласию. Вы слышите?

– Слышу, но ничего не понимаю, – высокомерно ответила Козель.

– А вы прелестны, как всегда, – продолжал Вацдорф. Он подошел к ней, и хотел, было, взять ее руку, но передумал, решив, что лучше поцеловать в щеку. Однако прежде чем он успел это сделать, Козель отскочила, закатив ему своей красивой ручкой звонкую пощечину.

– Значит, так, – сказал он.

– Да, так, – ответила Козель, указывая на дверь, – королю надо бы знать, что подобных грубиянов посылать ко мне не следует.

Вацдорф ничего на это не ответил, потер рукой щеку, потом положил шляпу на стол и остался.

– Предадим все забвению, – сказал он, – я не мстителен, к тому же пощечина, нанесенная такой прелестной ручкой, не может обесчестить, напротив...

«Мужик из Мансфельда» остался даже обедать и пытался выполнить свою миссию наиглупейшим способом: он предлагал графине самые блестящие условия, требуя взамен сердце. Козель расхохоталась ему в лицо, и он, протрезвев, уехал не солоно хлебавши.

Анна хотела послать королю жалобу на Вацдорфа и Левендаля, но раздумала; Вацдорф ведал в то время финансами, добывал деньги, бороться с ним было трудно.

Спустя некоторое время прислали ван Тинена; о нем ходили при дворе слухи, что он без памяти влюблен в Козель,

графиня относилась к нему неплохо, но король его не переносил, ибо тот слишком много позволял себе, менторским тоном давая Августу советы.

Однажды Август во хмелю чуть не убил его собственными руками, вернее ногами. Дело было так: Август успел опорожнить немало кубков, когда на пороге его кабинета появился ван Тинен. Вицтум, отлично знавший характер короля и его отношение к каждому из придворных, остерег ван Тинена:

– Король не любит вас, не лезьте ему на глаза.

Ван Тинен не послушался доброго совета и вошел. Август поморщился. Немного погодя расхрабрившийся ван Тинен принялся разглагольствовать. Король молча отвернулся от него. Тогда он зашел с другой стороны и подлез прямо под руку исполина короля. Присутствующие, видя, как сверкают глаза Августа, рады были бы остановить неосмотрительного ван Тинена, но тот, казалось, сам лез на рожон. С трудом сдерживаясь, король слушал его надоедливую трескотню, потом сам заговорил, но ван Тинен прервал его. Так повторялось несколько раз. И вот Август, как разъяренный вепрь, повернулся к ван Тинену и, наступая на него, оттеснил в самый угол кабинета. В ужасе пятясь, ван Тинен, бледный как труп, прислонился к стене, король схватил его за шиворот, повалил на пол и в остервенении стал топтать ногами. Избитого до полусмерти, потерявшего сознание ван Тинена слуги отнесли в постель, – так он чуть было не поплатился жизнью за свою глупость.

Итак, никому из посланцев короля не удалось раздобыть каких-либо улик против графини Козель. Кто-то пустил сплетню, будто у Козель была тайная связь с братом Лешерена, уехавшим за границу. За ним послали, попытались уговорить его очернить безвинную графиню, но и из этого ничего не вышло.

Улики против графини хотели добыть к возвращению короля в Дрезден, чтобы иметь повод глумиться над несчастной. Все это наполняло Козель горечью, доводило ее до отчаяния, ополчало против короля, разрешавшего так измываться над ней.

Но вот до Дрездена дошел слух, что графиня Козель исчезла из Пильниц. И едет в Варшаву. Со стремительной быстротой полетели высланные воинской почтой письма, уведомлявшие о том госпожу Белинскую. Сразу же был созван семейный совет. Все ужасно всполошились. Приезд графини мог так удачно разыгранную комедию превратить в трагедию.

Король был уже влюблен, верней, опутан всей семейкой. Для него придумали новый спектакль.

Когда король в обычный час приехал к Марыне, очаровательная прелестница, одетая в черное, сидела с распущенными волосами на постели и держала в руке платочек, чтобы утирать несуществующие слезы. Ее полный отчаяния взгляд был устремлен в одну точку. Мать и сестра признали, что поза эта очень эффектна и ей к лицу. Когда вошел король,

Марыня притворилась, будто не заметила его, потрясенная горем.

– Что с вами, прелестная красавица? – спросил король озабоченно.

Марыня прикрыла сухие глаза платком, сделав вид, что захлебывается от рыданий. Заранее обдуманную сцену она сыграла с большим чувством. Растроганный Август стал целовать ее красивые ручки, допытываясь о причине слез.

– Ваше величество! – патетически воскликнула Марыня. – Мне грозит смерть! Будь я уверена, что сердце ваше со мной, умереть было бы не так страшно, но, увы, у меня хотят отнять не только жизнь, но и ваше сердце! И этого я не в силах перенести. Графиня Козель едет сюда, в Варшаву, она, быть может, уже здесь... и гибель моя предreshена... а может, вы пришли сообщить мне о победе моей счастливой соперницы?..

– Да что вам чудится, – прервал ее король, – откуда вы взяли, что я собираюсь вам изменить? Нет, дорогая, нас связывают неразрывные узы, ваш столь приятный характер, ваша доброта ко мне – залог того, что никакая Козель вам не опасна.

– Государь мой! – продолжала Марыня. – О, если бы то была правда, если бы вы платили мне любовью столь же искренней, как моя к вам! Отказаться от жизни мне легче, чем от счастья, которое улыбнулось мне! Король, жизнь не нужна мне без вашей любви, возьмите ее!

– О нет! – возразил Август. – С моей стороны недостойно было бы отплатить неблагодарностью за услышанное из ваших уст признание, за сладостные слова ваши.

– Благодарю вас, государь, за утешительную надежду, – продолжала нетерпеливо Денгоф, – но, увы, я вся в тревоге, ужасная соперница близко, вы увидите ее, и она опять завладеет сердцем, что так долго принадлежало ей.

– К чему эти терзания? – прервал король уже немного раздраженно. – И как мне успокоить вас? Впрочем, пусть Козель приезжает, вы одержите над ней победу.

– Нет, нет, – вскричала Денгоф, – если Козель приедет сюда, я покину Варшаву; эта женщина может посягнуть на мою жизнь, устроить отвратительный скандал!

Мать Марыни стояла за дверью, ожидая знака, чтобы войти. Марыня кашлянула, дверь растворилась, и вошла госпожа Белинская, притворившись удивленной, что застала здесь короля.

– Счастлив видеть вас, – воскликнул король, поднимаясь, – помогите мне успокоить вашу дочь, она обижает меня несправедливыми подозрениями.

– Что случилось, ваше величество? – Белинская все еще притворялась удивленной. – Подозрения и ревность – доказательства любви, – сказала она. – На это обижаться не следует, ваше королевское величество.

– Но послушайте...

Август рассказал все как было. Госпожа Белинская слу-

шала короля, как-то странно поглядывая то на дочь, то на него, вид у нее был встревоженный.

– Простите, ваше королевское величество, – сказала она, – но тревога моей дочери вполне понятна. Всему свету известны угрозы Козель, ее горячий нрав. Она посмела угрожать даже вам, ваше величество!

– Ну что ж, – прервал ее Август, – для вашего спокойствия я отдам приказ, чтобы ее вернули с дороги обратно в Дрезден.

Госпожа Белинская, благоговейно сложив руки, воскликнула:

– Ты можешь считать себя счастливейшей из женщин, дочь моя, имея покровителя, который так заботится о твоём покое. – Подумав немного, она добавила: – Осмелюсь обратиться ваше внимание, что графиня Козель, избалованная вашими милостями, не всякого послушается, надо послать такого, кто сумел бы...

– Пошлите кого хотите, – промолвил Август, которому надоела уже эта сцена.

Женщины рассыпались в благодарности перед его величеством, выказавшим столько доброты и заботливости.

У госпожи Белинской был наготове человек, которому она собиралась поручить это дело. То был француз Монтаргон, приехавший с князем Полиньяком в Польшу и пристроившийся там при Белинских, выхлопотав себе титул камергера его величества. Об его отношениях с домом Белинских слу-

хи ходили разные...

Монтаргон пришел через полчаса, готовый выполнить приказ короля, в котором категорически предписывалось с полпути вернуть графиню Козель в Дрезден.

– А если она, ваше величество, не подчинится вашему приказу, как мне быть?

Король задумался, не так-то легко ему было решиться на то, к чему его принуждали.

– Я дам вам в помощь Ля Эй, подполковника моей стражи, и шесть гвардейцев, надеюсь, этого будет достаточно.

Послали не теряя времени за Ля Эй, который получил из уст самого короля точные указания, и этой же ночью отряд, высланный против одной беззащитной женщины, двинулся с необыкновенной поспешностью по дороге, ведущей из Варшавы в Дрезден.

А какой нежной была благодарная Марыня и как радовалась она одержанной победе!

## 2

Твердо решив повидаться с королем и самой искать у него защиты, графиня Козель собралась в путь быстро, с небольшой свитой, боясь, как бы весть об ее отъезде не опередила ее. Верный Заклика сопровождал ее и в этой поездке. Он очень скорбел об участии госпожи, но такой уж был у него характер: чем тяжелей ему было, тем больше он замыкался в

себе. Бледный, осунувшийся, ехал Заклика рядом с каретой графини, выполняя приказания молча, нахмутив брови. Перед отъездом из Дрездена Анна Козель призвала его к себе.

– Все оставили меня, – сказала она, – у меня нет никого, на чью верность я могла бы рассчитывать. – Графиня взглянула на Раймунда. Он стоял мрачный. – Ты тоже покинешь меня?

– Никогда! – ответил он коротко.

– Мне кажется, что я могу быть уверенной в твоём благородстве и преданности.

– Всегда, – торжественно промолвил Заклика, подняв вверх два пальца, словно давая клятву.

– Я хочу доверить тебе самое дорогое, что у меня есть, обещай, поклянись, что разве только вместе с жизнью ты расстанешься с этим; не дашь вырвать силой, будешь беречь мое сокровище, мою честь, как...

– Как святыню, – ответил Заклика, снова поднимая руку, – можете быть спокойны.

– Ни одна живая душа не должна знать, что я вручаю тебе.

– Прикажете поклясться?

– Я верю твоему слову. Но тебе нужно знать, что ты получишь на сохранение. Я сказала, ты будешь хранителем чести графини Козель. Король, разводя меня с мужем, дал письменное, скрепленное печатью обязательство жениться на мне после смерти королевы. Стать фавориткой короля я бы ни за что не согласилась. Теперь, когда король изменил своему обещанию, они постараются вырвать у меня эту по-

зорящую короля бумагу. Меня могут схватить, но и под пыткой я им не выдам, где спрятана бумага. Замуровать ее? Закрыть? Это грозит мне изгнанием, носить при себе – рискованно.

Козель открыла шкатулку красного дерева, оправленную в серебро и слоновую кость, достала из шкатулки золотую коробочку, а из нее кожаный мешочек с печатями и шелковым шнуром.

– Ты не предашь меня, – сказала Козель, глядя Заклике в глаза.

Раймунд упал на колени, слезы потекли у него по усам, он поцеловал протянутую руку, схватил, оглянувшись, мешочек и, быстро спрятав его на груди, сказал приглушенным голосом:

– Только смерть заставит меня расстаться с ним.

Анна быстро захлопнула шкатулку.

– Мы отправляемся в путь, – добавила она, – и неизвестно, что нас ждет, может быть, самое неожиданное, самое худшее, надо, чтобы у тебя были деньги.

Графиня протянула Раймунду зеленый мешочек с золотом.

– Потом отчитаюсь, – сказал Заклика.

Через несколько часов графиня с заряженным пистолетом, он всегда был при ней, пустилась в путь.

До Видавы, небольшого пограничного городка в Силезии, они доехали быстро и без происшествий. В Видаве реше-

но было отдохнуть, расположившись на единственном здесь приличном постоялом дворе, и усталая графиня велела наскоро приготовить обед. В другом конце двора стояло с десятков лошадей, очевидно, отряд королевских гвардейцев возвращался в Саксонию. Заклика стоял на страже у дверей. Вдруг перед ним выросли Монтаргон и Ля Эй и попросили доложить графине, что, случайно узнав о ее прибытии, они хотели бы засвидетельствовать ей свое почтение.

Монтаргона Козель вовсе не знала. Она немало удивилась, когда Заклика объявил об их приходе, так как привыкла уже к тому, что все ее сторонятся. Мысль о каком-то подвохе не приходила ей в голову, она велела просить их.

Ля Эй был человек вежливый, знакомый с придворным этикетом.

Графиня Анна, научившаяся обуздывать свои чувства, даже когда сердце ее замирало от тревоги, казалась спокойной, даже веселой. Она приняла офицеров приветливо и учтиво, а так как время было обеденное, пригласила их разделить с ней скромную дорожную трапезу. За обедом беседа велась непринужденно, но к концу Монтаргон, не забывавший ни на минуту о своей миссии, стал рассказывать о Варшаве, о том, о сем, а затем обратился к графине.

– Мне кажется, графиня, – сказал он, – вы зря пустились в путь. Насколько нам известно, король сейчас очень занят, и, кто знает, не рассердится ли он. Вас могут ждать неприятности.

Козель нахмурила брови и отодвинулась вместе со стулом от стола.

– Как? Вы осмеливаетесь давать мне советы? Не хотите ли вы сказать, что лучше меня знаете короля, мое положение и как мне надо поступать?

Монтаргон растерялся.

– Простите, графиня, – пробормотал он.

– Нет, не прощу, – возмутилась Козель, – это не тактично, не учтиво. Оставьте меня в покое со своими советами, я в них не нуждаюсь.

Монтаргон побледнел, поморщился.

– В моих советах, графиня, вы действительно не нуждаетесь и выслушивать их не обязаны, но если я приехал по поручению короля?

– Короля? – удивилась Анна.

– Да.

– Тем более не подчинюсь, – сказала она, – короля опутали мои враги, он поступил неосмотрительно, и сейчас, конечно, раскаивается. Король мог проявить минутную слабость, но я уверена, он будет рад, если я послушаюсь его. Это дело мое.

Монтаргона, человека, в общем, покладистого, оскорбил тон, каким говорила с ним прелестная путешественница, и он ответил ей с затаенной обидой:

– Я был бы признателен, графиня, если бы вы освободили меня от весьма для меня нежелательного применения силы.

– Как? – закричала, вскакивая, Козель. – У вас хватает дерзости угрожать мне!

– Король дал категорическое приказание вернуть вас в Дрезден, – сказал Монтаргон, – и я обязан его выполнить.

Графиня вспыхнула гневом. Она от кого-то слышала, что камергер Монтаргон был сыном деревенского писаря, и, схватившись за пистолет, стала кричать на него:

– Вон отсюда, писаришка несчастный, вон отсюда, не то я голову тебе размозжу!

На пороге стоял уже Заклика.

Монтаргон хорошо знал, с кем имеет дело, и, не сомневаясь, что угроза будет приведена в исполнение, тут же безмолвно выскользнул из комнаты. С графиней остался молчавший дотоле Ля Эй. Он извлек урок из разыгравшейся перед ним сцены.

– Графиня, – сказал он очень мягко, – послов не вяжут и не карают, прошу вас, успокойтесь; не наша вина, что нам дали такое неприятное поручение. Для меня было бы весьма огорчительно причинить вам малейшую неприятность, но что поделаешь, приказ короля! Приказ из собственных уст его величества короля для офицера – беспрекословный закон.

– Вы видели государя? – спокойно спросила графиня.

– Да, я получил приказ непосредственно от него самого. И потому молю вас, если вам себя не жаль, пожалейте меня!

Его кроткий тон обезоружил графиню. Дрожа, она опу-

стилась на стул.

– Успокойтесь, – сказал Ля Эй, – вам, по-моему, ничего страшного не грозит.

– Как? А Денгоф?

– О, это случайное увлечение, что-то вроде интрижки с Дюваль, которую король уже напрочь забыл, думаю, даже имени ее не помнит. Госпожа Денгоф замужем, муж ее в деревне, он ни о чем не знает. Непохоже, что она появится в Дрездене. А король должен вернуться, вы увидите и без труда восстановите свою власть над ним.

Козель стала уже спокойней расспрашивать его. Ля Эй старался смягчить всю историю. После пятнадцатиминутного учтвого разговора графиня дала себя уговорить, Ля Эй одержал победу, велено было запрягать лошадей, Анна Козель возвращалась в Пильниц.

Монтаргон больше на глаза ей не показывался, он поспешил лишь послать курьера со счастливой вестью к госпоже Белинской. Опасаясь, как бы Козель не изменила своего решения, он и Ля Эй с отрядом тайно проводили ее до самого Будишина, останавливаясь на постой лишь спустя несколько часов после отъезда графини. Из Будишина они могли уже спокойно воротиться в Варшаву, чтобы принять благодарность от госпожи Белинской.

Монтаргону долго еще мерещился приставленный к самому виску пистолет: не дай бог, думал он про себя, еще когда-нибудь попасть в такую переделку.

Марыня Денгоф, не скрывавшая своей связи с королем, привлекла к себе внимание и вызвала ожесточенные пере­суды. Несмотря на то, что влияние чужеземных нравов уже сказывалось в Польше и скандал такого рода был не в новинку, почтенные люди открыто осуждали госпожу Денгоф, а то, что замужняя женщина забыла о чести своей в отсутствии супруга, вызывало глубокое возмущение, тем более что со­общницей была тут мать, а помощницей сестра, и положение свое семейство вовсе не хранило в тайне, а скорее гордилось им. Родные Марыниного мужа, которого приказания коро­ля и искусные интриги держали вдали от Варшавы, в дерев­не, настаивали, чтобы он вызвал к себе жену. Муж забросал Марыню гневными письмами, настойчивыми требованиями, страшными угрозами.

Когда все отговорки были исчерпаны, к нему отправили мать Марыни, умевшую находить выход из любого положе­ния. На другой день после приезда госпожа Белинская за­явила зятю:

– Оставьте нас с дочерью в покое со своими притязания­ми, все равно ничего не выйдет. Мы не собираемся жертво­вать счастьем всей семьи из-за вашего каприза. Король в на­ших руках, он безумно влюблен в Марыню. Вы хотите, чтобы я ради показной добродетели привезла ее сюда и пренебрег­ла нашими интересами? Так вот, – продолжала теща, – вам предоставляется выбор: или молчать, оставить все как есть и пользоваться милостями монарха, что отнюдь не повредит

вашим делам, или согласиться на развод. Нунций Гримани охотно пойдет нам навстречу и без труда выхлопочет развод в Риме.

Денгоф был человеком старого закала, до него дошли уже кой-какие слухи о легкомыслии жены.

– Дорогая теща, – сказал он, – делить сердце жены с его величеством королем у меня нет ни малейшей охоты, и, по правде говоря, боюсь, что на мою долю едва ли что перепадет, слишком уж многие добиваются расположения вашей дочери. Оставьте меня в покое с королевскими милостями и королевским карманом и освободите, ради бога, поскорее от Марыси; я еще буду вам премного благодарен за это.

Госпожа Белинская была несколько уязвлена тем, что зять так легко дал согласие на развод и не польстился на милости короля, но, договорившись с ним и получив его подпись, она вернулась в Варшаву, к Гримани. Нунций написал в Рим, Клемент XI велел дать развод.

Как раз в это время умер Белинский; он давно болел, и кончина его не была неожиданностью. После него остались огромные долги, заложенные поместья, запутанные дела. Все надежды обанкротившееся семейство возложило на прелестную Марыню, и та с большим рвением принялась за казну его величества.

Прежде всего Белинскому устроили пышные похороны, какие Варшава едва ли видела в том столетии; затем сумели растрогать нежное сердце Августа, и он проникся сочув-

ствием к бедным сиротам. Посыпались щедроты на всех членов семьи. Записки того времени говорят, что Марыня Денгоф вряд ли могла быть столь настойчивой в своих домогательствах, если бы не ум, опыт и смекалка матери, не выпустившей дочери из-под своей опеки и заботившейся о благе всей семьи. Госпожа Белинская непрерывно просила о чем-то короля, но делала это искусно, смиренно, не выходя из рамок приличия. Она всегда находила благовидные предлоги и так трогательно взывала к сердцу его величества, что Август никогда не отказывал ей, несмотря на недовольство саксонцев.

После столь пышных похорон соблюдать траур было не так уж обязательно. Король желал развлекаться, препятствовать этому, омрачать его веселье никто не решался, так что очень скоро и дочери, и сын, и вдова Белинского стали бывать на многочисленных балах и представлениях, устраиваемых королем.

Но в Варшаве нельзя было достичь привычного королю блеска и великолепия, все до мельчайших мелочей приходилось привозить из Дрездена. Не было здесь и армии придворных, и слуг, которые окружали короля в Саксонии, подхватывая каждый жест его, угадывая мысли, неустанно изобретая новые затеи и забавы. Август же хотел блеснуть перед новой фавориткой, показать свое величие, поразить ее, восхитить. Как только Марыня Денгоф, боявшаяся пистолета Козель, убедилась, что та больше не стоит на ее дороге,

стали поговаривать о поездке в Дрезден. Вскоре все семейство выехало из Варшавы. Родственники Марыни следовали за колесницей победительницы, подбирая все, что из нее вываливалось.

Чтобы совсем избавиться от соперницы, встречи которой с королем она больше всего опасалась, Марыня, притворившись насмерть перепуганной, окружила себя стражей. Весьма возможно, что недруги Козель, боясь мести в случае если она вернет вдруг прежнюю власть, подстрекали Марыню Денгоф к преследованию графини. Так или иначе, король, который никогда не питал злобы к бывшим фавориткам и не прочь был смягчить участь Анны, давал согласие на все новые и новые глумления над графиней. От Козель хотели избавиться навсегда, отрезать ей все пути к возврату.

Флемминг знал, что графиня будет искать встречи с королем, и не без основания боялся этого, убежденный, что Анна сумеет вызвать у короля сострадание. Поэтому Флемминг и Фюрстенберг запугивали Марыню, у которой вовсе не было намерения без конца преследовать и без того несчастную женщину. Пильниц, говорили они, всего в нескольких милях от Дрездена, Анна Козель может встретиться с королем, и тогда она, Денгоф, немедленно слетит с трона, а вместе с ней и вся ее родня.

Короля через новую фаворитку уговаривали избавиться от близкого соседства графини, Флемминг напомнил Августу, что в пылу страсти тот неосмотрительно дал Анне Ко-

зель письменное обязательство вступить с ней в брак. Теперь она козыряет этим документом, и, чтобы уберечь короля от компрометации, бумагу эту надо отнять у графини во что бы то ни стало, предложив за нее любую сумму. Август согласился с Флеммингом. Начав преследование, разжигая в себе гнев и жажду мести, он теперь ни перед чем не останавливался, не давая несчастной Анне возможности защищаться.

Козель и в Пильниц не оставляли в покое. Опять появился Вацдорф. Анне он был омерзителен, но она научилась теперь сносить все с притворным спокойствием; она понимала, что он приехал с ведома и по воле короля, и придется его принять. На этот раз Вацдорф был более сдержан.

– Я желаю вам добра, – сказал он, приветствуя ее, – лучшее тому доказательство – мой приезд. Мне хотелось бы помочь вам прийти к соглашению, все мы будем влиять на короля в вашу пользу, но...

– Но что? – спросила Козель, глядя на него.

– Но и вам надо пойти на некоторые уступки, – сказал Вацдорф.

– Выслушайте меня, – сказала графиня, – я была королевой, властительницей, божеством, я мать троих признанных королем детей, я не дала ему ни малейшего повода ни к подозрениям, ни к ревности, самая злостная клевета не приставала ко мне, рассыпалась в прах. Если я могу в чем-нибудь упрекнуть себя, то только в чрезмерной любви к королю. После восьми лет совместной жизни, после совсем еще

недавних клятв и уверений, ничтожная интрига отнимает у меня не сердце его, нет, а страстную его привязанность. Мне велят отказаться от любви – я сношу это молча, выгоняют из подаренного замка – ухожу, велят покинуть Дрезден – удаляюсь в Пильниц, хочу видеть короля – силой возвращают с дороги. И после этого меня еще объявляют заносчивой, мстительной, боятся моей ярости, опасаются за жизнь короля!

– Да, что верно, то верно, – рассмеялся Вацдорф, – но вы можете это опровергнуть и уладить все тихо и мирно, как Тешен и Аврора.

Козель покраснела и вскочила со стула.

– Тешен и Аврора были фаворитками, – вскричала она, – а у меня есть обещание жениться, я была и есть его жена.

Вацдорф расхохотался.

– Дорогая графиня! – сказал он с оскорбительной фамильярностью. – Это дела давно минувшие. Вы знаете, что может сделать с человеком страсть? Она деспотична, человек перестает владеть собой, не отвечает за свои поступки. Его величество, государя нашего Августа II, заставили подписать альтранштадский мир, а теперь он объявляет его недействительным; он и вам подписал обещание жениться, а сейчас не придает ему никакого значения.

Козель с трудом сдерживала ярость.

– О, король может и не придавать значения словам своим, клятвам, торжественным обещаниям, – возразила она, – но я считаю его порядочным и честным человеком, отвечающим

за свои поступки; для меня слово его свято и нерушимо.

Анна стала ходить взад и вперед по комнате... Пораздумав, Вацдорф решился приступить к делу, по которому приехал.

– Скажите, графиня, откровенно, – начал он, – каковы ваши требования? Король полон к вам признательности и благодарности, он много может сделать для вас, но не надо требовать невозможного или придавать шуткам чрезмерного значения. Бумажку короля вы отдадите мне.

Анна стремительно повернулась к нему.

– Вы за тем и приехали? – спросила она.

– Должен признаться, что да.

– Можете отправляться обратно, – ответила, разгорячившись, графиня, – пока я жива, никому ее не отдам. Она охраняет честь мою, а честь мне дороже жизни. Неужели вы думаете, что я согласилась бы за все сокровища, за дворцы Августа, за его величайшее ко мне расположение отдать ему сердце, если бы не получила обещания жениться?

– Но согласитесь, это же смеху подобно! – сказал Вацдорф. – Королева и по сей день живет и здравствует. Кто властен распоряжаться будущим? Подобные обещания в глазах закона, людей, света не имеют ровно никакого значения.

– Так почему же вы хотите отнять у меня бумажку? – спросила Козель. – Вы стыдитесь за короля, который соблазнил, обманул меня – слабую, неопытную? Бойтесь, что его легкомыслие и вероломство запятнают его в глазах людей?

– Графиня, я не могу слушать нареканий на короля, – сказал Вацдорф.

– Так отправляйтесь туда, откуда прибыли, – холодно ответила Анна, собираясь выйти из комнаты.

Вскочив со стула, посол удержал ее.

– Подумайте, графиня, к каким последствиям это может привести! Вы заставляете короля прибегнуть к крайним мерам, к жестокой суровости. Он может применить силу, и вам все равно придется отдать бумагу.

– Пусть попробует! – ответила графиня Козель.

– Это была бы слишком прискорбная мера, – промолвил Вацдорф, – все, кто радеет о вашем благе, рады были бы избежать этого, я тоже хотел бы уберечь вас. Если будет применена сила, вам больше не на что надеяться, а при добровольном согласии вы получите...

Графиня не дала ему договорить.

– Вы хотите, чтобы я продала свою честь и назначила ей цену? Ручаюсь, что в королевской казне не хватит денег, чтобы оплатить мою честь, я не продам ее за все сокровища мира. – Слова эти графиня произнесла с гордостью и твердой решимостью. – Пусть весь мир знает, как гнусно была я обманута, какую постыдную сделали из меня игрушку. – Слезы хлынули у нее из глаз. – Нет, – взорвалась она вдруг, – вы лжете, не может быть, чтоб то была воля короля, я не верю. Стараясь защитить государя, вы черните его. Я допускаю, что он мог проявить минутную слабость, но не сомне-

ваюсь в благородстве его души. Король не может этого требовать.

Вацдорф, не говоря ни слова, медленно расстегнул сюртук, вытащил пачку бумаг, извлек письмо и полномочия короля и так же молча протянул их графине. Анна пренебрежительно взглянула на бумаги.

– Если обещание короля, скрепленное его подписью, потеряло всякое значение, – сказала Анна, отстраняя бумаги, – то почему я должна считаться с этим письмом и этой подписью? Завтра король может повелеть отнять у вас письмо и отменить свое решение!

Явно растерявшийся Вацдорф сложил письмо и спрятал его обратно.

– Графиня, – сказал он тихо, – ваше поведение вызывает во мне сочувствие, хотите верьте, хотите нет, но я ничего больше сделать для вас не могу. Бога ради, подумайте, на что вы себя обрекаете. Я не смею молвить ни единого слова против короля. Король прекрасный, благороднейший человек, но он обязан защищать свое королевское достоинство, так как несет ответственность перед монархами, перед народами. Когда речь идет о делах государственных, все средства хороши. Вспомните участь многих, очень многих людей. Опасно противиться королю, когда им овладевает ярость.

– Я знаю его лучше, чем вы.

– Король наш может быть сколь добрым, столь и страш-

ным, – сказал Вацдорф.

– Знаю.

– Умоляю вас!

– Не тратьте попусту времени и труда, – сказала графиня спокойно, – угрозы действуют на меня еще меньше, чем угрозы, я бы умерла со стыда, если бы испугалась их.

Вацдорф еще пытался убедить графиню, но тщетно: Козель, окинув его презрительным взглядом, вышла из комнаты. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться в Дрезден и доложить о второй неудавшейся попытке.

### 3

Есть люди, радующиеся чужому горю; они жадно ловят стоны, упиваются страданием, глумятся над несчастьем. Что бы ни было причиной – легкомыслие или злоба, это свидетельствует о характере не слишком благородном. Несчастье, постигшее Козель, вызывало у ее недругов неудержимую жажду мести и любопытство. Правда, своим надменным видом Анна прежде часто давала им понять, что они недостойны ее дружбы, но сблизиться с кем-нибудь при дворе, полном интриг, и впрямь было трудно.

Анну не оставляла в покое назойливая баронесса Глазенапп. Убедившись однажды в лицемерии баронессы – выслушав Анну с дружеским участием, баронесса, выйдя за дверь, тут же зло высмеяла ее, – Анна отказала ей от дома. Глазенапп

напп потом долго не показывалась, и меньше всего можно было ждать ее сейчас, когда Анна не имела уже ни веса, ни друзей даже среди тех, кто сохранил еще остатки совести.

Каково же было удивление графини, когда на следующий день после визита Вацдорфа ей доложили о приезде баронессы. Анна заколебалась – принять баронессу значило выставить себя на посмешище, выслушивать ее притворные уверения в сочувствии. Баронессе Глазенапп пришлось долго ждать, но это ее не обескуражило. Она обошла дом, нижний этаж которого занимала Козель, и, заглядывая во все окна, искала Анну, чтобы добиться свидания с ней. Ей и впрямь удалось разыскать графиню, сидевшую в своем кабинете; перегнувшись через растворенное окно, баронесса упростила принять ее.

– О, не прячься, моя дорогая графиня, – заговорила она, – мне известно, что ты не веришь в мое доброе к тебе расположение, но я прощаю, мне так жаль тебя. Вели впустить меня, я привезла кучу новостей и единственное мое желание – обнять тебя.

Козель, усталая и измученная, приняла баронессу, и та, опустившись на стул, стала разглядывать себя в зеркале, поправляя растрепавшуюся прическу.

– Я хотела доказать тебе, что у меня есть сердце, хотя дрезденские негодяи ни во что меня не ставят, – начала она. – Какой только поклеп они не возводят на меня! Поверь, графиня, я завидую твоему уединению; живя при дворе, да

еще при таком, как наш, можно просто взбеситься, вот как я.

Она помолчала немного, уселась поудобней, огляделась вокруг.

– А в Пильниц тихо, уютно и красиво, не так уж было бы плохо, если бы тебя хоть здесь оставили в покое. Но нет, эта мерзкая Денгоф хочет изгнать тебя и отсюда.

Анна пренебрежительно усмехнулась.

– Так вот, эта особа уже у нас, в Дрездене, – затараторила Глазенапп, – и, поскольку она страшно боится, что ты будешь стрелять в нее из пистолета, подполковник Шатира и шесть кавалергардов не отходят от нее ни на шаг. От такой гвардии любой, пожалуй, не откажется, даже кому бояться нечего. Поместили ее пока у Фюрстенберга; впрочем, к тому времени, когда готов будет для нее дворец, царствование ее окончится.

– У них ведь есть мой дворец, – пробормотала Козель.

– Этот дворец предназначен для курфюрста, – продолжала всезнающая баронесса. – Шатира – гофмаршал, министр, друг, а вполне возможно, что он на ролях камеристки у Денгоф... Флемминг устраивает прелестные вечеринки для короля, новой фаворитки и их приближенных, трезвыми они никогда домой не возвращаются. Говорят, что на одной из таких вечеринок Флемминг, изрядно подвыпив, растрогался, потрепал Денгоф по подбородку и наградил ее вполне достойным эпитетом. Денгоф ничуть не рассердилась, впрочем, я слышала, что она так добра, что не прочь поделиться

даже сердцем короля, но, конечно, не с такой страшной соперницей, как ты, моя милая, ведь ты бы хотела владеть им безраздельно.

Баронесса Глазенапп наклонилась к графине, огляделась осторожно, приложила палец к губам.

– Король ужасно изменился, – прошептала она, – мы знали его, как очень доброго государя, а теперь он становится суровым и жестоким.

Анна взглянула на нее.

– По отношению ко мне...

– О, это вполне естественно, страстная любовь всегда так кончается; а ты слышала о судьбе Яблоновского?

– Я ни с кем не вижусь и ничего не слышу, – ответила Козель.

– Ты помнишь, конечно, как бесконечно обязан был король гетману и русскому воеводе, склонившему гетмана на его сторону; а известно ли тебе, где теперь этот воевода?

Козель с удивлением посмотрела на нее.

– Князь воевода сидит в комнате Бейхлинга в Кенигштейне. Его взяли в Варшаве из того самого дома, где он уговаривал своего отца перейти на нашу сторону, и вдобавок в годовщину того дня, когда они ездили на границу приветствовать курфюрста.

– Не может быть! – воскликнула Козель.

– Еще совсем недавно и я бы не поверила, – продолжала гостя, – но сейчас верю, что все возможно.

– А чем провинился воевода?

– Точно не знаю, но говорят, что на каком-то съезде этих бритых польских голов, как раз в то время, когда король завоевывал сердце Денгоф, Яблоновский открыто обвинил короля в безнравственности, в том, что он совращает чужих жен, да еще назвал все это государственным преступлением. Государственным преступлением! – восклицала, смеясь и хлопая в ладоши баронесса. – Ах, неоценимый Яблоновский! Говорят, он надеялся таким образом склонить присутствующих на сторону Лещинского, тот, мол, по крайней мере, их жен не тронет. Больше всего задело короля то, что Яблоновский вмешался в его отношения с Денгоф. За воеводой стали шпионить, перехватили какие-то письма, учинили допрос какому-то писарю, нашли у Яблоновского подозрительные бумаги, и король без всяких церемоний, без суда приказал посадить его в Кенигштейн.

Козель слушала с притворным равнодушием.

– Теперь посуди, моя дорогая, – закончила баронесса Глазенапп, – если даже с князьями-воеводами так мало церемонятся, то что говорить о других и что значим мы, бедные женщины, когда от нас хотят избавиться.

Рассказ баронессы произвел на Анну Козель сильное впечатление. Русский воевода в Кенигштейне, без суда, без улик заключен за польские дела в саксонскую тюрьму, это и впрямь было что-то неслыханное, над чем стоило призадуматься.

Покончив с грустными новостями, Глазенапп тут же переключилась на веселые.

– Король всюду деньгами швыряет, роскошным празднествам нет конца! – говорила она. – Но Денгоф на них не видно. Предполагают, что она не осмеливается встретиться лицом к лицу с королевой. Она, как Тешен, всегда в маске, они с сестрой обычно нетопырями наряжаются. Короля, впрочем, тоже нигде не видно, он вынужден взаперти с ней сидеть. На одном ужине, как я слышала, Киан поднял кубок и призвал всех отслужить католическое молебствие за волеизъявление государя из польской неволи.

Грустная улыбка скользнула по губам Козель.

– На другой день, – не умолкала гостья, – кто-то подхватил остроумную выдумку и вывесил на Георгентор и в церкви воззвание ко всем верующим. Король, говорят, очень смеялся, но того, кто осмелился это сделать, отыскать велено. Да разве найдешь его?

Неутомимая баронесса болтала до самого обеда. Пришлось пригласить ее. После обеда гостья пожелала осмотреть сад и липовые аллеи. Там она доверительно склонилась к уху Козель:

– Все считают меня злой, коварной, мстительной, я и в самом деле не прочь насолить тем, кто досаждает мне, но тому, кто хоть раз в жизни был ко мне добр, как вы, графиня, всегда рада оказать услугу. Мне очень жаль вас. При дворе совещаются, угрожают; вам плохо придется, если вы не вер-

нете бумагу.

– Бумагу? Какую? – спросила с мнимым спокойствием Козель.

– Вы же знаете, за ней Вацдорф приезжал. Говорят, если вы не отдадите бумагу по доброй воле, ее отнимут силой.

– Благодарю вас за предостережение, – ответила Козель, – но я ко всему готова. Этой бумаги, как вы ее называете, отнять не могут, ее у меня нет. Она в хороших и верных руках. Я ждала такой низости и спрятала ее в надежном месте.

Баронесса долго смотрела на Анну, стараясь отгадать правду по ее глазам, но на бесстрастном лице графини, полном высокомерия и притворного спокойствия, не отразилось ничего, хотя внутри все бушевало от негодования. Она сразу же поняла, что гнусные сплетни Глазенапп рассчитаны на то, чтобы втереться в доверие, и что баронесса подослана Вацдорфом или Флеммингом. Трудно было придумать более неудачного посредника. Старания баронессы оказались напрасными, ей пришлось не солоно хлебавши вернуться в Дрезден.

Не успел экипаж баронессы отъехать, как графиня велела позвать Заклику. Тот всегда был под рукой. Опасаясь, как бы ее не подслушали в собственном доме, Анна вышла с ним во двор, будто бы для того, чтобы отдать распоряжения по дому и саду. Заклика понимал ее с полуслова.

– За нами следят, – спросила она, – неправда ли?

– Ни за кого в этом доме я бы не мог поручиться, – ответил

верный слуга.

– А перехитрить их можно? – спросила Анна.

– Готлиб здесь главный, – сказал Заклика, – мне кажется, что, выезжая в город за провизией, он докладывает обо всем, что здесь делается. Но он человек недалекий, его напоить нетрудно, а провести и того легче.

– Готлиб? – удивилась графиня.

– Да, он потому и твердит вам о своей привязанности, чтобы отвести подозрения.

– В городе тебя все знают? – спросила вполголоса Козель.

– Э, многие забыли уже, наверно, – ответил Заклика, – да и перерядиться можно.

– А порасспросить кое о чем есть у кого?

– Ежели надо, найду, – ответил Раймунд.

– Мне уже и здесь опасно оставаться, – сказала Анна, дрожа, как в лихорадке. – Надо бежать, но как? Тебе одному я верю, скажи как?

Заклика молчал, погружившись в раздумье.

– Трудно, – ответил он, – но если надо...

– Это еще не все, – продолжала Анна, – необходимо взять с собой драгоценности, деньги, это теперь все мое состояние, не то их отнимут, расхитят.

Заклика в раздумье молча потер лоб, покрутил усы.

– Приказывайте, – сказал он, опустив глаза.

– Можешь ли ты поручиться, что я успею скрыться за границей?

– Сделаем все, что в силах человеческих.

Капли пота выступили у Заклики на лбу, он не на шутку встревожился.

– Давно бы так надо поступить, – пресек разговор скупой на слова Раймунд, – да что прошло, того не вернешь, надо делать, что возможно.

Бедный Заклика стоял нахмурившись, переступая с ноги на ногу, пальцы он сжал так, что хрустнули суставы. Анна с тревогой и любопытством смотрела на него. Сосредоточенный, энергичный, сильный, молчаливый, он выгодно отличался от обычного ее окружения – избалованных, изнеженных, вероломных людей. Заклика поражал ее и радовал. Анна чувствовала, что перед ней настоящий человек.

– Ночью я поеду в город, – сурово сказал он, – здесь, в доме, я показываюсь редко, и люди думают, что я, как обычно, заперся у себя в комнате; вы же не зовите меня, пока я сам не явлюсь. В кустах у острова у меня припрятана лодка, в ней я спущусь вниз по Эльбе. На обратный путь – вверх по течению – времени понадобится больше, но это ничего... А там увидим, что мне удастся узнать при дворе... Надо все как следует обдумать, отъезд – дело нешуточное.

Заклика говорил отрывисто, с трудом переводя дух. Графиня заметила вертящегося поодаль Готлиба и, боясь, как бы тот не догадался о чем-нибудь, кивнула ему, чтобы он подошел. Немец не заставил себя ждать.

– Мне кажется, не правда ли, Готлиб, что Пильниц можно

превратить в прелестный уголок. Хорошо бы сад здесь разбить, цветники, ведь, по всей видимости, уеду я отсюда не скоро. Когда будете в городе, подыщите мне, пожалуйста, садовника, я хотела поручить это поляку, но оказалось, что он никого не знает.

Готлиб испытующе посмотрел на хозяйку, на поляка, поклонился и пробормотал, что готов все сделать для своей бесценной госпожи. На этом разговор окончился. Козель направилась к дому. Готлиб постоял еще с Закликой, надеясь что-нибудь выведать у него. Вечером поляк, как его здесь называли, исчез. Это вызвало подозрение у соглядатаев, они попытались отворить дверь его комнаты, но она оказалась запертой изнутри на задвижку. Комната Заклики находилась внизу со стороны сада, они подкрались под окно. У противоположной стены стояла кровать, а на ней, вытянувшись во всю длину, лицом к стене, лежал огромный детина в обычной своей одежде. Убедившись, что Заклика дома, шпионы успокоились, ничего другого не оставалось, как дать ему волю выпасться.

Черная ночь наступала медленно, только красный отсвет закатного неба отражался в водах Эльбы, когда Заклика неслышно отвязал лодку от столбика, прыгнул в нее и, отчалив от берега, поплыл вниз по течению к Дрездену. В такую пору лодки на Эльбе почти не встречались, и надо было хорошо знать реку, чтобы не напороться на мель и камни. Бродя без дела по окрестностям, Заклика много плавал, греб и

хорошо изучил мели и изгибы реки от Пильниц до Пирны и дальше. Черная ночь была ему не страшна; через несколько часов он увидел огоньки предместья на берегу, а потом яркое зарево над замком. То была иллюминация, в замке веселились.

Находясь при дворе графини Козель в Дрездене, Заклика завел немало знакомств: душа его тянулась к тем, кто стоял в стороне, в тени, а вовсе не к придворным интриганам. Плывая по реке, он обдумывал, к кому из своих знакомых обратиться.

При дворе, постоянно нуждавшемся в деньгах, торговля деньгами и драгоценностями была одной из насущных потребностей. Август II имел кредит на значительные суммы в Вене у Оппенгеймеров, в Берлине у Либмана; в Дрездене поставщиками и посредниками были два еврея, весьма известных в городе: Леман Берендт и Ионас Мейер.

Мейер приехал из Гамбурга в 1700 году в начале царствования Августа II и, убедившись, что при постоянном денежном голоде, дела у него пойдут здесь неплохо, поселился в Дрездене и открыл первую меняльную и банкирскую контору. Король предоставил Мейеру под нее дом, называвшийся ранее Старой Почтой, а потом Юденгаузом. Мейер превратил его во дворец, разбил сад, на втором этаже устроил несколько роскошных зал, где давал время от времени для своих клиентов балы и маскарады. Мейер уже тогда ходил на банкиров нынешнего типа, подражал французской моде,

жил на широкую ногу; говорили, что, несмотря на непривлекательную внешность, в жизни его было немало счастливых минут, ибо он умел пользоваться своим положением...

Его товарищ Леман Берендт был человеком иного склада. Родом из Польши, он сохранил все типичные черты тамошних евреев. Энергичный, но скромный и тихий, в делах осторожный, он не отрекался ни от своего происхождения, ни от веры и вовсе не старался втереться в светское общество, слишком хорошо зная, какой дорогой ценой приходится платить за признание.

Графиня Козель не раз посылала к нему Заклику с поручениями. Леман и сам бывал у нее, когда того требовали их обоюдные интересы.

Ведя денежные дела, Леман имел возможность поближе узнать своих клиентов. Он сразу оценил благородный характер графини и относился к ней с глубоким доверием и уважением. Родные его жили когда-то в Краковском воеводстве, там провел он молодые годы, и теперь вспоминал, пошучивая, тамошний язык. Заклика тоже знал и любил эти места, и это часто служило предметом их долгих разговоров за рюмкой вина. Так они сошлись и сдружились. Заклика знал, что Леман уже после опалы графини Козель неоднократно доказывал ей свое уважение и преданность. В отличие от Иоанаса, который был верноподданным короля, приспешником всех по очереди влиятельных министров, который преклонялся перед придворными и всячески восхвалял

их, несколько не смущаясь разнузданностью двора, Берендт, наживаясь на этих людях, в душе питал к ним презрение и отвращение. Легкомыслие и распутство, узаконенные и ставшие привычными, претили ему.

Леман, конечно, не высказывал вслух этих своих мыслей, но по лицу его видно было, что он думает о придворных. Обдирать их доставляло ему удовольствие. Зато порядочным людям он любил оказывать услуги и часто делал это бескорыстно. Памятуя о разговорах, какие они вели шепотком, Заклика решил, что на Лемана смело можно положиться, во всяком случае, просить у него совета.

Оставив свой челн в надежном месте у знакомого венда, – тогда в предместье жило еще много вендов, – Раймунд, по самые глаза закутавшись в плащ и нахлобучив шапку, двинулся в город. Пройдя ворота, Заклика понял по бойкому движению на улицах, что, несмотря на поздний час, в замке – празднество. Еще издали была видна иллюминация над садом Гесперид в Цвингере. Король давал бал-маскарад при факелах в честь Денгоф. Люди струились потоками в разных направлениях, то тут, то там из носилок или из кареты высывалась маска. Исступленное веселье царило повсюду, опять, видно, настали хорошие времена...

Обходя замок знакомыми улочками, хоронясь за домами, – освещены были лишь немногие, – Заклика добрался незамеченным до Юденгауз на Пирнайской улице. У Лемана была здесь скромная небольшая квартира в задней части

здания. Раймунд рассчитывал, что в такое время банкир дома один, может, даже без слуг, и он, Заклика, никому не попадет на глаза. И впрямь, все, кто мог, ушли в Цвингер поглядеть на бал под открытым небом, где среди огромных апельсиновых деревьев толпа предавалась буйному веселью. Старая кухарка отворила Раймунду и впустила его к Леману; тот, выйдя в прихожую, с трудом узнал пришельца; Заклика знаком попросил его молчать, и Леман незаметно для слуги провел его в свой кабинет. Они молча пожали друг другу руки.

Леман был довольно красив, немолодой уже, с проседью; его приятное, без единой морщинки восточного типа лицо говорило о спокойном и мудром мировосприятии. Черные глаза смотрели умно и бесстрастно, хотя не потеряли еще способности загораться.

Заклика, поздоровавшись, огляделся с беспокойством вокруг, хозяин понял его и шепнул, хлопнув по руке:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.